

Лекция четвёртая

Показания свидетелей и признания

4.1. Признания нацистских лидеров во время войны

Р: В начале третьей лекции (глава 3.2) мы говорили о том, почему показания лиц, могущих быть пристрастными по отношению к какому-либо событию (либо эмоционально, либо идеологически), как правило, являются менее надёжными, нежели показания полностью нейтральных и беспристрастных наблюдателей. Особо осторожным нужно быть в случае с лицами, имеющими какое-либо отношение к спорящим сторонам. В том, что касается холокоста, это относится к предполагаемым преступникам с одной стороны и к предполагаемым жертвам с другой.

С: Но ведь тогда никого другого просто-напросто не останется. Вряд ли здесь можно найти нейтрального и беспристрастного наблюдателя.

Р: Может ли кто-либо оставаться нейтральным, когда речь заходит о холокосте? Вопрос, по сути, риторический. Всё, что мы слышим о холокосте, столь сильно переполнено эмоциями, что вряд ли можно найти по настоящему трезвого и объективного наблюдателя. Вторая мировая война разделила почти весь мир на добро и зло, как никогда ранее в человеческой истории. Можно с полной уверенностью сказать, что в том, что касается холокоста, не может быть никаких свидетельских показаний, а только показания той или иной заинтересованной стороны.

Я хочу, чтоб вы поняли, что скептически нужно относиться к показанием обеих сторон, так же как и в любом другом гражданском или уголовном деле. Пострадавшие, оставшиеся в живых, будут склонны к преувеличениям и даже будут выдумать некоторые вещи, из чувства ненависти и желания отомстить. В то же время преступники, в целях самосохранения, будут преуменьшать или отрицать случившееся.

С: Что ж, признания преступников становятся для меня всё более убедительными.

Р: Давайте тогда как раз с этого и начнём. Рассмотрим признания «преступников». Но прежде чем приступить к цитированию национал-социалистических лидеров, часто приводимых традиционными историками в качестве доказательства холокоста, нам нужно установить точный смысл ряда немецких слов. Вопрос следующий: что имели в виду нацистские лидеры, когда употребляли слова вроде «Vernichtung» (уничтожение) или «Ausrottung» (истребление)? Если заглянуть в современный словарь немецкого языка, то всё, похоже, чётко и ясно. В большинстве случаев данные слова относятся к физическому устранению, то есть к убийству. Но есть и исключения. Например, слово «Vernichtung» может использоваться в социальном или профессиональном значении; в таких случаях оно означает, к примеру, потерю или разрушение чьей-то финансовой основы или социальной товарищеской сети. Спортивный термин «vernichtende Niederlage» (разгромное поражение), разумеется, не означает, что члены проигравшей команды были убиты. Что же касается термина «Ausrottung», то он не такой двусмысленный, но и он не обязательно означает убийство.

В 20-х и начале 30-х национал-социалистические лидеры, ставшие впоследствии ведущими политиками Германии, жили в атмосфере постоянно идущей гражданской войны. Язык, который использовали представители более радикальных партий, участвовавших в этой борьбе, нередко был резким и разжигающим. Сказанное в пылу борьбы не всегда стоит воспринимать буквально. Об этом также не надо забывать.

А сейчас я приведу несколько примеров заявлений, сделанных лидерами национал-социалистической Германии, в которых присутствуют слова вроде «уничтожение» или «истребление», но при этом они явно не означают убийство.

1. Рудольф Гесс, заместитель Гитлера по партии до 1941 года, в своей речи в Стокгольме от 14 мая 1935 года отметил следующее: «Национал-социалистическое законодательство выступило в исправительной манере против [еврейской] иностранной инфильтрации. Я говорю в исправительной, поскольку тот факт, что еврейство в национал-социалистической Германии не подвергается, например, безжалостному истреблению, доказывает тем, что в одной

только Пруссии в промышленности и ремесленном производстве задействовано 33.500 евреев, в торговле и транспорте — 98.900. Это доказывается и тем, что при доле в 1% от населения Германии 17,5% юристов по-прежнему являются евреями, а, например, в Берлине в системе социальной безопасности разрешено участвовать почти 50% всех неарийских врачей»[848].

В данном случае слово «истребление» (в оригинале стоит глагол «ausrotten» — уничтожать, истреблять), естественно, не может означать убийство, поскольку в 1935 году ещё никто не обвинял Третий Рейх в безжалостном истреблении евреев — ни тотальном, ни частичном. Такое предположение было в то время столь нелепо, что даже нельзя и представить себе, чтобы второй человек в государстве после Гитлера мог отрицать частичное физическое истребление евреев. Слова Гесса следует понимать в социальном значении — что национал-социалисты ещё не уничтожили еврейское влияние в Германии при помощи всех средств (безжалостно), но только начали исправлять и ограничивать это влияние умеренными, но решительными действиями. Евреев, естественно никто не убивал; их всего лишь принуждали сменить профессию или эмигрировать из страны.

2. В августе 1936 года, в своей директиве о четырёхлетнем плане, Гитлер отметил, что через четыре года Вермахт и немецкая экономика должны быть готовы к войне с Советским Союзом. Если Советский Союз когда-либо завоюет Германию, это будет означать уничтожение («Ausrottung») немецкого народа[849]. Гитлер, разумеется, не мог иметь в виду, что советы при таком раскладе убьют 80 миллионов немцев. Его слова следует понимать в том смысле, что Германия будет уничтожена как независимый, политически влиятельный и культурный фактор [так и произошло — *прим. пер.*].

3. 10 ноября 1938 года Гитлер заявил в национал-социалистической прессе, что класс немецкой интеллигенции нужно искоренить («ausrotten»)[850]. Здесь он также не мог иметь в виду физическое истребление интеллигенции, а только конец влияния её представителей.

4. В конце января 1939 года Гитлер принял чешского министра иностранных дел. Во время их беседы Гитлер, помимо прочего, подверг критике либеральное отношение чехов к евреям и сослался на еврейскую политику своего правительства следующими словами: «В Германии евреи уничтожаются [«vernichten»]». Разумеется, он не мог иметь в виду физическое уничтожение евреев, поскольку никто не утверждает, что в то время имело место нечто подобное[851].

5. Феликс Керстен, личный врач Генриха Гиммлера, 12 декабря 1940 года записал в своём дневнике следующие слова, будто бы сказанные Гиммлером: «Мы должны искоренить [«ausradieren»] всех евреев, это воля Фюрера».

18 апреля 1941 года Гиммлер, согласно Керстену, заявил следующее: «К концу войны евреи должны быть искоренены [«ausgerottet»]. Это чёткая воля Фюрера».

Не кто другой, как Иегуда Бауэр из Иерусалимского университета, один из самых уважаемых историков холокоста, отметил, что, когда Керстен делал эти записи в своём дневнике, у Гитлера не было никакого намерения истреблять евреев, поэтому записи эти весьма проблематичны[852]. Однако в контексте вышеприведённых примеров эти записи становятся не столь проблематичными, как это может показаться на первый взгляд: искоренение означает здесь не физическое уничтожение, а устранение евреев из Германии и всей Европы.

А сейчас давайте перейдём к заявлениям ведущих нацистских политиков, которые часто приводятся в качестве доказательства тезиса об уничтожении евреев. Учитывая, что данные заявления были сделаны задолго до конца войны, это автоматически исключает возможность того, что они были получены под принуждением, в отличие от «признаний» обвиняемых, сделанных в тюрьмах союзников после войны.

Начнём с часто приводимого отрывка из речи Гитлера от 30 января 1939 года, то есть за семь месяцев до начала войны: «Сегодня я снова буду пророком: если международным еврейским финансистам из Европы и из-за её пределов удастся ещё раз ввергнуть народы в мировую войну, то результатом этого будет не большевизация Земли и, следовательно, победа еврейства, а уничтожение еврейской расы в Европе!»[853]

Здесь можно видеть мировоззрение Гитлера: евреи контролируют крупные международные финансы и являются силой, стоящей за большевизмом; они намереваются установить

финансовый и политический контроль над всем миром, если понадобится — путём гигантских войн; себя же Гитлер видит в качестве движущей силы, способной предотвратить такое развитие событий и искоренить еврейскую расу, что не даст миру угодить в еврейское рабство. Однако что он под этим имел в виду: физическое уничтожение евреев или же всего лишь уничтожение их политического и социального влияния?

Продолжение этой фразы (как правило, замалчиваемое официальными историками) многое проясняет: «Ибо времени, когда у нееврейских народов не было своей пропаганды, наступил конец. Национал-социалистическая Германия и фашистская Италия имеют учреждения, дающие им в случае необходимости возможность просветить мир о характере вопроса, который многие народы подсознательно ощущают, но ещё не добрались до его сути».

Таким образом, эти слова означают, что Гитлер искоренит евреев, просветив мир о их чудовищных планах и поступках. Сам Иегуда Бауэр полагает, что в этой речи Гитлер *не* имел в виду физическое убийство. Он подчёркивает, что отрывок этот был не более, чем расплывчатой, переполненной драматизмом угрозой, диаметрально противоположной остальной части той же самой речи[434]. Данная речь была реакцией Гитлера на угрозы бойкота, изложенные Рузвельтом в своей так называемой «карантинной речи», в которой Рузвельт назвал гитлеровскую Германию страной, заражённой опасной, инфекционной бациллой, и которую необходимо держать под карантином, то есть другие страны должны её бойкотировать и избегать. Ответная речь Гитлера содержит длинные отрывки, описывающие осуществление его политики по мирной эмиграции и переселению евреев.

С: К тому же эта угроза относится только на случай возможной войны.

Р: Да. Но даже если предположить, что Гитлер имел здесь в виду убийство, его, несколько театральная, угроза в ответ на угрозу Рузвельта всё равно не может служить доказательством преступления, совершённого позже, особенно когда он говорит, что мир будет просвещён о сущности евреев. Бауэр приводит ещё одно доказательство, говорящее против такого намерения, а именно документ, датированный маем 1940 года, то есть уже после начала войны, в котором Генрих Гиммлер отклоняет «большевистский метод физического истребления народа [...] как негерманский», и на полях которого имеется заметка Адольфа Гитлера «Совершенно верно»[854].

30 января 1941 года, выступая перед Рейхстагом, Гитлер вернулся к своему пророчеству от 1939 года и дал следующие пояснения: «Также я хочу повторить предупреждение, которое я уже однажды делал, 1 сентября 1939 года [правильно — 30 января 1939 г.], в немецком Рейхстаге. Предупреждение это состояло в том, что, если еврейство ввергнет мир во всеобщую войну, то роли, которую еврейство играет в Европе, наступит конец!»[855]

Итак, искоренение евреев означает конец влиятельной роли, которую еврейство играло в экономике, политике и культуре. Схожие замечания Гитлер сделал 30 января, 24 февраля, 30 сентября, 8 ноября 1942-го и 24 февраля 1943-го года[856]. Согласно этим замечаниям, Гитлер видел две возможности исхода идущей тогда мировой войны: либо будет искоренена арийская раса, либо будет искоренено еврейство. Это, разумеется, *не* означало, что в случае поражения арийских народов последние будут уничтожены физически. Что же касается искоренения еврейства, то речь здесь идёт о депортации европейских евреев в болотистые районы России[857].

А сейчас давайте перейдём к заявлениям нацистских лидеров об «искоренении еврейства», сделанным ими во время войны.

Начнём с дневниковой записи министра пропаганды Йозефа Геббельса за 27 марта 1942 года: «Начиная с Люблина, евреев сейчас депортируют из генерал-губернаторства на восток. Это довольно-таки варварская процедура, которая не будет здесь описана. От самих евреев мало что останется. Вообще, можно утверждать, что 60% евреев будет ликвидировано; трудоспособными будут только 40%»[858].

Здесь тот же случай, что и с другими цитатами. А именно: если принять во внимание действительную политику по отношению к евреям, то следует заключить, что 60% «ликвидированных» евреев — это те евреи, которые были не в состоянии работать, и которых поэтому отправляли на восток. Это становится понятно из записи Геббельса, сделанной им в своём дневнике двадцатью днями ранее: «Еврейский вопрос нужно решать в общеевропейских

рамках. В Европе по-прежнему остаётся свыше 11 миллионов евреев. Сначала их нужно будет сосредоточить на востоке. Затем, после войны, их можно будет отправить на какой-нибудь остров — например, на Мадагаскар. В любом случае, мира в Европе не будет до тех пор, пока евреи не будут полностью удалены с европейской территории»[859].

Изучив документы тех лет, Карло Маттоньо заключил, что в то время (после Ванзейской конференции) в генерал-губернаторстве началось переселение евреев, которое уж точно не было «акцией по уничтожению» («Vernichtungsaktion»)[860]. Ввиду значимости этих документов я приведу некоторые из них.

В начале 1942 года, после прибытия первых партий евреев на место их нового назначения, принимающие власти получили следующее указание: «Я требую, чтобы вы уделяли большое внимание тому, что прибывающие евреи должным образом отправляются на место их окончательного назначения, каким бы оно ни было; они не должны (как это уже имело место в других случаях) прибывать в конечный пункт назначения безо всякого наблюдения и затем рассеиваться по всей сельской местности»[861].

Если бы евреев отправляли в лагеря уничтожения, то нечто подобное было бы попросту невозможно.

В другом документе об обращении с евреями в пункте их назначения, помимо прочего, говорится следующее: «После прибытия на новые поселения евреев следует на три недели поставить под медицинское наблюдение. Каждый случай потенциального заболевания тифом должен обязательно докладываться ответственному участковому врачу»[862].

За евреями, отведавшими газу, вряд ли можно вести медицинское наблюдение целых три недели.

«Варварские» методы переселения изложены в следующем документе, датированном 22 марта 1942 года, за четыре дня до дневниковой записи Геббельса: «22 марта 1942 года из Билгорая в Тарногород было эвакуировано 57 еврейских семей, всего 221 человек. Каждой семье был предоставлен транспорт для перевозки мебели и кроватей. Благоустройство и наблюдение возьмут на себя полиция и служба особого назначения. Акция прошла в соответствии с планом и без особых происшествий. Эвакуированные лица были расквартированы в Тарногороде в тот же день»[863].

С: Но если это действительно было так, почему же тогда Геббельс писал о «варварской процедуре» и о том, что «от евреев мало что останется»?

Р: А вам не кажется, что массовое и насильственное переселение людей — это уже варварство по западным стандартам? Насильственное переселение миллионов немцев с восточных территорий после Второй мировой войны также считается варварством. На мой взгляд, образы, встающие перед нами, когда мы представляем себе холокост, притупили наши чувства до такой степени, что мы уже не в состоянии различать варварские поступки, ежедневно происходящие вокруг нас. В свете ужасов, услышанных нами о холокосте, всё остальное кажется не таким уж и плохим.

С: Действительно, после холокоста любое варварское обращение с нашими человеческими братьями можно назвать «не таким уж и плохим» — например, события в Косово, Чечне, Руанде, Палестине.

Р: Да. Не стоит забывать: Геббельс не прошёл через моральную обработку холокостной пропагандой. Для него насильственное переселение целых семей на экономически отсталый восток было настоящим варварством, и в этом он был совершенно прав. Что же касается его слов «от евреев мало что останется», то они могли относиться только к политическому, экономическому и социальному присутствию евреев в Европе. Они ни в коей мере не могли означать их убийство.

Таким образом, слово «ликвидация» имело для Геббельса то же значение, что и слова «уничтожение» и «искоренение» для Гитлера — депортацию евреев на восток и конец их экономическому, политическому и социальному влиянию в западной и центральной Европе.

Другой пример — речь генерал-губернатора Польши Ганса Франка, произнесённая им 16 декабря 1941 года, то есть примерно за месяц до Ванзейской конференции. В этой речи Франк отметил следующее: «Если еврейский род в Европе переживёт войну, в то время как мы пожертвуем нашей лучшей кровью ради защиты Европы, то тогда эта война будет лишь

отчасти успешной. Таким образом, в том, что касается евреев, я могу предположить, что они исчезнут. Им нужно будет уйти»[864].

С: Здесь также всё предельно ясно.

Р: На первый взгляд — да. Эрнст Нольте, например, приводит этот отрывок в качестве доказательства холокоста[865]. Однако он не обращает внимания на продолжение этой речи: «Я начал переговоры с целью их депортации на восток. В январе в Берлине [Ванзее] состоится крупная конференция по этому поводу, на которую я пошлю статс-секретаря Бюлера. Конференция эта пройдет в Главном имперском отделе безопасности обергруппенфюрера СС Гейдриха. В любом случае, будет принято решение о крупном перемещении евреев».

С: Такое впечатление, что Нольте вырвал ту цитату из контекста и тем самым исказил её смысл.

Р: Не торопитесь. Давайте прочтём ещё дальше: «Но что будет с евреями? Вы думаете, они осядут в деревнях на восточных территориях? В Берлине нам сказали: с чего такой шум? Мы ничего не можем с ними поделать, ни на восточных территориях, ни в рейхскомиссариате [Украине], ликвидируйте их сами! [...] Мы должны уничтожить евреев, где бы мы их ни находили, для того чтобы сохранить здесь целостную структуру Рейха. [...] Мы не можем застрелить три с половиной миллиона евреев, мы не можем их отравить, но мы предпримем меры, которые приведут к их успешному уничтожению в той или иной степени — разумеется, во взаимодействии со всеобщими мерами, предпринимаемыми Рейхом, о которых здесь шёл разговор. Генерал-губернаторство должно быть очищено от евреев так же, как и Рейх. Где и как это случится — вопрос властей, которые будут созданы на этих территориях, о юрисдикции которых я сообщу вам в своё время».

С: Так что же это означает? Переселение или уничтожение?

Р: А почему не и то, и другое? Франк явно говорит здесь об одном и том же; переселение и уничтожение в данном случае — синонимы. Или взять эту фразу: «Мы *не* можем застрелить три с половиной миллиона евреев, мы *не* можем их отравить». Из неё ведь ясно следует, что евреи не будут расстреляны и не будут отравлены ядовитым газом.

Вся двусмысленность тут же исчезнет, если мы взглянем на эти отрывки в контексте других документов, таких как дневниковые записи Геббельса или другие документы Ганса Франка[866]. Из них становится ясно, что как Франк, так и Геббельс ничуть не сомневались в том, что нетрудоспособные евреи будут расселены на востоке, в то время как остальные евреи будут использоваться в качестве рабочей силы.

И наконец, рассмотрим речь Гимmlера за 4 октября 1943 года, именуемую, как правило, «секретной речью». Вот отрывок из неё:

«Я думаю сейчас об эвакуации евреев, об уничтожении еврейского народа. Это одна из тех вещей, о которых можно с легкостью говорить. «Еврейский народ будет уничтожен, — говорит каждый партийный товарищ, — всё коротко и ясно, это наша программа — исключение [Ausschaltung] евреев, их уничтожение; это то, что мы делаем». И вот они собираются вместе, 80 миллионов добрых немцев, и у каждого из них есть свой порядочный еврей. Да, конечно, все остальные — свиньи, но вот этот — просто первоклассный еврей. Тот, кто говорит подобным образом, плохо наблюдал и не жил посреди них. Большинство из вас знает, что это значит, когда 100 трупов лежит вместе, когда лежит 500 трупов или 1000 трупов. Пройти через это и в то же время (за исключением случаев, связанных с человеческой слабостью) остаться порядочным человеком — это делает нас сильными. Это славная глава нашей истории, которая так и не была и никогда не будет записана, ибо мы знаем, как нам было бы тяжело, если бы с нами сейчас по-прежнему были евреи, в качестве тайных саботажников, агитаторов и торговцев клеветой, посреди нас, в каждом городе — во время бомбёжек, со страданиями и лишениями войны. Мы бы, наверно, уже давно были в той же ситуации, что и в 1916-17 годах, если бы в теле немецкого народа по-прежнему жили евреи.

[...] Мы имели моральное право, мы имели обязанность перед нашим народом убить этот народ, который хотел убить нас»[867].

С: Что ж, вот и доказательство того, что эвакуация — это кодовое обозначение физического уничтожения.

Р: Ничего подобного. Это доказательство того, что для Гимmlера слово «уничтожение»

было синонимом эвакуации, поскольку нигде в программе Национал-социалистической рабочей партии Германии (НСДАП) не говорится о физическом уничтожении евреев, а только о том, что они не могут быть гражданами[868], что равнозначно их выселению из Германии.

С: А что это за трупы, о которых говорит Гиммлер?

Р: Этот отрывок должен относиться к немцам с «порядочными евреями», которые не одобряют жёсткие меры против евреев, поскольку они никогда не видели сотни или тысячи трупов, лежащих вместе: «Тот, кто говорит подобным образом, плохо наблюдал и не жил посреди них». То есть это явно не могли быть еврейские трупы, поскольку если бы немцы с «первоклассными евреями» когда-либо видели сотни еврейских трупов, они бы ещё меньше одобряли антиеврейские меры и могли бы даже пойти на баррикады. Но аудитория Гиммлера, состоявшая из высших офицеров СС и полиции, понимала антиеврейские меры, поскольку они видели эти трупы. Но вид еврейских трупов также вряд бы ещё больше настроил их против евреев. Жёсткие меры можно одобрить только тогда, когда есть уверенность в том, что они оправданы, что они представляют собой наказание. Наказание за что? За массовую гибель людей, за развязывание войны.

В этой связи стоит обратить внимание на часто повторяемое Гитлером предупреждение: «Если международным еврейским финансистам из Европы и из-за её пределов удастся ещё раз ввергнуть народы в мировую войну», то им тогда не поздоровится! То, что Гитлер и его окружение винили евреев за развязывание обеих мировых войн, можно увидеть из многих сделанных ими заявлений.

Таким образом, Гиммлер говорил о трупах немецких солдат, которые и должны были заставить колеблющихся немцев, а также слушателей Гиммлера понять необходимость жёстких мер, направленных против евреев. Именно поэтому Гиммлер и его слушатели так безжалостно относились к евреям в те дни.

С: Но ведь в конце своей речи Гиммлер прямым текстом говорит, что у них было моральное право убивать евреев.

Р: Да, он прямо так и говорит, но это лишено всякого смысла, поскольку даже самые ярые национал-социалисты никогда не утверждали, что евреи планировали совершить геноцид против всего немецкого народа. В нацистской идеологии и пропаганде говорилось о еврейском большевизме и крупных еврейских финансистах, которые хотели поработить немецкий народ. Так что, если платить той же самой монетой, слово «убийство» в данном контексте должно означать то, что у нацистов было право поработить евреев, что тогда как раз и произошло. Таким образом, данный отрывок также нельзя воспринимать буквально, поскольку Гиммлер говорит в прошедшем времени: «Мы *имели* моральное право, мы *имели* обязанность [...] убить этот народ». Но ведь, согласно официальной историографии, в октябре 1943 года убийство евреев ещё не стало достоянием истории. В то время в Европе всё ещё проживали миллионы евреев. Венгерских евреев вообще ещё не трогали, в Польше из крупного гетто в Лодзе ещё никого не депортировали, во Франции вплоть до конца войны оставалось три четверти евреев, а почти 90% евреев с французским гражданством было избавлено от депортаций.

С: А эта речь Гиммлера была записана?

Р: Ну, отрывки из аудиозаписи этой речи были воспроизведены на Нюрнбергском процессе.

С: Значит, речь Гиммлера была записана?

Р: Технические детали вокруг этой записи вызывают множество вопросов. К тому же кажется не слишком правдоподобным, что Гиммлер стал бы делать аудиозапись секретной речи, произносимой им перед высшими офицерами, в которой говорилось о военной обстановке. Или взять говорящие против неё технические подробности. Аудиозапись, представленная в Нюрнберге в качестве улики, была сделана на грампластинке, которую можно было записать только при помощи технологии механической звукозаписи. Это была крайне примитивная технология, появившаяся ещё в начале XX века. Качество записи на такой пластинке крайне низкое.

С: А качество аудиозаписи речи Гиммлера позволяет провести речевой анализ?

Р: Вряд ли. По крайней мере, лично я не слышал, чтобы кто-то делал такой анализ.

С: Значит, это могла быть работа имитатора голосов?

Р: Исключать такую возможность нельзя. Но самое интересное состоит вот в чём: немецкая электрическая компания АЕГ разработала массовый процесс записи на плёнку ещё в 1939-1940 годах, и эта технология распространялась в Германии со скоростью ветра. Так что кажется весьма правдоподобным, что после 1940-1941 годов речи ведущих немецких деятелей записывались именно на плёнку. Однако плёнки с записанной речью Гимmlера никто никогда не видел.

С: Союзники, наверно, попросту были не в состоянии сделать подобную запись, поскольку они тогда ещё не были знакомы с немецкой технологией аудиозаписи на плёнку.

Р: Верно.

С: А на Нюрнбергском процессе кто-нибудь попробовал установить, откуда происходит грампластинка с речью Гимmlера?

Р: Обвинение утверждало, что данная пластинка была найдена в каких-то немецких документах, что равносильно утверждению о том, что пластинка эта была изготовлена немецкими властями, а не переписана союзниками с плёнки. Но если немцы записали эту речь на плёнку, они бы никогда не стали переписывать её на грампластинку. Так что заявление о происхождении данной пластинки не внушает доверия. Как и другие сомнительные документы, эта улика не подверглась какой-либо проверке. Таким образом, нужно сначала провести исследование о происхождении и подлинности этой записи и уж потом делать из неё выводы.

Но даже если допустить, что эта речь Гимmlера подлинная, её всё равно, как верно отмечает К. Маттоньо, следует рассматривать в контексте с другими речами и документами Гимmlера — например, с заявлением, сделанном им 23 ноября 1942 года в Бад Тельце: «Еврейский вопрос в Европе полностью изменился. В своей речи в Рейхстаге фюрер как-то раз заявил: если еврейство развяжет мировую войну — например, для того, чтобы уничтожить арийский народ, — то уничтожен будет не арийский народ, а еврейство. Евреи были выселены за пределы Германии, они живут здесь на востоке и работают на наших улицах, железных дорогах и т.д. Это последовательный процесс, но проходит он без жестокостей»[869].

Таким образом, становится ясно, что речи и дневниковые записи лидеров Третьего Рейха можно правильно истолковать только в контексте всех их высказываний. Но и тогда эти заявления являются всего лишь намерениями или взглядами отдельных лидеров и не могут предоставить нам информацию о том, что происходило на самом деле.

4.2. Тысяча причин для дачи ложных показаний

4.2.1. Слухи и недоразумения

Р: «В: Вы когда-нибудь слышали слухи?

О: Постоянно».

Эти строки взяты из протокола допроса бывшего узника Освенцима Арнольда Фридмана, речь на котором шла о его лагерной жизни[870]. Из них видно, что Освенцим действительно был фабрикой слухов.

В главе 2.15 я уже приводил слова Эрнста Нольте, где он говорил о том, что должно было быть известно всем историкам: «[...] точно так же он [историк] знает, что большие скопления людей в экстремальных ситуациях и перед лицом трудно постижимых событий давали и дают пищу слухам».

Здесь Нольте имеет в виду (а Фридман подтверждает), что люди, будучи лишены источников информации, обычно доступных им, стремятся составить полную картину происходящего на том немногом, что у них имеется. Немецкие концлагеря не были исключением в этом отношении. В этих лагерях содержались узники отовсюду, то есть люди различных культур. Многие из них плохо понимали по-немецки или совсем не понимали. Они едва понимали, где находятся, они не были знакомы с немецкими гражданскими и военными обычаями. Неудивительно поэтому, что многие узники принимали слухи и сплетни за чистую

правду. И, как мы позже увидим, эту плодородную почву для слухов широко эксплуатировали всевозможные подпольные группы, для распространения союзнической пропаганды.

В качестве классического примера слуха, возникшего из-за неопределённости, а также недоверия к врагу, я хотел бы привести короткий отрывок из книги «Фабрика смерти», в котором авторы повествуют о сауне для узников, построенной в Освенциме-Биркенау: «Даже при отсутствии профессиональных знаний любой поймёт, что нацистские врачи постоянно совершали в концлагерях преступления против человечества. Мы не можем забыть об одном докторе-эсэсовце, находившемся в Биркенау в начале 1943 года. Его скромным увлечением была «финская сауна».

Эта баня из Биркенау состояла из двух отдельных помещений, которые могли наглухо закрываться друг от друга посредством двери. Узники должны были раздеться в коридоре и сдать свою одежду и бельё на обработку от вшей.

В первом помещении имелаась гигантская кирпичная печь, в которой перед началом бани в течение нескольких часов накаливались добела крупные камни. У противоположной от печи стены имелаась крайне примитивная ступенчатая скамья, доходящая почти до потолка.

Голым узникам приходилось сидеть на этой скамье, как можно ближе друг к другу. Один сидел рядом с другим, здоровые были прижаты к больным, у многих из которых была заразная кожная сыпь.

Затем раскалённые камни поливались водой. Из-за чудовищной жары истощённые, больные, изнурённые тела узников начинали обильно потеть. Новоприбывшие, которым нужно было взбираться на верхние ступени, потели больше всего. Пот, перемешанный с грязью и гноем из гноящихся ран, тёк ручьём. Когда кое-кто уже начинал терять сознание, герметичная дверь во второе помещение открывалась, и охранники с криком и ударами дубинкой принимались загонять туда голых узников, прямо под ледяной душ»[871].

С: Сауна в качестве камеры пыток?!

Р: Да, ни много, ни мало. Сауны стали строиться в Германии во время войны для укрепления иммунной системы, в том числе — как можно видеть отсюда — и в Освенциме, на благо узников (см. рис. 127). Тому, кто никогда не видел сауны и был склонен верить всяким ужасам, рассказываемым о немцах, эта роскошная вещь вполне могла показаться инструментом пытки. Мы уже встречали сауну (точнее, пар) в качестве утверждаемого предмета убийства, когда говорили о Треблинке (глава 3.5.2).

Показания некоего Генри Геллера принадлежат к той же самой категории утверждений, основанных на слухах. Геллер рассказал, что в Освенциме его «спас» бывший коллега, немец по национальности. Этот немец будто бы узнал его, Геллера, когда того вели в газовую камеру. В итоге немец «милосердно включил воду вместо газа». Так утверждает Геллер[873]. Разумеется, это полный бред, поскольку ни один, даже самый ярый, сторонник холокоста никогда не утверждал, что когда-либо существовали людские газовые камеры, позволявшие делать выбор между газом и водой, шедшей из душевых головок. На самом деле этого Геллера привели в обычную душевую, и он только *думал*, что это газовая камера, поскольку до этого он наслушался слухов о том, что газовые камеры якобы маскируются под душевые, в которых из душевых головок идёт не вода, а отравляющий газ.

Размах того, насколько свидетельские показания о холокосте основываются на слухах (то есть на вещах, о которых человек только слышал), можно увидеть из протоколов допросов, проведённых во время предварительного расследования перед Освенцимским процессом во Франкфурте. Они полны свидетельских показаний с чужих слов, то есть рассказов, основан-

Рис. 127. Сауна в гигиеническом здании BW 5b Освенцима-Биркенау[872].

ных не на личном опыте, а на услышанном от других, во время так называемых «лагерных бесед» — понятие, крайне часто встречающееся в свидетельских показаниях[874].

Позвольте мне рассказать вам об одном эксперименте по динамике слухов — эксперименте, в котором я лично принимал участие. Это был своего рода испорченный телефон. Каждому из двух испытуемых показывали по одному рисунку. На одном из них был изображён надгробный камень с буквами «R.I.P.», окружённый несколькими травинками. На втором же был изображён солнечный пляж с двумя пальмами и парусником, плывущим по морю. Оба испытуемых должны были описать свои рисунки другим испытуемым. Затем игра продолжалась тем же образом по цепочке. После пятого раза испытуемые должны были нарисовать на бумаге то, что им было описано на словах. Так вот, испытуемый, которому описали сцену на пляже, сумел нарисовать её в целом правильно, зато надгробный камень, пройдя несколько этапов, превратился в широкий луг, окружённый дремучим лесом с пасмурным небом. О чём это говорит?

С: О том, что клише — стандартные образы — не нуждаются в подробном описании, потому что похожие картины уже имеются в нашей голове.

Р: То же самое можно с полным правом сказать и о политических и исторических клише: то, что уже имеется в нашей голове, не нуждается в тщательном описании, в то время как вещи или события, не подпадающие под стандартные понятия, можно описать лишь с большим трудом. Испорченный телефон (чем, по сути, и является слух) работает только тогда, когда он был проведён по изъезженной дороге. В нашем случае это означает, что сегодня, после того как холокостные клише десятилетиями распространялись по всем информационным каналам, любой «очевидец» может запросто повторить эти клише, несмотря на то, что они могут быть не чем иным, как обычными слухами.

4.2.2. Манипулирование человеческой памятью

Р: Ещё один, более опасный аспект испорченного телефона заключается в том, что мы можем думать, будто мы пережили некое событие, образ которого имеется у нас в голове, несмотря на то, что «знание» это основано не на нашем собственном опыте, а на слухах, то есть оно было получено от родных или знакомых, взято из газетных новостей или из выученного в школе и тому подобное. Многие из нас помнят истории из раннего детства — истории, которые нам множество раз рассказывали наши родители или бабушки и дедушки. Нередко в качестве подтверждения нам показывали фотографии или даже фильмы. Несмотря на то, что в большинстве случаев практически невозможно иметь собственные воспоминания из раннего детства, наша память была натренирована так, чтобы воспринимать чужой опыт за наш собственный. А поскольку мы, разумеется, не можем подозревать наших родителей в том, что они нас преднамеренно обманывали, у нас нет никаких причин на всё это возражать.

Ситуация, однако, меняется радикальным образом, когда кто-то другой пытается убедить нас в чём-то, что может иметь для нас тяжёлые последствия. Взять, к примеру, психиатров, пытающихся объяснить нежелание своих пациентов поверить в то, что в детстве над ними сексуально надругались их собственные родители. То обстоятельство, что первоначально у их пациентов не было воспоминаний о такого рода событиях, этих «экспертов» нисколько не беспокоит. Они изо всех сил начинают убеждать своих пациентов (при помощи наводящих вопросов и специальных приёмов ведения беседы) в том, что они якобы подавили воспоминания об этих душевных травмах, полученных в детстве, и что теперь задачей психиатров является докопаться до этих «утраченных знаний».

Одним из ведущих мировых специалистов по исследованиям возможностей человеческой памяти и возможностей манипулирования ею является Элизабет Лофтус. В своих многочисленных работах она показывает, что человеческой памятью можно манипулировать даже при помощи самых мягких методик задавания наводящих вопросов[875]. Например, в одном эксперименте ей удалось при помощи наводящих вопросов убедить 36% испытуемых в том, что они видели в Диснейленде кролика Багс Банни. Однако Багс Банни — это персонаж не диснеевских мультфильмов, а мультфильмов компании Уорнер Бразерс; таким образом, это по-

просту невозможно.

Кроме того, Лофтус обнаружила, что человеческой памятью можно манипулировать тем легче, чем эмоциональней обстоятельства, при которых происходит задавание вопросов, а также мнимый пережитый опыт (сексуальное надругательство, похищение инопланетянами и т.д.). К сильному искажению человеческой памяти могут привести даже эмоциональные телерепортажи.

С: Это просто ужасно! Получается, людей можно заставить помнить то, что с ними никогда не происходило!

Р: Да, согласно результатам, полученным Лофтус и многими другими специалистами[876]. И легче всего это сделать тогда, когда событие, которые вы хотите, чтобы человек «вспомнил», включает в себя моменты, которые испытуемый помнит на самом деле. Моменты эти служат, так сказать, отправным пунктом для остальной лжи.

С: А какое это имеет отношение к предмету нашего разговора?

Р: Большое. Элизабет Лофтус — не только специалист по ложным воспоминаниям, она ещё и еврейка. В конце 80-х годов её попросили выступить на процессе Ивана Демьянюка в качестве свидетеля защиты и высказаться по поводу надёжности свидетелей, выступавших против него (см. главу 2.10). Вот что пишет Лофтус по этому поводу:

«Досье должно было меня убедить. Дело, [а] основывающееся на воспоминаниях тридцатипятилетней давности, должно было говорить само за себя. Добавьте к этим обветшалым воспоминаниям то обстоятельство, что [б] свидетели ещё до того, как взглянуть на фотографии, знали, что у полиции есть подозреваемый, и им даже говорили имя и фамилию подозреваемого — Иван Демьянюк. Добавьте к этому сценарию то обстоятельство, что [в] израильские следователи спрашивали у свидетелей, если они могут опознать Джона Демьянюка — явно предвзятый и наводящий вопрос. Добавьте сюда то обстоятельство, что [г] впоследствии свидетели почти наверняка говорили об опознании и тем самым манипулировали другими свидетелями. Добавьте сюда то, что [д] фото Джона Демьянюка постоянно демонстрировалось, так что после каждого показа его лицо становилось всё более знакомым, а свидетели — всё более уверенными и убеждёнными.

Но самый главный фактор — это [е] чрезвычайно эмоциональный характер этого отдельного случая. Ведь человек, которого эти люди опознавали, был больше, чем просто орудием нацистов, даже больше, чем зловещим Иваном, запускавшим дизельные двигатели, пытавшим и калечащим заключённых. Этот человек — если он действительно был Иваном Грозным — нёс личную ответственность за убийство их отцов, матерей, братьев, сестёр, жён и детей.»[877]

По её собственному признанию, Лофтус долго думала, соглашаться ли ей участвовать на этом суде в качестве свидетеля-эксперта или нет. Вот что она пишет: «Если я возьмусь за это дело, — говорила я сама себе собой сотни раз, — я тем самым отрекусь от моего еврейского наследия. Если же я не возьмусь за это дело, я отрекусь от всего того, над чем я работала последние пятнадцать лет. Чтобы остаться верной своей работе, я должна относиться к этому случаю так же, как и к любому другому до него. Если с опознанием что-то не так, я должна рассказать об этом суду. Именно так я должна поступить»[878].

В разговоре с подружкой-еврейкой ей стало ясно, что все её еврейские друзья, знакомые, родственники и вообще все евреи обвинят её в предательстве своего народа, если она предстанет на суде над Демьянюком в качестве свидетеля защиты: «Она [подруга Лофтус] считала, что я её предала. Хуже того, гораздо хуже: я предала свой народ, своё наследие, свою расу. Я предала их всех, думая, что, может быть, Джон Демьянюк невиновен»[879].

С: Лофтус считает евреев расой?!

Р: Похоже на то. В конце концов она решила не выступать в суде в качестве свидетеля защиты. За ходом судебных заседаний она наблюдала с места для зрителей и составила не один подробный отчёт о том, как сильно она сочувствовала остальным евреям и свидетелям, которые отчаянно боролись со своей памятью. Зато по отношению к обвиняемому никаких симпатий она не испытывала. Иначе говоря, г-жа Лофтус, гражданка США, бросила Демьянюка в беде, так как она чувствовала большее обязательство перед еврейством, членом которого она являлась, нежели перед истиной и перед человеком, который, как и она, был амери-

канским гражданином. Она была готова допустить убийство невинного человека, пусть даже она и помогла найти другого эксперта, который бы оценил степень надёжности памяти свидетелей. То, что Демьянюк — первоначально осуждённый на смерть — не был казнён, но был в итоге оправдан и выпущен на свободу, произошло исключительно благодаря настойчивости его адвокатов и поддержке, оказанной им различными исследователями-ревизионистами[881].

Внушение и воображение способствуют внедрению в память событий, не происходивших описанным образом или не происходивших вовсе. Из-за этого ко многим рассказам о перенесённых травмах (таких как, к примеру, сексуальное надругательство в раннем детстве) нужно относиться скептически. Элизабет Лофтус, всемирно признанный эксперт, крайне расхваливаемый за свои заявления о ненадёжности человеческой памяти[880].	Внушение и воображение способствуют внедрению в память событий, не происходивших описанным образом или не происходивших вовсе. Из-за этого ко многим рассказам о перенесённых травмах (таких как, к примеру, знакомство с газовыми камерами во время «холокоста») нужно относиться скептически. Стандартное заявление, делаемое ревизионистами; наказуемо тюремным сроком до десяти лет в Германии, Австрии, Швейцарии, Франции, Бельгии, Польше и Израиле.
--	--

С: Она, небось, придёт в ещё больший ужас, когда на неё начнут ссылаться «отрицатели холокоста»!

Р: Уже начали. И вот какова была её реакция, когда она об этом узнала: «Она была просто шокирована и не знала, что происходит»[882].

С: Таким образом, Лофтус ещё не готова применить результаты своих исследований к судебным делам, затрагивающим членов её «расы».

Р: Именно так. Однако это делает её как свидетеля ещё более заслуживающим доверия, поскольку никто не может отвергнуть её результаты как «антисемитские» или «неонацистские».

Как мы позже увидим, суд над Демьянюком не сильно отличался от других широко разрекламированных процессов над «нацистскими преступниками», таких как иерусалимский процесс Эйхмана, Освенцимский процесс во Франкфурте (Франкфуртский процесс), Майданский процесс в Дюссельдорфе, суд над Клаусом Барби, Морисом Папоном, Эрихом Прибке и т.д.

К перечисленным Лофтус факторам, способствующим искажению памяти свидетелей, которые дают показания против «нацистских преступников» (я их обозначил от а) до е)), я хотел бы добавить ряд дополнительных факторов:

ж) Следует предположить, что Лофтус обладает более высоким чувством профессиональной этики и большим уважением к истине, нежели среднестатистический свидетель. Но даже она не смогла себя перебороть и привести оправдательные доказательства, поскольку это, по её словам, было бы равносильно «предательству» её народа. Интересно, Лофтус вообще понимает, о чём говорит? Для евреев истина достойна презрения, если она не способна принести пользу евреям, зато ложь или обычное безразличие к несправедливости вполне приемлемы, если это служит на благо евреям. Сколько же тогда любви к истине следует ожидать от «обычных» еврейских свидетелей, не отягчённых профессиональной этикой?

з) Рассказы всевозможных свидетелей о пережитом всегда распространялись устным путём, в письменной форме, по радио и телевидению и, в частности, среди самих свидетелей путём личного обмена информацией или через миссии помощи, основанные в лагерях сразу же после войны.

и) Тема холокоста стала вездесущей во всех западных сообществах самое позднее с конца 70-х годов, причём в самой что ни на есть односторонней манере.

к) В том, что касается холокоста, считается не только крайне вредным для общества, но и преступным не знать одно, не распознавать другое и сомневаться в третьем. Поэтому на свидетелей оказывается громадное общественное давление, чтобы они вспоминали одни вещи и замалчивали другие.

Эти четыре фактора способствуют грубому искажению памяти в ещё большей манере, нежели факторы, перечисленные Лофтус.

С: Всё это звучит красиво, но это всего лишь теория. Есть ли какие-нибудь доказательства того, что подобные манипуляции с памятью имели место на практике?

Р: Позвольте мне сначала процитировать двух всемирно известных «охотников за нацистами». Первый — это Эфраим Цурофф из Израиля. В своей книге «Род занятий — охота за нацистами» он описывает свои поиски Йозефа Менгеле, в прошлом — врача в Освенциме. Сегодня Менгеле известен как «ангел смерти» Освенцима, будто бы проводивший жестокие опыты на бесчисленном количестве заключённых и будто бы участвовавший в убийстве сотен тысяч людей в газовых камерах[883].

Во время своего расследования Цурофф столкнулся с поразительным фактом (поразительным для него): сразу же после войны бывшие узники описывали Менгеле вовсе не тем безжалостным преступником, каким его описывали через двадцать лет и позже: «Содержание этих статей[884] оказалось весьма неожиданным, поскольку из них следовало, что Менгеле 1985 года, когда он уже стал символом зла и олицетворением извращения науки, не пользовался той же дурной славой в 1947 году. [...] Менгеле не считался очень крупным преступником [в 1947 г.], и его предполагаемый арест не рассматривался в качестве события чрезвычайной важности. [...] Это было, по сути, первым указанием на то, что статус печально известного «ангела смерти» с течением лет вырос в геометрической пропорции. [...] Менгеле был,] в определённом смысле, не тем человеком, за которым все охотились в Южной Америке»[885].

С: Но ведь через два года после события воспоминания должны быть вполне свежими, в отличие от показаний, которые даются через двадцать-тридцать лет!

Р: Вне всякого сомнения. Таким образом, то, что свидетели описывали в 1980-м или 1985-м году как свои собственные воспоминания, было в действительности ложными воспоминаниями, сложившимися в их голове в результате двадцати лет массового внушения.

Второй «охотник за нацистами», о котором я хотел бы упомянуть, — это Адальберт Рюкерль, долгое время занимавший пост председателя Центрального отдела земельных управлений юстиции в Людвигсбурге, основанного в 1958 году исключительно для расследования гипотетических преступлений национал-социалистов. После примерно двадцати лет розыскной деятельности Рюкерль мимоходом упоминает о том, что свидетели из Австралии уже не могут вспомнить подробности того, что якобы происходило в лагерях во время войны, в отличие от свидетелей из Европы, США и Израиля[886]. Разумеется, он не задаёт себе вопрос, почему так происходит. Чем Австралия по-настоящему отличается от других континентов, так это тем, что вплоть до конца семидесятых годов холокост не играл существенной роли в жизни австралийского общества. Ни средства массовой информации, ни уголовные суды не интересовались этой темой, а бывшие узники нацистских концлагерей, эмигрировавшие в Австралию, были плохо организованы в этой малонаселённой стране по сравнению с их бывшими сотоварищами в Европе, Израиле или США. Что следователи обнаружили в Австралии, но не отдали себе в этом отчёт, так это то, что бывшие узники лагерей, проживающие там, были меньше подвержены манипуляции.

Со временем холокостная пропаганда, разумеется, простёрла свои щупальца так далеко, что вряд ли уже где-то в мире остался человек, сумевший избежать силы внушения крупнейшей пропагандистской кампании за всю человеческую историю.

И наконец, я хотел бы привести конкретный пример того эффекта, который сила внушения непогрешимой холокостной догмы может оказать на свидетелей. Подготовка к крупному Освенцимскому процессу во Франкфурте началась в конце 1958 года с выдвижения обвинения против Вильгельма Богера, в прошлом — следователя немецкой государственной полиции в Освенциме. Был немедленно найден ряд свидетелей, обвинивших Богера в совершении им в Освенциме бесчисленных жестокостей — зверских пыток, чудовищных убийств, уча-

ствия в самовольных расстрелах и массовых газациях. По ходу следствия была допрошена немецкая еврейка по имени Марила Розенталь, бывшая в Освенциме одной из секретарш Богера. Во время первого допроса Розенталь обнаружилось, что она не могла подтвердить обвинения, выдвинутые против её бывшего начальника, так же как и общие заявления о жестокостях, будто бы совершаемых в Освенциме.

Помимо прочего, в показаниях Розенталь содержались заявления о её хороших взаимоотношениях с бывшим начальником и об общей рабочей атмосфере: «Богер был вежлив со мной, и я не могу пожаловаться на него в том, что касается лично меня. Дошло даже до того, что он стал регулярно передавать мне на тарелках часть своей еды, под предлогом, что я должна их мыть. Кроме того, он организовал передачу мне одежды из лагеря Биркенау. [...] Он был очень вежлив и с другими заключёнными-еврейками, работавшими в политотделе, и мы, еврейки, его очень любили. Я помню также, что Богер не испытывал особой ненависти к евреям. [...] Я не могу сказать ничего плохого о Богере в том, что касается меня и других узниц из политотдела»[887].

А вот очень важный отрывок из её показаний, обратите на него особое внимание. Розенталь рассказывает о том, как другие женщины из политотдела сплетничали в туалете и обменивались последними лагерными слухами.

С: Ага, так вот как работала фабрика слухов!

Р: Да. Впрочем, Розенталь говорит, что она держалась от этих сплетен подальше. Тем не менее, их содержание было ей известно: «Мы, заключённые, говорили о том, что, когда Богер прибыл в мужской лагерь, там начались регулярные убийства. Лично я об этом ничего не слышала. Богер никогда не говорил мне что-либо по этому поводу. Я никогда не видела, чтобы Богер находился в эмоциональном возбуждении. Поэтому я абсолютно ничего не могу сказать о том, как и когда Богер расстреливал заключённых. Не считая служебного пистолета, который висел у него на ремне, я никогда не видела, чтобы он носил какое-либо другое оружие. Я никогда не видела в кабинете винтовки или автомата. Также я не замечала на его форме пятен, которые бы были признаком расстрелов».

На втором допросе от 10 декабря 1959 года Марилу Розенталь поставили лицом к лицу с противоречиями между её оправдательными показаниями и обвинениями, выдвинутыми другими бывшими заключёнными. Она попыталась объяснить это тем, что её память была недостаточно хороша, а также тем, что пережитое ею в то время в Освенциме «оказалось выше моих сил. Я не могла усвоить и обработать то, что я там видела и слышала. Это может быть одной из причин, по которым сегодня я уже не могу вспомнить конкретные подробности, которые тогда я, наверное, знала. Во Франкфурте-на-Майне я встретила с моими бывшими коллегами из Освенцима, и мы, разумеется, говорили о тех временах. И я должна сказать, что я была не раз поражена теми подробностями, которые мои коллеги всё ещё помнят. Как я уже говорила, я не могу их вспомнить. Я хочу подчеркнуть, что у меня нет ни малейшего интереса защищать кого бы то ни было. Но, с другой стороны, я не могу говорить то, чего не знаю»[888].

С: Ого, она называет бывших заключённых коллегами!

Р: Да, и это о многом говорит. Снова и снова следователи спрашивали её, почему это она не может вспомнить подробности злодеяний и личности преступников, и каждый раз она отвечала, что из-за ужаса она находилась в некоем трансе, отказываясь принимать к сведению происходившее вокруг неё[889].

В соответствующей литературе была признана ненормальность показаний Розенталь — единственных по-настоящему оправдательных показаний из всех, что были даны бывшими секретаршами освенцимского политотдела. Официальные историки холокоста, так же как и суд присяжных Франкфурта, объясняют это тем, что Розенталь будто бы подавила страшную сторону пережитого ею, полностью стерев её из своей памяти и спрятав её целиком в своём подсознании, о чём она сама говорила на втором допросе[890].

С: Кстати, именно так психиатры пытаются объяснить, почему люди будто бы не помнят сексуальные злоупотребления, которые они якобы пережили в детстве.

Р: Верно подмечено. Но давайте взглянем на это более пристально. Марила Розенталь была первой секретаршей (и первой женщиной вообще), которую допросили на эту тему во

время следствия. На своём первом допросе она смогла вспомнить множество подробностей о хорошем отношении к ней и другим еврейкам добросердечного Богера. Впервые о зверствах, свидетелем которых она якобы была, она услышала (преднамеренно) от следователей. Следователи были «тактичны» и достаточно компетентны, чтобы произвести убедительное впечатление на свидетельницу. Поэтому она объяснила провалы в своей памяти, в которых её упрекнули, тем, что у неё якобы плохая память и что она будто бы отказывалась сплетничать вместе с другими узницами.

Перед тем, как быть допрошенной во второй раз, она встретилась с некоторыми из бывших своих коллег, как она выразилась. То, что она называет бывших узниц коллегами, говорит о том, что она считала себя в Освенциме обычным служащим и вовсе не рабыней в лагере уничтожения. Её коллеги (и, возможно, другие бывшие узники) рассказали ей всякие ужасы, которые её очень удивили, потому что ничего подобного она не припоминала. Но из-за того, что их рассказы совпали с тем, что она услышала от следователей, которые хотели, чтобы она их подтвердила, и из-за того, что она, похоже, была единственным человеком, который запомнил другую версию событий, она пришла к выводу, что с её памятью что-то неладно. В попытках найти объяснение ей «намекнули» на то, что она попросту стёрла из своей памяти ужасы прошлого, спрятав их в глубины подсознания. Однако она продолжала твёрдо настаивать на том, что ничего подобного она не помнит.

Здесь встаёт ещё один вопрос: как это так случилось, что Мариле Розенталь было позволено общаться с некоторыми из своих бывших коллег по лагерю и обмениваться с ними воспоминаниями, перед её вторым допросом? Кто организовал эту встречу? Соответствующая литература содержит упоминания о том, что подобные встречи организовывались ассоциациями бывших узников, нередко с целью оказания решающего влияния на показания, даваемые на суде[891].

Розенталь заявила, что она не смогла запомнить совершаемые в Освенциме жестокости, из-за того, что она тогда якобы находилась в трансе. Однако это противоречит тому обстоятельству, что о прошлом у неё сохранились крайне подробные воспоминания, положительный характер которых никак не согласовывался с теми вещами, которые она будто бы «спрятала» в своём подсознании. Это является стандартным оправданием, которое используют пациенты, ставшие жертвами манипулирования памятью, для объяснения той парадоксальной ситуации, при которой их сознательные воспоминания находятся в противоречии с тем, во что их заставили поверить всякие «специалисты».

Кроме того, положительное описание, данное Розенталь Богеру, её возвращение в Германию из-за того, что ей не понравился Израиль, использование ею термина «коллеги» по отношению к бывшим подругам по заключению — всё это говорит о том, что пребывание в Освенциме её несколько не травмировало.

Таким образом, вполне может так быть, что это не пребывание в Освенциме травмировало Розенталь, а давление и манипулирование памятью со стороны организаций узников, бывших товарищей по заключению, сообщений в СМИ, заявлений прокуроров и, наконец, судьи. Это подтверждается и тем, что заверения Розенталь, согласно которым отсутствие у неё воспоминаний вызвано травмой, становились всё более интенсивными по мере проведения новых допросов.

С: Это очень неприятно — узнать, до чего ж ненадёжна человеческая память.

Р: Да, но лучше уж быть в курсе недостатков нашей памяти, нежели слепо и легкомысленно ей доверять.

Что, на мой взгляд, гораздо неприятней, так это то, что на Освенцимском процессе во Франкфурте показания Розенталь были приняты судом не в качестве оправдательных, а в качестве обвинительных доказательств! Как заявил судья, злодеяния, совершаемые в Освенциме, были столь ужасными, что свидетельница — Марила Розенталь — получила душевную травму — настолько сильную, что у неё пропали все воспоминания об этих самых злодеяниях; к тому времени она была окончательно сбита с толку и уже совсем не доверяла своей памяти. Если следовать подобной логике, то тогда любое оправдательное показание можно превратить в обвинительное. Это ставит всю доказательственную логику и поиски истины с ног на голову. Получается, что, как только выдвигается некий тезис, его уже нельзя опро-

вергнуть.

С: А что вы можете сказать о заявлениях свидетелей, появлявшихся на публике в последние годы и рассказывавших о пережитом ими во время войны?

Р: В 1995 году я лично переговорил с одним из таких свидетелей. Им был Ганс Мюнх, бывший во время войны врачом-эсэсовцем в Освенциме[892]. Из разговора с Мюнхом, которому в то время было 84 года, я убедился, что его заявления полны внутренних противоречий и что в ключевых местах они противоречат действительности. После настоятельных расспросов Мюнх признался, что его первоначальное утверждение — то, что он лично был свидетелем рассказанных им вещей — не соответствует истине. Столь сильная ненадёжность памяти престарелых лиц, рассказывающих о событиях, которые они якобы лично пережили много десятилетий тому назад, нисколько не удивительна, причём не только из-за возраста этих свидетелей. Ведь на протяжении пятидесяти лет Мюнх был активно вовлечён в данную тему. После войны его неоднократно допрашивали, он выступал в качестве свидетеля на многих процессах, имел тесный контакт с организациями бывших узников лагерей, годами непрерывно читал стандартную литературу «переживших холокост», часто вызывался давать интервью различным лицам и СМИ. Не может такого быть, чтобы все эти факторы не повлияли на его память.

Вскоре после того, как я напечатал мой разговор с Гансом Мюнхом, крупнейший немецкий политический журнал «Шпигель» напечатал короткое интервью с тем же самым Мюнхом — вероятно, пытаясь как-нибудь возместить ущерб, нанесённый мною степени доверия Мюнху. Однако интервью из «Шпигеля» было крайне поверхностным и отличалось вызывающим характером задавания намекающих вопросов, что уже само по себе является способом манипулирования памятью опрашиваемого лица[893]. Ответы Мюнха были столь возмутительны, что один французский прокурор обвинил его в разжигании ненависти. От тюремного срока его спасло лишь то, что он страдал болезнью Альцгеймера в продвинутой стадии[894].

С: Иначе говоря, нам сегодня предъявляют страдающих болезнью Альцгеймера и говорят, чтобы мы принимали их заявления об Освенциме за чистую монету!

Р: Да, дела обстоят именно так. Тем не менее, уже вошедшая в поговорку ненадёжность показаний лиц престарелого возраста о пережитом ими в молодости не мешает средствам массовой информации предъявлять этих «чудо-свидетелей» даже через шестьдесят лет с момента окончания войны, в отчаянных попытках опровергнуть ревизионистов[895]. В середине девяностых был запущен ряд амбициозных архивных проектов исключительно для систематического сбора и записи заявлений «переживших холокост», уже начавших страдать старческим слабоумием. Один из этих проектов был инициирован в конце 1994 года Стивеном Спилбергом, ещё один — германо-еврейским центром Мозес-Мендельсон-Центрум в Потсдаме (пригороде Берлина) под руководством немецкого еврея и историка Юлиуса Шёпса и американского преподавателя литературы Джеффри Хартмана (Йель)[896].

Степень научности этих проектов можно хорошо увидеть на примере проекта Спилберга. Интервью со свидетелями проводят добровольцы, которые перед этим проходят через двадцать часов инструктажа. Большая часть этих помощников — люди, сами затронутые холокостом; не совсем, правда, ясно, что это означает[897].

С: Это, наверно, означает, что они не в состоянии проводить критические интервью, поскольку у них нет базовых знаний по истории.

Р: Это уж точно. Кроме того, это означает, что они эмоционально предубеждены. То, что критическое отношение к свидетелям не приветствуется, можно увидеть из пресс-релиза центра Мендельсон, в котором разъясняются тамошние методы проведения интервью: «Научно оценивать личные воспоминания весьма нелегко, однако именно субъективность рассказов помогает записать исторический опыт, избегая при этом хрупкое изложение фактов, свойственное обычной исторической науке. Подобно психоаналитическим интервью, нужно попытаться, при помощи крайне ненавязчивой техники интервьюирования, дать простор собственным воспоминаниям свидетеля, для обеспечения достоверности рассказов»[898].

С: И что вы имеете против такого метода?

Р: А с каких это пор можно приблизиться к истине, будучи субъективным? Используемая

здесь техника интервьюирования называется в социологии повествовательным интервьюированием. Во время таких интервью интервьюер подстраивается под намерения интервьюируемого. Данная техника основывается на людской склонности к повествованию и предоставляет рассказчику всю необходимую ему свободу, вплоть до изложения фантастических историй. Подобным образом интервьюер может узнать о субъективном мыслительном процессе интервьюируемого. Чтобы добиться этого, интервьюер должен подавать интервьюируемому сигналы продолжать свой рассказ, как бы сильно тот ни уходил в сторону от объективной истины. Интервьюер в той или иной степени подтверждает сделанные заявления, тем самым поощряя интервьюируемого продолжать, или даже произносит наводящие слова, чтобы направить интервьюируемого в нужном направлении; в нашем случае эти слова — «газовая камера»[899]. Критичные вопросы не являются частью данных интервью, поскольку они могут прервать или даже остановить поток повествования.

Результатом такого интервью является крайне субъективный рассказ, лишь изредка соответствующий объективной истине. Тот, кто объявляет результат такого рода интервью объективной действительностью, совершает, мягко говоря, очень большую ошибку. Любой, кто имеет хоть какое-то понятие о социологии подобных интервью и, тем не менее, по-прежнему объявляет их истиной, думает только о том, как бы обмануть.

Факт состоит в том, что только критичный анализ заявлений, сделанных свидетелями (сюда входят и критичные вопросы, задаваемые во время таких интервью), может позволить нам отличить то, что свидетели действительно пережили, от того, во что они превратили свой жизненный опыт (сознательно или неосознанно) за последние пятьдесят-шестьдесят лет. Критичность — это метод науки. В данном случае это значит разобрать показания на внутренние противоречия и установить, если они находятся в соответствии с тем, что мы уже установили в качестве истины другими способами.

Если же мы станем позволять свидетелям свободно рассказывать свои басни и будем объявлять их догматичной истиной, мы тем самым вернёмся в каменный век, когда истину устанавливали знахари и шаманы своими безумными речами.

К большому сожалению, вышеупомянутые проекты — не единственные, использующие эту технику обмана. По сути дела, в подобной манере проводятся почти все интервью с «пережившими холокост» — в СМИ, во время уголовных расследований, в залах суда, или когда их берут традиционные историки и социологи. Задавать «пережившим» критичные вопросы строго запрещено (см. цитаты в начале главы 2.23). А немецкий прокурор Хельге Грабиц полагает, что «переживших» нельзя критично расспрашивать, но по отношению к ним нужно быть чрезвычайно чутким и понимающим[900], что, в принципе, одно и то же.

А теперь представьте себе, как эти «пережившие холокост» проходят через такого рода интервью, многие из них — неоднократно. Какие бы сказки они ни рассказывали, окружающие всегда с ними соглашаются и одобрительно кивают головой. И как вы думаете, какой эффект окажет всё это на память таких свидетелей?

С: Они уж точно не станут более аккуратными.

Р: Вне всякого сомнения. Таким образом, данная техника проведения интервью не имеет ничего общего с наукой под названием история. Я считаю подобные проекты весьма опасными — из-за того, что они создают жуткую мешанину из фактов, ошибок и выдумок, придавая ей научный ярлык «неподдельной» истины, которая используется затем для укоренения догмы, закреплённой во многих странах при помощи уголовного кодекса. Будущие поколения учёных будут рвать себе волосы на голове, когда столкнутся со всей этой смесью некомпетентности, обманных технологий и догматичной слепоты своих предшественников.

4.2.3. Загадочная болезнь

Р: Среди рассказов свидетелей о событиях, происходивших в немецких концлагерях и так называемых лагерях уничтожения, можно встретить свидетельства, в которых узники повествуют о том, как они болели сыпным тифом[901]. Как мы уже говорили, в различных лагерях Третьего Рейха неоднократно вспыхивали эпидемии тифа, от которых умирали десятки

тысяч заключённых, а также немало охранников. Для нас особый интерес представляет то, как врачи, лечившие больных тифом, описывают последствия этого заболевания на человеческое восприятие и человеческую память. Доктор Отто Хумм предоставил нам яркое описание симптомов этой болезни, основанное на типичных случаях[902]. Одной из особенностей тифа является то, что больной на пике заболевания ведёт себя как большой психопат и находится в бреде[903]. Например, доктор Ганс Киллиан в своих мемуарах описывает случай, свидетелем которого он стал на восточном фронте во время Второй мировой войны. В главе под названием «Загадочная болезнь» («Die Gespensterkrankheit») он пишет следующее:

«17-е марта. Сегодня мне предстоит сделать нечто уникальное; меня отвезут в Хилово, чтобы я осмотрел больных тифом, лежащих в специальном лазарете. [...] Терапевт шепчет мне: «Не бойтесь, профессор, люди там ужасно встревожены, некоторые из вообще сошли с ума!» [...]

В одной сумрачной палате находятся трое человек, действительно сошедших с ума. Один из них стучит и жестикулирует, что-то бормочет и переходит с кровати на кровать. Он не знает ни что он делает и говорит, ни где он находится. Другой пытается открыть окно — по всей видимости, намереваясь уйти. Санитар его мягко останавливает, пытаясь убедить его прекратить, но тот не понимает ни слова. Не следует никакого ответа, никакой реакции; пациент, похоже, следует внутреннему порыву, и, словно упёртый зверь, он не изменит своего отношения. И наконец, третий пациент с ярко-красным, вздувшимся лицом и красными глазами что-то бормочет, находясь в угрожающем возбуждении, но с совершенно отсутствующим взглядом; шатаясь, он идёт к нам. Крича, он подходит всё ближе и ближе. Такое впечатление, что он принимает нас за русских. Мы быстро хватаем его за руки, пытаемся его успокоить, повернуть обратно и уложить в кровать. Охваченный дикой паникой, он начинает кричать и метаться из стороны в сторону, пытаясь себя защитить, так что ещё два санитары вынуждены прийти к нам на помощь, чтобы уговорить обезумевшего человека. В конце концов нам удаётся уложить несчастного, полностью дезориентированного парня и укрыть его одеялом. У его изголовья остаётся один санитар. [...]

У меня всё больше продолжает складываться впечатление, что утверждение о том, что тиф — это, прежде всего, заболевание мозга, некая разновидность энцефалита, соответствует действительности, поскольку большинство внешних симптомов свидетельствует о повреждениях в работе мозга. Это может объяснить те бессмысленные хождения по кругу, полную дезориентацию больного, бессвязную и беспокойную речь и, наконец, глубокое помутнение сознания.»[904]

А сейчас подумайте вот о чём. Летом 1942 года в Освенциме началась эпидемия тифа, унёсшая с собой жизни тысяч узников, полностью остановить которую удалось лишь к концу 1943 года. Тысячи других узников переболели тифом и остались в живых. Пока они выздоравливали, они по-прежнему продолжали находиться в лагере — лагере, где тысячи умерших от тифа были похоронены в общих могилах, поскольку крематории были перегружены; где полуразложившиеся трупы были затем вырыты из могил и сожжены на кострах — из-за угрозы заражения грунтовых вод, расположенных крайне высоко; где постоянно приводились в исполнение смертные приговоры, после того как приговорённые узники подавали прошение о помиловании и месяцами ждали ответа на него, при этом будучи не в состоянии общаться с другими узниками, так что тем казалось, будто казни проводятся по прихоти начальства[905]; где часто проводились селекции узников, исчезавших затем из памяти остальных узников. И если при этом некоторые из этих узников страдали от кошмарных галлюцинаций, вызванных тифом, — галлюцинаций, которые они, выздоровев, с трудом могли отличить от реальности или и вовсе не могли отличить, — то какие же тогда «воспоминания» должны были остаться у этих узников после их освобождения из лагерей?

С: Вы хотите сказать, что рассказы свидетелей о массовых убийствах были галлюцинациями?

Р: Ну, я бы не стал это обобщать. Существует много причин для дачи ложных показаний, и нужно учитывать каждую из них. Не все ложные показания, естественно, можно объяснить бредом, вызванным тифом, но, на мой взгляд, у некоторых из тысяч узников, прикованных тифом к постели, уж точно были галлюцинации, походившие на те жуткие истории, которые

мы постоянно слышим об Освенциме. Кроме того, узники немецких концлагерей вряд ли получали медицинский и психиатрический уход, необходимый для предотвращения долгосрочных физических и психических последствий тифа. Вышеприведённая цитата из книги Киллиана свидетельствует о том, что эту эпидемию вообще не могли правильно понять.

Как бы то ни было, галлюцинации больных узников ещё сильнее усугубляли слухи, ходившие по лагерям.

4.2.4. Намеренные преувеличения и выдумки

С: У меня почему-то складывается такое впечатление, что вы хотите убедить нас в том, что все лживые и преувеличенные рассказы о холокосте вызваны всего лишь досадными ошибками, а преднамеренно никто никогда не лгал.

Р: Нет-нет, я не настолько наивен. В конце главы 2.4 я задал риторический вопрос о том, сколько врождённых лжецов можно найти среди пяти миллионов переживших холокост. Этот вопрос очень серьёзен и более чем уместен. Как вы думаете, сколько их может быть? Сто? Или, может, тысяча? Это примерно равно количеству свидетелей, утверждающих, что массовое уничтожение людей действительно имело место. Учитывая эмоционально накалённую атмосферу первых послевоенных лет, просто нельзя серьёзно утверждать, что никто никогда не лгал. Кроме того, в главе 2.22 я упоминал профессора Мазера, который детально описывает выдумки союзнической пропаганды. Или взять, к примеру, того же Эрнста Скальского, который признался, что антифашисты лгали о холокосте «из благородных побуждений» (глава 2.12).

Основная проблема, возникающая в этой связи, была описана немецким юристом Фридрихом Гриммом в одной из его книг. В ней он рассказывает о случайной встрече, состоявшейся вскоре после конца Второй мировой войны с одним человеком, который во время беседы признался ему, что он — агент пропагандистского агентства союзников.

С: Это, наверно, та самая пропагандистская английская кухня, описанная Мазером, со всеми её профессиональными лжецами, вроде Эллича Гау (глава 2.22).

Р: Вполне возможно. Итак, по ходу этой беседы, когда речь зашла о последствиях союзнической пропаганды ужасов, Гримм отметил, что теперь-то, после завершения боевых действий, настало время прекратить эту пропаганду и дать народам мирно сосуществовать друг с другом, основываясь на понятиях истины. На это, вполне справедливое, замечание тайный агент союзников, согласно Гримму, ответил следующее: «Нет, тотальную войну мы выиграли как раз благодаря пропаганде ужасов. [...] И мы только начали! Мы будем её усиливать до тех пор, пока не будет потушена последняя искра симпатии к немцам, а сами немцы не будут сбиты с толку до такой степени, что уже не будут знать, кто они и что они делают»[906].

С: Ничего себе!

Р: После этих слов можно с полным правом заявить, что многое из того, что мы слышим о войне и холокосте, является большим детищем мастеров союзнической пропаганды. Интересно, что в 1998 году по решению немецкого суда книга Гримма была изъята из обращения и запрещена в Германии, как раз из-за этой цитаты[907]. Это хорошо показывает ту степень свободы, которой немцы сегодня обладают.

А сейчас давайте перейдём к конкретным примерам данной пропаганды. Классическим примером лжи (или, говоря более мягко, «чёрной пропаганды») является история, запущенная о лагере Бельжец Яном Карским[908], который десятилетиями был главным свидетелем «программы уничтожения» этого лагеря, несмотря на то, что описываемым методом уничтожения были не «газовые камеры», а так называемые «поезда смерти», полы которых были якобы покрыты негашеной известью, медленно разъедавшей тела евреев до самых костей. Впрочем, я не стану подробно описывать эту историю. О чём я хочу поговорить, так это о тогдашней официальной деятельности Карского. Во время войны он служил курьером польского правительства в изгнании, находившегося в Лондоне. То, в чём на самом деле состояла эта «курьерская» деятельность, было описано англо-еврейским традиционным историком Вальтером Лакером: «В 1941-42 годах Карский подпольно проживал в Варшаве, принимая

участие в «чёрной пропаганде» среди немецких солдат, печатая и распространяя листовки на немецком языке»[909].

С: И что, это делает его надёжным свидетелем происходившего в Бельжеце?

Р: Конечно же нет, как раз наоборот. Анализ различных его заявлений о Бельжеце (крайне противоречащих как друг другу, так и версии, принятой сегодня) показывает, что Карский попросту распространял о Бельжеце «чёрную пропаганду». Как-никак, в то время это было его официальной работой. Неудивительно поэтому, что даже традиционные историки Нольте и Хильберг отозвались о Карском как о «ненадёжном свидетеле» (глава 2.15)[910].

С: Значит, его курьерская деятельность состояла в том, чтобы отправлять в Лондон более-менее правдоподобные выдумки?

Р: Да, и в этом он был не одинок. Польское правительство в изгнании, разумеется, поддерживало тесные связи с движением сопротивления из генерал-губернаторства, которое не только занималось подрывной деятельностью, но и имело разветвлённую сеть агентов, курьеров и пропагандистов. Эти пропагандисты, например, регулярно отправляли в Лондон рассказы о ужасах, будто бы творившихся в Освенциме[911].

Благодаря признаниям одного из бывших руководителей этой пропаганды мы теперь точно знаем, что служило источником пропагандистских сообщений из Освенцима.

В 1935 году Бруно Баум, последний лидер довоенной коммунистической молодёжной организации KJVD из Берлина, вместе с Эрихом Хонеккером, ставшим впоследствии генеральным секретарём ГДР, был арестован за противозаконную деятельность и распространение материалов, враждебных государству. В 1937-м Баум был приговорён к тринадцати годам заключения за государственную измену. В апреле 1943-го Баума перевели в Освенцим. Поскольку он был квалифицированным электриком, его определили к бригаде электриков, состоявшей из заключённых. Баум сразу же принялся создавать в лагере подпольные ячейки и вести коммунистическую пропаганду; в этом ему помогало то, что, будучи электриком, у него была свобода передвижения по лагерю. В середине 1944 года Баум продвинулся до руководства совета освенцимских лагерных партизан, к которым также принадлежали Герман Лангбайн (член австрийской компартии, впоследствии — председатель Освенцимского комитета) и Йозеф Циранкевич (польский социалист). По поручению руководства социал-коммунистических лагерных партизан-интернационалистов Баум собирал с товарищами шпионские материалы о немецких предприятиях по производству вооружений, которые затем передавались в Лондон по радио польским подпольем. Редакционная группа лагерного подполья составляла сообщения о якобы имевшем место бесчеловечном обращении охранников-эсэсовцев с узниками и о «чудовищных преступлениях нацистов в Освенциме, включая 4,5 миллиона убитых всех национальностей», которые при помощи коротковолнового передатчика передавались на лондонское радио с частотой два отчёта в неделю[912].

В конце войны Баума перевели в лагерь Маутхаузен, где его и освободили американцы. 16 мая 1945 года советский репатриационный отряд тайно вывез из лагеря Бруно Баума и тридцать других бывших членов компартии, переодетых в советских граждан, и разместил их в уединённом замке Вильгельминенбург недалеко от Вены, где они находились приблизительно до начала августа 1945-го. Там они прошли так называемую подготовку и получили директивы о роли, которую им предстояло занять в качестве руководителей кадров в советской зоне оккупации, будущей ГДР.

Впоследствии Баум стал руководящим деятелем СПЕ (Социалистической партии единства) в Восточном Берлине. Проводимые им жёсткие экономические мероприятия были одной из причин восстания восточных немцев 17 июня 1953 года против советской оккупации. В 1959 году, на волне антиссионистских настроений в восточном блоке, Баум (члены семьи которого проживали в израильском кибуце) был исключён из руководства берлинской СПЕ и переведён в Потсдам, где он и скончался в 1971 году.

А теперь самое интересное. Бруно Баум, так же как и многие другие его сотоварищи, сразу же после войны писал отчёты для советов. Один из этих отчётов, составленный в июне 1945 года, назывался «Отчёт о деятельности коммунистической партии в концентрационном лагере Освенцим» и был согласован и утверждён «директивным органом» коллектива компартии. Эти отчёты, так же как и отчёт «чрезвычайной советской комиссии по расследова-

нию военных преступлений», составляли ядро советской пропаганды об Освенциме вплоть до 1990 года, куда входила и пропагандистская цифра в четыре миллиона жертв.

Почти через три месяца после войны, 31 июля 1945 года, Бруно Баум, в статье, озаглавленной «Мы вели радиопередачи из ада», напечатанной в немецкой газете «Дойче фолксцайтунг» (в то время — центральном органе немецкой компартии), похвастался следующим: «Вся пропаганда об Освенциме, которая сейчас начала вестись в других странах, зародилась у нас, и в этом нам помогали наши польские товарищи»[913].

Политическому департаменту Освенцима, то есть лагерному Гестапо, никак не удавалось установить личности лагерных партизан. В попытках остановить поток негативной пропаганды, лагерное эсэсовское руководство улучшило в Освенциме рабочие и лагерные условия до такой степени, что, согласно самому Бруно Бауму, «Освенцим стал в итоге образцовым лагерем».

То, как работала эта коммунистическая пропаганда, можно увидеть на изменениях, сделанных в вышеприведённой цитате из статьи Баума.

В книге Баума «Освенцимское сопротивление», вышедшей в 1949 году, чётко говорилось: «Я думаю, не будет преувеличением, если я скажу, что большая часть освенцимской пропаганды, распространяемой в то время по всему свету, писалась прямо нами в лагере»[914].

Однако в переиздании этой же самой книги за 1957 год стоит следующее: «Я думаю, не будет преувеличением, если я скажу, что большая часть публикаций об Освенциме, распространяемых в то время по всему свету, исходила от нас»[915].

А вот ещё одна цитата из этой книги, подвергнувшаяся удивительной метаморфозе.

1949 год: «Мы распространяли эту пропаганду среди мировой общественности вплоть до последнего дня нашего пребывания в Освенциме» (стр. 35).

1957 год: «Подобным образом мы информировали мировую общественность вплоть до последнего дня нашего пребывания в Освенциме» (1957 г. — стр. 89, 1961 г. — стр. 88).

С: Хм, писать пропаганду самим и информировать общественное мнение — это далеко не одно и то же.

Р: Вне всякого сомнения. В 1949 году, после конца войны и завершения первых послевоенных процессов, некоторые думали, что им можно писать об этих вещах вполне открыто. Однако новый поток процессов, начавшихся в Западной Германии в середине 50-х годов, изменил эту ситуацию, поскольку Москва совершенно справедливо увидела в этих мероприятиях возможность возвысить моральный облик левых партий, путём непрерывных обвинений и преувеличений «фашистских» (то есть правых) преступлений в Западной Германии. Поэтому было решено не признавать, что хоть что-то из писавшегося во время войны было всего лишь военной пропагандой. Эксплуатацию западногерманских процессов над «нацистскими преступниками» восточным блоком мы рассмотрим несколько позже.

С: Интересно, что в этот круг лагерных партизан, сочинявших пропаганду об Освенциме, входил и Герман Лангбайн, один из самых видных представителей послевоенного холокостного лобби.

Р: Это заставляет задуматься, не правда ли? Лангбайн, будучи коммунистом и долгое время председателем Освенцимского комитета, играл центральную роль в распространении освенцимской пропаганды не только во время войны, но и после неё. Интересно также то, что первая штаб-квартира Освенцимского комитета находилась в польском Кракове, то есть это явно была сталинская организация. Впоследствии штаб-квартира комитета была перенесена в более нейтральную Вену, родной город Лангбайна. Лангбайн и его комитет, как того и следовало ожидать, играл центральную роль в предварительных расследованиях, проводившихся перед Освенцимским процессом во Франкфурте. Данный процесс начался с показаний бывшего узника Освенцима по имени Адольф Рёгнер — неисправимого, патологического лжеца, имевшего врождённые склонности к мошенничеству, подлогу и лжесвидетельству, который, как и Баум, работал в Освенциме в качестве электрика[916].

С: Вы выдвигаете против Рёгнера весьма серьёзные обвинения.

Р: Да, но эти обвинения юридически обоснованы; они тянутся ещё с национал-социалистической эры, проникая глубоко в послевоенный период. Немецкий прокурор Шабель написал министру юстиции земли Баден-Вюртемберг об уголовном прошлом Рёгнера

следующее: «...будучи свидетелем обвинения на процессах против персонала концентрационных лагерей, Рёгнер открыто лгал из-за ненависти и желания отомстить. По этой причине Рёгнер был приговорён к трём годам и шести месяцам тюремного заключения за дачу ложных показаний и лжесвидетельство. [...] Кроме того, Рёгнер был навсегда лишён права выступать на суде в качестве свидетеля или эксперта».

С: И таким людям в Германии позволяется возбуждать уголовное судопроизводство?

Р: Да, и в этом ему помогли Герман Лангбайн и его друзья. Рёгнер обвинил бывшего следователя политического отдела Освенцима, обершарфюрера СС Вильгельма Богера, в совершении чудовищных злодеяний.

Рёгнер находился в тесном контакте с Освенцимским комитетом, описывал себя как «на сто процентов восточного по убеждениям» (то есть коммуниста) и подчёркивал, что он хочет переехать в коммунистическую Польшу, а именно в Краков, где в то время как раз размещалась штаб-квартира Освенцимского комитета. После войны Рёгнер выступал на множестве процессов в качестве так называемого «профессионального свидетеля», проводя «опознавания» и внося тем самым (по его же собственным словам) немалый вклад в «казнь множества нацистов». Рёгнер коллекционировал документы и публикации по всем немецким лагерям, состряпав невообразимые обвинения и утверждая, что он лично был свидетелем сотен, если не тысяч, преступлений. Рёгнер сообщил Освенцимскому комитету, что ему удалось возбудить судебный процесс, после чего Лангбайн тут же обратился к прокурору и предложил свои услуги. Иными словами, Рёгнер и Лангбайн действовали в тандеме.

В протокольной записи в деле, датированной 13 мая 1958 года, прокурор Вебер, работавший по штутгартскому делу, назвал Рёгнера «мстительным психопатом» и «патологическим профессиональным преступником, противоречащим самому себе»[917].

С: А что Рёгнер говорил об Освенциме?

Р: То, что Рёгнер наговорил об Освенциме, заняло бы не один том[918]. Вот лишь два примера.

1. Он привёл конкретные обвинения против 1.400-1.600 человек, примерно 160 из которых он знал по имени.

С: Никто не может знать так много о стольких людях из своего собственного опыта.

Р: Верно. Здесь можно ещё раз увидеть подлинное призвание Рёгнера — профессиональная дезинформация и дача ложных показаний.

2. Рёгнер заявляет, что однажды, находясь у перрона Биркенау, он спрятался за деревом и стал свидетелем следующей сцены: «Поэтому я продолжал оставаться за деревом и наблюдал за происходящим. Затем я увидел, как Богер отошёл в сторону с одной девочкой-еврейкой примерно пятнадцати лет, только что прибывшей с последним транспортом. [...] Когда Богер и девочка отошли примерно на сто пятьдесят метров от других его коллег (сам я находился примерно в пятнадцати-двадцати метрах от места событий), Богер что-то сказал девочке и сразу же после этого сильно её ударил, в результате чего она без сознания упала на землю. Я не смог разобрать, что Богер сказал той девочке, но могу предположить, что он хотел использовать девочку в сексуальных целях. После того как девочка упала без сознания, Богер уже не мог удовлетворить свои похотливые желания, поскольку тем временем приблизился отряд, производивший селекцию, и Богер боялся, что его увидят. Он оторвал с тела девочки часть одежды, а часть её отрезал карманным ножом (возможно, это был стилет). [...] Девочка была обнажена до нижнего белья и чулок [...]. Затем он выхватил свой пистолет и выстрелил девочке в левую и правую грудь. После этого он вставил дуло пистолета в половые органы девочки и выстрелил ещё один раз».

В ответ на замечание следователя (который явно был не настолько глуп), что из-за выстрелов действия Богера не могли остаться незамеченными, Рёгнер заявил, что в Биркенау он слышал выстрелы «круглосуточно, во все дневные и ночные часы», так что на данное убийство никто попросту не обратил внимания. На тело девочки также никто не обратил внимания.

С: Это самая настоящая порнография, садомазохизм.

С: Но как доказать, что это — ложь?

Р: Да очень просто: у перрона Биркенау не было никаких деревьев, за которыми Рёгнер

мог бы спрятаться. Разумеется, данная «мелочь» не помешала ему вновь использовать эти воображаемые деревья вскоре после этого.

Затем Рёгнер заявил, что он стал свидетелем тридцати других убийств, совершённых тем же Богером в схожей или ещё более садистской манере. Он также утверждал, что видел, как Богер пытал людей, «оставаясь при этом незамеченным, через замочную скважину или окно».

С: Нет уж, это какое-то «За стеклом» получается! У Рёгнера что, не было никаких других дел, кроме как следить за Богером через замочную скважину?

Р: Похоже, действительно не было, так как он утверждает, что стал свидетелем тысяч убийств, совершённых в схожей манере.

С: Рёгнеру, наверно, позавидовал бы сам барон Мюнхгаузен!

Р: Особый интерес представляет заключение следователя, допрашивавшего Богера: «Протокол допроса от 4 ноября 1958 года, в котором Рёгнер описал новые материалы дела с особо садистскими подробностями, о которых ранее он никогда не утверждал, был составлен после того, как Рёгнер попросил, чтобы ему разрешили проконсультироваться с конфискованными зелёными тетрадами с надписью «Концлагерь Освенцим», дабы он смог освежить свою память. Перед допросом Рёгнеру было разрешено ознакомиться с этими тетрадами. В этих тетрадях в 1945-1946 годах Рёгнер делал записи такого рода событий, происходивших в лагере Освенцим».

С: Ого! Оказывается, он даже не сам всё это придумывал, а попросту приукрашивал материал, подготовленный его коллегами-пропагандистами из Освенцимского комитета.

Р: Нет, вы только вдумайтесь в эти слова: Рёгнер предоставил «новые материала дела»! Извращённый, ненормальный бред патологического лжеца одним росчерком пера был превращен в «материалы дела», после чего, в качестве награды, Рёгнера принялись допрашивать с утроенной энергией, так что в итоге он описал ещё 75 «материалов дела».

С: Святые угодники! Это каким же следователем нужно было быть, чтобы позволить такое! Следователю нужно было приобщить показания Рёгнера к материалам дела и не давать ему повторять чужие сплетни!

Р: Вы правы, это нарушает все правила ведения допроса. При этом было хорошо известно, что Рёгнер — патологический лжец.

С: Что ж, по крайней мере, одного психически ненормального, патологического лжеца из пяти миллионов «переживших холокост» мы установили.

Р: Да. Помимо прочего, Рихард Бёк, в прошлом — водитель СС, работавший в автопарке Освенцима, констатирует, что Рёгнер (так же как и Баум и Лангбайн) входил в так называемое лагерное подполье[919].

С: Так вот почему Лангбайн и Рёгнер так тесно сотрудничали друг с другом!

Р: Именно поэтому. В Освенциме Рёгнер работал в электрическом отделе автопарка, а после войны помог Бёку получить ряд письменных показаний под присягой от бывших узников для оправдания Бёка.

С: Иными словами, Бёк и Рёгнер были друзьями?

Р: Скорее всего; иначе не объяснить то, что в своих показаниях Бёк часто и без особых на то причин упоминает Рёгнера.

С: Рыбак рыбака видит издалека... А что Бёк говорил об Освенциме?

Р: О Бёке мы поговорим чуть позже, а сейчас давайте закончим с Рёгнером. Ещё один его бывший товарищ по заключению, Эмиль Бер (также электрик по профессии, работавший в освенцимском автопарке), на своём допросе заявил следующее: «После того, как мне сообщили о паре инцидентов, будто бы совершённых политотделом и, в частности, Богером, я не могу сообщить других подробностей. Я ничего не слышал об этих происшествиях. [...]

После того, как мне сказали, что в 10-м блоке над женщинами проводились опыты, я должен сказать, что я этого не знал. [...]

В лагере знали, что политотдел в большом количестве и почти каждый день осуществлял расстрелы у Чёрной Стены. Но ничего более конкретного об этом я не знаю. Отдельные события мне неизвестны. [...]

Я точно видел, как эсэсовцы плохо обращались с узниками. [...] Однако я не могу припом-

нить очевидные убийства. Также я не знаю отдельных случаев, в которых узники бы умирали после того, как их били эсэсовцы. [...]

Я никогда не присутствовал на селекциях новоприбывших. Я всего лишь слышал и поэтому предполагаю, что селекции проводились над всеми партиями заключённых. Я ни разу не видел крематориев и газовых камер. Также мне неизвестно, кто из эсэсовцев там работал»[920].

С: Но ведь Бер должен был видеть примерно то же, что и Рёгнер. Почему же он ничего об этом не знает?

Р: Ну, в отличие от Рёгнера, Бер после войны не стал «профессиональным свидетелем». Он не работал на организации бывших узников, не собирал документы и литературу по концлагерям и, что немаловажно, не имел длительных судимостей за лжесвидетельство. И, как вы думаете, прокуроры истолковали его показания?

С: Если они были непредвзяты, они должны были стать ещё более скептическими по отношению к Рёгнеру.

Р: Если. Но, по всей видимости, они не были непредвзятыми, поскольку из показаний Бера видно, что он, Бер, вынужден был защищаться из-за того, что он ничего не знал о каких-либо преступлениях: «Я должен признать, что выглядит почти невероятным то, что я столь мало могу сказать — это притом, что я, будучи электриком, имел большую степень свободы и много перемещался по лагерю. В этой связи я должен отметить, что свободно и без охранников мы могли перемещаться только по основному лагерю».

С: Но это было справедливо и для Рёгнера!

Р: Вне всякого сомнения. Если бы Рёгнер был честен, его показания были бы весьма похожи на показания Бера.

А сейчас разрешите мне представить вам единственных свидетелей гипотетических газовых камер национал-социалистов, подвергнутых перекрёстному допросу в этой связи: Арнольда Фридмана и Рудольфа Врбу!

С: Как, таких людей только двое?

Р: Да, не больше, не меньше. Конечно, людей, утверждавших, будто они знали о газовых камерах, было гораздо больше — несколько тысяч. Многие из этих свидетелей были допрошены на различных судебных процессах, проведённых после войны, но, за исключением двух вышеупомянутых свидетелей, они ни разу — я повторяю: ни разу — не подвергались перекрёстному допросу со стороны судей, прокуроров или адвокатов.

С: Но разве перекрёстный допрос свидетелей в суде — это не обычная практика?

Р: На обычных судах, на которых расследуется убийство, — да. Однако речь здесь идёт не об обычных судах, что будет показано несколько позже.

На сегодняшний момент единственным судом, на котором проводился подобный перекрёстный допрос, является так называемый первый процесс Цунделя 1985 года, на котором адвокат защиты Дуглас Кристи, которому помогал Робер Фориссон, подверг перекрёстному допросу двух свидетелей-евреев — Арнольда Фридмана и Рудольфа Врбу.

С: А что это за свидетели?

Р: Что касается Арнольда Фридмана, то весной 1944 года он был арестован во время полицейской облавы в Словакии и отправлен в Освенцим. Насколько мне известно, впервые о своём пребывании в Освенциме он поведал, причём весьма подробно, на первом процессе Цунделя. Вот несколько моментов из рассказанного им о крематориях Освенцима: «Из крематория постоянно шёл дым и исходил запах — крематорий находился достаточно близко и достаточно низко для того, чтобы дым рассеивался по всему лагерю, а не шёл прямо вверх. [...] Ну, там было здание, которое я описал как крематорий, — низкое здание наподобие котельной с торчащей из него короткой трубой. По ночам можно было видеть, как из трубы идёт пламя высотой метр или два, в зависимости от случая. Оттуда шёл дым [...]. Ну, там стоял запах горящей плоти, а пламя меняло свой цвет от жёлтого до тёмно-красного, в зависимости от обстоятельств. [...] Мы беседовали о разных вещах, и, помимо прочего, мы высказывали догадки, что в этот раз сжигались венгерские партии, потому что у них был вполне определённый тип пламени, а в этот раз — польские, поскольку сейчас сжигались тощие люди, а тогда сжигались толстые [...]»[921].

С: Какой-то фейерверк получается...

Р: Причём с технической точки зрения — всё это, естественно, полная чушь. Во время перекрёстного допроса Фридман в итоге был вынужден признать, что обо всём этом он знает не из личного опыта; он всего лишь повторил то, что ему говорили другие, — как будто бы сам он был не в состоянии видеть дым и пламя![922]

Что же касается Рудольфа Врбы, то это — один из самых важных свидетелей существования в Освенциме газовых камер. Во время войны Врба был отправлен в Освенцим, откуда ему, как и сотням других узников, удалось бежать. Чем, однако, Врба среди них выделяется, так это тем, что он был единственным человеком, сбежавшим из Освенцима, который составил отчёт о газовых камерах[923].

С: Как, один человек из нескольких сотен?

Р: Да. Отчёт Врбы о массовых убийствах, будто бы проводившихся в Освенциме, был опубликован в ноябре 1944 года Советом военных беженцев (War Refugee Board) — американским пропагандистским учреждением, основанным министром финансов США Генри Моргентау[924]. Это был первый отчёт об Освенциме, официально утверждённый правительством США. Таким образом, показания Врбы были в этом отношении, пожалуй, одними из самых значимых. Двадцать лет спустя вышла книга Врбы, в которой он описывает то же самое, но при этом допускает ошибку, когда хвастается точностью и надёжностью своей памяти[925].

Однако в 1985 году во время перекрёстного допроса выяснилось, что данное им описание гипотетических газовых камер мало что общего имеет с действительностью[926]. Под нажимом защиты Врба в конце концов признался, что он сам газовых камер не видел, а при составлении того отчёта он всего лишь описал их на основании слухов, позволив себе при этом «поэтическую вольность»[927].

С: А что плохого в поэтической вольности?

Р: Когда автор позволяет себе нечто подобное и при этом не утверждает, что он говорит правду, — то да, в этом нет ничего предосудительного. Роман, как никак, — это переплетение выдумок. Всё, однако, меняется, когда автор заявляет, что он говорит правду, а именно это гордо утверждал Врба начиная с 1944 года. Прокурор, который вызвал Врбу в суд для дачи показаний о газовых камерах, почувствовал такое отвращение к лживости Врбы, что собственноручно прервал допрос Врбы ввиду явной ненадёжности последнего[928].

С: Ну, память Врбы, возможно, не была слишком надёжной, но это ещё не значит, что его показания были ложью.

Р: Это ещё не всё. Шведский профессор Георг Кляйн в книге «Пьета» пишет о разговоре, который состоялся у него с Врбой в 1987 году[929]. Кляйн был венгерским евреем, испытавшим на себе преследование евреев во время войны, но ничего не знавшим о массовом истреблении. В 1987 году Кляйн побеседовал с Врбой по поводу девятичасового фильма «Шоа», снятого несколькими годами ранее Клодом Ланцманом[930]. Речь, само собой, зашла и о лагерном опыте Врбы, поскольку Кляйн также был «пережившим холокост». Кляйн спросил у Врбы, если его коллеги знали о том, что он пережил время войны. Сначала Врба ничего не ответил. Однако позже он с саркастичной усмешкой поведал, что один из его коллег был весьма взбудоражен, неожиданно увидев Врбу в фильме Ланцмана. Этот коллега, конечно же, хотел знать, если заявления Врбы, сделанные им в фильме, соответствовали действительности. На это Врба ответил: «Я не знаю. Я всего лишь был актёром и говорил по тексту». На что его коллега, в свою очередь, заявил: «Потрясающе! Я не знал, что ты был актёром. Почему же тогда говорилось, что фильм был сделан без актёров?»

Услышав это признание, Кляйн потерял дар речи и больше уже не задавал никаких вопросов. В своей книге он пишет, что никогда не забудет издевающейся усмешки Врбы.

Рис. 128. Врба в 2000 году. Усмешка обманщика.

С: Иначе говоря, Врба — не просто свидетель, позволяющий себе «поэтическую вольность»; он — бесстыжий обманщик.

С: Вообще-то Кляйн всего лишь повторяет то, что сказал ему Врба. Если Врба — обманщик, то как мы можем знать, если сказанное им Кляйну действительно является правдой?

Р: Здесь мы можем только гадать.

С: А если Клод Ланцман дал Врбе бумажку с текстом, то что это говорит о надёжности других свидетелей из фильма Ланцмана?

Р: Хороший вопрос. Давайте перейдём к самому большому обманщику — Клоду Ланцману. Вы, наверно, помните его более чем странное заявление о том, что он бы уничтожил все вещественные и документальные доказательства существования газовых камер, если бы таковые когда-нибудь нашлись (глава 2.23). Давайте же рассмотрим это, на первый взгляд — нелогичное, заявление.

Как я уже говорил, Клод Ланцман является автором монументального труда — фильма «Шоа» продолжительностью девять с половиной часов, в котором он делает попытку опровергнуть ревизионистов. Данный фильм состоит исключительно из различных интервью со свидетелями. Некоторыми из этих свидетелей были бывшие эсэсовцы. Согласно Ланцману, некоторые из этих эсэсовцев согласились дать интервью только при условии, что их не будут снимать. Однако он будто бы снял эти интервью при помощи скрытой камеры.

Одним из эсэсовцев, будто бы обведённых вокруг пальца, был Франц Зухомель, который во время войны якобы был унтершарфюрером СС и служил в Треблинке. Из разбора показаний Зухомеля следует, что сказанное им не соответствует истине[931], но, впрочем, оставим до поры до времени этот момент. Рассмотрим-ка лучше утверждение Ланцмана о том, что он будто бы снял это интервью при помощи скрытой камеры, спрятанной в сумке. При просмотре данного интервью можно отметить следующее:

— во время длинных речей Зухомель нередко смотрит прямо в камеру;

— камера всё время правильно нацелена и сфокусирована;

— когда оба они смотрят на диаграмму лагеря, камера задерживается на этой диаграмме; затем камера увеличивает стрелку и следует точно за ней во время её движения по диаграмме.

С: Но ведь это было бы невозможно, если бы камера была спрятана в сумке!

Р: Ну, если только они оба не знали, что камера находится именно там.

С: Выходит, Ланцман вешает своим зрителям лапшу на уши?

Р: Именно так. Дальше — больше. Ещё в 1985 году Ланцман признался, что всем своим свидетелям-немцам он заплатил по 3.000 немецких марок, после чего свидетели подписали обязательство хранить об этом молчание в течение тридцати лет. Но этого ему было мало. Для того чтобы раздобыть свидетелей, он выдумал несуществующий «Исследовательский центр современной истории» с фальшивыми печатными бланками из «Парижской академии» и фальшивым удостоверением на имя Клод-Мари Сореля, будто бы доктора исторических наук[932]. В 2004 году он даже похвастался об этом перед школьниками: «И затем я заплатил им, причём немалые суммы. Я заплатил всем немцам»[933].

Итак, «писатель-романист» Врба, который должен был «знать, чего от него ждут», получил бумажку от Ланцмана, на которой было написано, что ему говорить. Вопрос: что получили другие «свидетели» при съёмках фильма «Шоа»? А что получили бывшие эсэсовцы (возможно, помимо бумажки)? Ответ: большие суммы денег, чтобы говорить то, что хотел услышать Ланцман.

А теперь вопрос всем вам: какова была объявленная цель «документального» фильма «Шоа»?

С: Поведать истину!

Р: Правильно. Вот только истина не нуждается в бумажке с текстом, и истину нельзя купить за деньги.

С: Возможно, но сказанное ими в фильме всё-таки могло быть правдой.

Р: Теоретически — да, но практически... Степень доверия к персонажам фильма столь сильно упала, что я не собираюсь верить тому, в чём они пытаются меня убедить, не проведя своего собственного расследования.

И напоследок — ещё один пример. Иногда установить обманщика — проще простого; Рудольф Кауэр — яркое тому подтверждение. Будучи бывшим узником Освенцима, он признался, что лгал, когда обвинял бывших служащих Освенцима в том, что они избили хлыстом одну польскую девушку и вырвали у неё одну грудь. «Я солгал, — сказал он. — Это был всего лишь слух, ходивший по лагерю. Я никогда не видел ничего подобного»[934]. Что ж, те, кто распространяет сплетни и избитые истории в качестве своего личного опыта, иногда вполне чётко отдают себе отчёт в том, что они говорят неправду.

4.2.5. Давление, страх, угрозы, промывание мозгов, пытки

Р: Во время своих исследований американский эксперт по свидетельским показаниям Элизабет Лофтус, речь о которой шла несколько выше, обнаружила, что сильнее всего человеческая память подвержена искажению тогда, когда люди испытывают эмоциональный стресс. Сюда входят и ситуации, в которых людей умышленно подвергают стрессу. Давайте взглянем на различные методы, при помощи которых можно манипулировать человеческой памятью.

Рассмотрим сначала то, что происходит на допросах в так называемых «правовых государствах». В этой связи я хотел бы рассказать о репортаже, показанном по американскому телеканалу Эй-би-си, речь в котором шла о том, каким образом невиновных людей могут заставить сознаваться в совершении убийства при помощи вполне стандартных методов дознания, причём признания этих людей считаются достаточными для того, чтобы их осудили за убийство. Настоящие убийцы были пойманы позже, совершенно случайно, что повлекло за собой грандиозный скандал, в результате которого была раскрыта правда о некоторых вполне традиционных методах дознания, применяемых полицией: «Каждый год тысячи преступников осуждаются на основании признаний, полученных на допросах полицией. Эксперты говорят, что разрешённые законом методы дознания настолько эффективны, что могут сломить даже самого закоренелого преступника, а также людей, не совершавших то преступление, в котором их обвиняют. Эксперты считают, что имели место сотни случаев, в которых невиновные люди ломались во время допроса и сознавались в преступлениях, которые они не совершали»[935].

Рич Фоллин, бывший полицейский в Мэриленде и специалист по допросам, говорит: «Нужно взять уязвимого человека — например, убитого горем члена семьи или того, кто никогда ранее не сталкивался с полицией. Если их допрашивать достаточно долго, они, скорее всего, сознаются».

Применяемые методы весьма просты: следователи ставят человека лицом к лицу с уликами — такими, как жуткие снимки с места преступления или показания других свидетелей, — и скрыто намекают, что эти улики якобы могут доказать, что он виновен. Допрос длится долгие часы, нередко — без перерыва. Еду и пищу не дают или дают в крайне малом количестве, в туалет не пускают или же пускают, но не сразу. Помещение для допроса умышленно делают неудобным и плохо отапливаемым. Следователи меняют друг друга и допрашивают подозреваемого до поздней ночи. Подозреваемого убеждают, что его поймали с поличным, что его упорство только приведёт к более суровому приговору и что признаться в содеянном — его единственный выход. В таких условиях (изнеможение, усталость, эмоциональный стресс) многие обвиняемые ломаются, вне зависимости от того, виновны они или нет.

Из-за длинной серии несправедливых приговоров, основанных на признаниях, вырванных подобным образом, штат Иллинойс, например, в 2000 году наложил мораторий на приведение в исполнение смертных приговоров[936].

С: Так вот почему адвокаты настоятельно советуют ничего не говорить в отсутствие адвоката, когда вас арестовывают или вызывают в суд!

Р: Да, именно поэтому, поскольку всё, что вы скажете, будет использовано против вас. К сожалению, многие люди крайне наивны и думают, что все полицейские — люди редкой нравственной чистоты. Но это далеко не так. Полицейские из отдела убийств каждый день имеют дело с низшими категориями населения и ведут себя соответствующе.

С: Но в Германии-то этого уж точно не происходит!

Р: Нужно быть крайне наивным, чтобы в это поверить. Взгляд, брошенный на немецкие СМИ, показывает, что Германия в этом отношении ничуть не лучше. Например, летом 1990 года телевидение «Шпигель-ТВ» сообщило о двух случаях, в которых подозреваемые по делу об убийстве сознались после того, как их подвергли «крайне эффективным методам дознания», а также не менее «эффективным методам ведения судопроизводства». Несмотря на то, что судебно-медицинская экспертиза и в том, и в другом случае показала, что оба обвиняемых были невиновны, суд не принял это к сведению, заявив, что вина подозреваемых «очевидна ввиду признания». Настоящие убийцы были пойманы вскоре после этого, совершенно случайно, и обоих подозреваемых отпустили на свободу[937]. Как видите, даже судьи иногда склонны придавать большее значение признаниям, сделанным под принуждением, нежели результатам судебной экспертизы.

Но вернёмся к основной теме наших лекций. Допросы в связи с холокостом, которые и установили принятую сегодня версию истории, имели место в 1944-1947 годах, то есть во время различных судов над «военными преступниками», главным образом в СССР, Польше и Германии.

Перед тем как приступить к подробному анализу этих процессов, я хотел бы привести несколько примеров, в которых сам стиль признаний свидетельствует о том, что они явно были выбиты под давлением.

Мы уже рассматривали дело Вильгельма Богера, следователя Гестапо в Освенциме. Именно следственные мероприятия против Богера привели к крупному Освенцимскому процессу во Франкфурте[938]. На допросах, проводившихся немецкими следователями, Богер ни разу не отрицал существование в Освенциме газовых камер для убийства людей, но при этом его замечания в этой связи были лишены всякого смысла[939].

Обратите, к примеру, внимание на заявление, сделанное Богером в июле 1945 года, через две недели после того, как он попал в плен к союзникам: «Когда массовая гибель в Ос. [Освенциме] — у освенцимской СС-команды самой был, якобы из-за эпидемии, но в действительности по прозрачным целям, лагерный карантин аж полтора года с лишним! Унылые узники перед [колючей] проволокой! — осознали мир над головами ничего не подозревающего немецкого народа осенью 1943 г., внезапно ведущие посты в лагере и в государственной полиции Катовице (уголовной полиции) были перераспределены РКПА [Имперским отделом уголовной полиции], от имени Верховного суда СС и полиции, по приказу рейхсфюрера СС Гимmlера было возбуждено расследование! Смехотворный театр, имевший соответствующий успех! При строжайшей секретности [...] особая комиссия печально известного верховного судьи (по особому запросу) и представителя прокуратуры, штабаф. СС д-ра Моргена с 6-8 человекоуправляемыми [!] [...] 4 месяца действовала в Ос., расследуя «случаи коррупции и убийства» [...] Общее кол-во узников, убитых в Освенциме путём газаций, расстрелов, повешений и эпидемий, а также членов СС никогда не будет с точностью установлено, но оно уж точно больше осторожных оценок [!] обершарфюрера СС Эрбера (ранее: Хоустека), который действовал в «регистре» [!], до четырёх (4) миллионов!»[940]

С: Что за белиберда?

Р: Что интересно, до того момента Богер всегда правильно писал по-немецки.

С: Как видно, его быстро заставили впитать ложь о четырёх миллионах людей, убитых в Освенциме, которую выдумали его охранники-союзники.

Р: Пробыв под арестом всего две недели, он полностью впитал язык и стиль его охранников и уже не мог написать по-немецки правильную фразу. Это какие же методы должны были применить следователи, чтобы заставить Богера написать такой бред, идиотскую смесь из истерических преувеличений, сделанных в «антифашистском» стиле!

С: Ну, они его уж точно не гладили по головке!

Р: Ещё один пример — это Пери Броуд, один из самых известных свидетелей-эсэсовцев, предоставивший подробное описание газовых камер Освенцима. Во время войны Броуд был одним из коллег Богера в лагерном Гестапо. Он также сделал «признание» в плену у союзников, которое хотя бы было написано нормальным языком. Вот отрывок из того, что он написал: «Освенцим был лагерем уничтожения! Крупнейшим за всю историю человечества. За

время его существования было убито два-три миллиона евреев. [...] Первая попытка величайшего преступления, которое никогда нельзя будет искупить, — преступления, задуманного Гитлером и его помощниками и совершённого ими в жуткой манере, была успешной. Величайшая драма, поглотившая миллионы счастливых людей, до этого мирно наслаждавшихся своей жизнью, могла начинаться!»[941]

С: Такое впечатление, что это писал какой-то ярый антифашист, борец сопротивления.

Р: Верно. К тому же Броуд сам был эсэсовцем, а значит, если написанное им соответствовало действительности, то он сам должен был быть одним из тех «помощников» Гитлера. Именно поэтому французский традиционный эксперт по Освенциму Жан-Клод Прессак констатировал: «Однако форма и тон его заявления выглядят ненастоящими. Написанное им не может быть добросовестным отражением мыслей эсэсовца; и действительно, читая его показания, создаётся впечатление, что их написал какой-то бывший узник. [...] Там написано: «Для *этих эсэсовских чудовищ* зрелище страданий истязаемых евреев являлось приятным времяпрепровождением!» [...] Основа показаний П. Броуда кажется подлинной, несмотря на множество ошибок, но их нынешняя литературная форма явно была приукрашена чрезмерным польским патриотизмом. Кроме того, *первоначальная рукопись* его заявления неизвестна. [...] Либо Броуд перенял «язык победителей» (гипотеза, выдвинутая Пьером Видалем-Наке), либо его заявления были «слегка» отредактированы поляками (мнение автора)»[942] [выделено в оригинале].

С: Он хочет сказать, что это вовсе не Броуд составил данный документ?

Р: Ну, Броуд никогда не отрицал, что он делал схожие показания, однако на Освенцимском процессе во Франкфурте Броуд ограничился заявлением, что он всего лишь повторял слухи[943] и что его показания были отредактированы: «Я бегло просмотрел вручённую мне фотокопию. Одни вещи из неё принадлежат мне, другие могли быть добавлены кем-то другим, третьи — также фальшивые. Я удивляюсь, как это можно утверждать, что данные вещи принадлежат мне. [...] В некоторых частях я безошибочно узнал мои заметки, но не весь документ в целом. [...] Я думаю, существует ещё несколько версий этих показаний. Мне кажется, в этих показаниях много несвойственных воспоминаний»[944].

Но затем председательствующий судья прижал его к стене следующим замечанием: «Показания составлены в одном стиле и являются однородными по характеру. Не кажется ли вам, что их писал один и тот же человек, то есть вы?» С этим Броуд согласился.

С: Значит, это он их написал?

Р: Ну, может быть, и он, но уж точно не по собственной воле и не без сильного давления. Как бы то ни было, Броуд никогда не отрицал, что в его первоначальных показаниях упоминались газации. Позвольте мне привести ещё несколько фрагментов из этого «документа»:

«Из первой компании дивизии СС «Чёрная голова», размещённой в концлагере Освенцим, хауптшарфюрер СС Фаупель отобрал шестеро особо надёжных человек. Среди них были те, кто годами входил в чёрный корпус СС. Они должны были явиться к хауптшарфюреру СС Хёсслеру. По их прибытии Хёсслер строго предостерег их, что они должны хранить полную секретность о том, что увидят через несколько минут. В противном случае их ждёт смерть. Задача той шестёрки состояло в том, чтобы держать закрытыми все дороги и улицы, прилегающие к территории крематория Освенцима. Никто не должен был там проходить, вне зависимости от звания. Служебные конторы из здания, из которых был виден крематорий, должны были быть освобождены. Узникам из гарнизонного госпиталя СС нельзя было подходить к окнам первого этажа, выходявшим на крышу близлежащего крематория и во двор этого мрачного места. [...]

В морг через прихожую вошли первые ряды [жертв]. Всё было очень чистым. Но специфический запах кое-кого из них насторожил. Тщетно искали они на потолке душевые или водопроводные трубы. Прихожая тем временем заполнилась. Вместе с ними вошло несколько эсэсовцев, весело шутивших и беседовавших на безобидные темы. Они ненавязчиво следили за входом. Как только вошёл последний человек, они без лишнего шума исчезли. Внезапно дверь затворилась. Она имела резиновое уплотнение и железную оковку. Находящиеся внутри слышали, как упал тяжёлый засов. Дверь была герметично заперта винтовым замком. Смертельный, парализующий ужас окутал жертв. В бессильном гневе и отчаянии они

принялись стучать по двери и колотить по ней кулаками. Ответом им был насмешливый хохот. Кто-то из-за двери прокричал: «Смотрите, не обожгитесь, когда будете принимать душ!»

Несколько жертв обнаружило, что с шести отверстий в потолке были сняты крышки. Они издали громкий крик ужаса, когда увидели в одном из отверстий голову в противогазе. «Де-зинфекторы» приступили к работе. Одним из них бы унтершарфюрер СС Тойер, награждённый Крестом за боевые заслуги. При помощи зубила и молотка они открыли несколько, внешне безобидных, жестяных банок с надписью «Циклон, применять против вредителей. Осторожно, яд! Открывать только квалифицированным персоналом!» Банки были заполнены до краёв синими гранулами размером с горошину. Сразу же после того как банки были открыты, их содержимое было высыпано в отверстия, которые после этого быстро накрыли.

Тем временем Грабнер подал знак водителю грузовика, стоявшего возле крематория. Водитель включил мотор, и его громкий шум заглушил предсмертные крики сотен умирающих от газа людей, находившихся внутри. Грабнер с научным интересом смотрел на секундную стрелку своих наручных часов. Циклон действовал быстро. Он состоит из синильной кислоты в твёрдой форме. Как только жестяная банка была опустошена, из гранул стала выделяться берлинская лазурь. Один из людей, принимавших участие в чудовищной газации, не выдержал и на долю секунды поднял крышку одного из впускных отверстий, плюнув в прихожую. Примерно через две минуты крики стали затихать, и были слышны только слабые стоны. Большинство жертв уже потеряло сознание. Прошло ещё две минуты, и Грабнер перестал смотреть на часы. Наступила полная тишина. [...]

Через некоторое время газ через вытяжной вентилятор вышел наружу, и заключённые, работавшие в крематории, отворили дверь в морг. Там друг на друге валялись трупы с открытыми ртами. Особенно скученно они лежали у двери, где, охваченные смертельным ужасом, они столпились, чтобы выломать её. Заключённые из команды, работавшей в крематории, апатично и безо всяких эмоций принялись за работу, словно некие роботы. Было нелегко тащить трупы из морга, так как от газа их скрученные конечности стали жёсткими. Из дымовой трубы шли густые облака дыма. Так начинался 1942 год!»[945]

С: Что ж, это очень подробное описание. Броуд, наверное, должен был быть одним из тех шестерых эсэсовцев, выполнявших данную работу.

Р: Да, в противном случае он бы не знал, о чём говорит. Но давайте сравним эти показания с показаниями, которые Броуд дал в 1959 году после своего ареста во время предварительного расследования перед Франкфуртским процессом. Вот отрывок из них: «Сам я никогда не участвовал в газациях, проводившихся в малом крематории Освенцима. Лишь однажды я смог понаблюдать за процедурой газации из окна верхнего этажа эсэсовского госпиталя, располагавшегося напротив малого крематория. Впрочем, я могу припомнить лишь то, что я видел двух эсэсовцев в противогазах, стоявших на плоской крыше комнаты для газации. Я видел, как эти двое молотком открыли банки с Циклоном-Б и высыпали яд в отверстие. Я хочу отметить, что во время газаций всё вокруг герметически оцеплялось, так что никто из посторонних эсэсовцев также не мог близко подойти. Я ничего не слышал, хотя могу предположить, что узники кричали от страха смерти после того, как их отвели в комнату для газации. Но на дороге перед эсэсовским госпиталем стоял грузовик, двигатель которого работал на полную мощность. Я доставил его в связи с газацией, так чтобы никто не смог услышать возможные крики и выстрелы»[946].

С: Но если он видел газации только мимоходом, как же он мог тогда составить столь подробный отчёт о них сразу же после войны?

Р: Ну, либо он лгал в 1959 году, чтобы уйти от ответственности, либо сразу же после войны, чтобы сохранить себе жизнь. Факт состоит в том, что сразу же после войны он перенял стиль речи победителей, так же как и само содержание их речей. Так что мы можем предположить, что его первое показание не соответствовало истине, поскольку в противном случае получалось бы, что Броуд сам был одним из этих чудовищ-эсэсовцев. Но если это так, то почему же тогда его не судили и не казнили, как, например, Хёсса? Известно, что Броуд постоянно отрицал, что он был одним из главных виновных в проведении газаций. Позже мы более подробно рассмотрим содержание показаний Броуда и покажем, что они не соответствуют истине в ряде ключевых моментов. Но уже сейчас должно быть ясно, что своё послевоен-

ное признание Броуд явно не делал свободно и без принуждения, поскольку по стилю оно напоминает не признание эсэсовца, а дешёвый бульварный роман, написанный с точки зрения гипотетических жертв.

Что на самом деле представляет интерес, так это такой вопрос: как нужно было обращаться с человеком, служившим в СС, чтобы через несколько месяцев после войны он составил пыльные признания, в которых мнимые злодеяния описывались с точки зрения пострадавших?

Чтобы приблизиться к ответу на этот вопрос, я упомяну о схожем случае, в котором содержатся смутные указания на применявшиеся тогда методы, — деле Ганса Аумайера. Аумайер с середины февраля 1942-го до середины августа 1943-го года работал в Освенциме в качестве руководителя лагеря обеспечивающего ареста. На своём первом допросе, проведённом английскими тюремщиками 29 июня 1945 года, он весьма наивно рассказал об освенцимских крематориях, не упомянув при этом никаких газовых камер. Неудовлетворённые его показаниями, следователи потребовали «точных данных» о газациях, со всеми подробностями, среди которых — ежедневное количество жертв, общее их количество, «признание собственной ответственности», а также ответственности остальных виновников и лиц, отдававших приказы[947]. У Аумайера даже не спросили, проводились ли там газации или нет; если да, то участвовал ли он в них или нет. Вместо этого ему попросту приказали предоставить детали и сделать признание.

Позже добытое в итоге «признание» Аумайера было так прокомментировано его английскими тюремщиками, в «Докладе о допросе узника №211, штурмбанфюрера Аумайера, Ганса» за 10 августа 1945 года: «Следователь удовлетворён тем, что большая часть содержимого этих показаний находится в согласии с истиной в том, что касается фактов, однако личная реакция Аумайера и его мышление могут слегка измениться, когда его положение ухудшится»[948].

С: Выходит, Аумайера допрашивали не для того, чтобы получить информацию, а чтобы заставить его подтвердить то, что англичане уже считали «истиной».

Р: Именно так. Но всё дело в том, что в показаниях Аумайера о газовых камерах полно неправды, и они даже противоречат общепринятой версии[949]. Согласно его показаниям, первая пробная газация в Освенциме и дача в эксплуатацию так называемых бункеров имели место годом позже по сравнению с официальной версией истории, принятой сегодня. Вместо осени-зимы 1941 г. первая пробная газация, согласно Аумайеру, имела место осенью-зимой 1942 г., а первые газации в бункерах Биркенау переместились с 1942 г. на самое начало 1943 г. Аумайер был вынужден это сделать из-за того, что он прибыл в Освенцим лишь в конце февраля 1942 года. Надо же ему было хоть как-то выполнить требования следователей, которые хотели, чтобы он предоставил им информацию о событиях, случившихся (якобы случившихся) ещё до его прибытия в лагерь! По всей видимости, первоначальное нежелание Аумайера говорить «правду» (иначе говоря — отказ лгать) улетучилось, когда он осознал, что над его головой сгустились тучи, и ничего хорошего его не ждёт.

С: Как вы думаете, что за угрозы использовались против него?

Р: Эти угрозы были хорошо описаны Николаусом фон Беловым, адъютантом Гитлера. Фон Белов составил подробный отчёт о том, как после войны союзники длительное время держали его под предварительным арестом до тех пор, пока он не «сознался» в том, что они хотели услышать. По его собственным словам, он «рассказал англичанам много неправды»[950].

Ещё один пример — Курт Бехер, бывший оберштурмбанфюрер СС и член руководящего отдела СС. В самом начале 1944 года ему было поручено отправиться в Венгрию и закупить там лошадей и стратегических товаров. В этой связи он был частью знаменитых переговоров между Гиммлером и сионистскими организациями, целью которых было освобождение евреев в обмен на доставку стратегических товаров[951]. За своё участие в депортациях венгерских евреев Бехер был арестован союзниками и неоднократно допрошен. В конце концов, благодаря его желанию сотрудничать, Бехер был переведён в «открытое крыло» нюрнбергской тюрьмы, избежав тем самым незавидной участи предстать на скамье подсудимых.

С: Та же история, что и с Хёттлем (глава 1.3).

Р: Да. Как и Хёттль, Бехер имел отношение к Венгрии, и, как и Хёттль, Бехер так и не

предстал перед судом.

Как известно, не существует ни одного документа, в котором бы содержался приказ об уничтожении евреев. Зато утверждается, что существовал документ, в котором якобы приказывалось прекратить это самое уничтожение. В качестве доказательства приводится ссылка на показания Курта Бехера, заявившего на Нюрнбергском процессе, что «где-то между серединой сентября и серединой октября 1944 года» он получил от Гиммлера приказ, в котором тот якобы потребовал немедленно прекратить «любое уничтожение евреев»[952].

С: А этот документ был найден?

Р: Нет. По всей видимости, данного документа не существует. Через пятнадцать лет Курт Бехер повторил свои показания, на сей раз — в связи с процессом Эйхмана[953]. Но они находятся в грубом противоречии с его же, крайне подробными, показаниями о других намерениях и поступках Гиммлера. Если верить Бехеру, Гиммлер в то время страстно желал заполучить как можно больше евреев в целях переговоров, чтобы обменять их свободу на как можно большее количество стратегических материалов. Поэтому уничтожать предмет переговоров было бы со стороны Гиммлером настоящим безумием. Заявления Бехера, сделанные им в 1961 году, позволяют предположить, что Эйхман и другие лица, по-видимому, пытались возложить вину и на Бехера. Последний явно осознавал угрожавшую ему опасность оказаться на скамье подсудимых — возможно, даже в Израиле, что было бы равносильно смертному приговору.

Много лет спустя, в семидесятых годах, Гёран Холминг, майор шведской армии, чисто случайно познакомился с Бехером и попросил его рассказать об истории, содержащейся в его показаниях на Нюрнбергском процессе. Бехер дал понять, что приказ Гиммлера означал то, что при приближении противника концлагеря надлежит сдавать мирным образом, без кровопролития. В ответ же на вопрос, почему в Нюрнберге он рассказал совсем иное, Бехер многозначно заявил, что Хёлминг так и не понял условий, царивших тогда в Нюрнберге[954].

С: И на основании этого историки состряпали историю о том, что осенью 1944 года Гиммлер будто бы приказал Курту Бехеру прекратить газации в Освенциме и уничтожить тамошние газовые камеры?

Р: Именно так. После войны схожих показаний, добытых под принуждением, должно было быть тысячи. Взять, например, Фридриха Гауса из министерства иностранных дел Германии. Его показания были выбиты прокурором союзников Робертом Кемпнером, который пригрозил передать Гауса русским, если тот не пожелает сотрудничать. История с Эрихом фон дем Бах-Зелевским примерно та же[955]. Фриц Заукель, главный уполномоченный по использованию рабочей силы, приговорённый в Нюрнберге к смертной казни, подписал уличающие показания против самого себя после того, как ему сказали, что в противном случае его жена и десять детей будут переданы русским[956].

С: Это значило бы, что их сгноят в ГУЛаге.

Р: Да, наверно. Ганс Фрицше, правая рука Геббельса, на допросе в московском КГБ также подписал уличающие показания, от которых он впоследствии, находясь в Нюрнберге, отказался[957].

Герберт фон Штремпель и Ганс Томсен из посольства Германии в Вашингтоне впервые поведали о применяемых судом методах устрашения, которым они подвергались, находясь в одиночном заключении и под непрерывным допросом. Прокурор на Нюрнбергском процессе Роберт Кемпнер сказал Штремпелю, что его будут судить военным трибуналом и приговорят к смерти, если он не даст уличающие показания. Интенсивные, непрерывные допросы, длившиеся по несколько дней, без пищи, привели к тому, что Штремпель, по его словам, чувствовал себя загнипнотизированным. Томсен, в свою очередь, описал то, каким образом следователи «информировали» его о том, как ему нужно «вспомнить» определённые вещи[958].

Конраду Моргену (в прошлом — судье СС, проводившему во время войны уголовные процессы над эсэсовцами, злоупотреблявшими заключёнными, и чьи показания о газациях, будто бы имевших место в Освенциме, которые он дал на Нюрнбергском процессе и позже — на Освенцимском процессе во Франкфурте, имели значение, которое просто нельзя пе-

реоценить) американцы пригрозили, что, если он не будет говорить так, как они того хотят, он будет передан советам[959].

Фельдмаршалу Эрхарду Мильху — из-за того, что он дал оправдательные показания в пользу Германа Геринга — сказали, что он также в итоге окажется на скамье подсудимых. Вскоре после этого Мильх действительно предстал перед судом по обвинению в выдуманных военных преступлениях и был приговорён к пожизненному тюремному заключению[960].

На Нюрнбергских военных судах, проводившихся американцами после Нюрнбергского процесса, председатель трибунала Ли Б. Вайатт, во время процесса против ответственных членов бывшего Главного отдела по расовым делам и переселению (Rasse- und Siedlungshauptamt, дело №8), заявил следующее: «По ходу процесса некоторые свидетели, включая нескольких обвиняемых, давшие письменные показания, предъявленные обвинением в качестве доказательства, заявили, что им угрожали и что следователем практиковалось принуждение крайне неподходящего характера»[961].

Вильгельм Хёттль и Дитер Вислицени, два главных свидетеля магической цифры в шесть миллионов, также давали показания под принуждением. Благодаря покладистости, проявленной им перед победителями, Хёттль, который был так же сильно вовлечён в депортации евреев, как и Вислицени, предстал в Нюрнберге не как обвиняемый, а как привилегированный свидетель[962]. Что же касается Вислицени, то его убедили сотрудничать с союзниками, пригрозив, что в противном случае он будет экстрадирован в одну из коммунистических стран Восточной Европы. Это заставило Вислицени предать своих товарищей по заключению и даже выразить готовность выдать скрывающихся сотоварищей. В качестве дополнительной награды союзники пообещали Вислицени, что его семье будет предоставлена защита от возможной мести выданных им коллег[963]. В случае с Хёттлем союзники сдержали своё обещание освободить его взамен за оказанные услуги, а вот в случае с Вислицени — нет. Невзирая на своё сотрудничество, Вислицени был впоследствии выдан властям коммунистической Чехословакии, где его в конце концов приговорили к смертной казни и повесили[964]. Стоит также упомянуть те обстоятельства, при которых Хёттль и Вислицени, так же как и множество других свидетелей, давали уличающие показания против Эйхмана. Все они думали, что Эйхман, ушедший в подполье, был мёртв, и надеялись оправдать себя или купить благосклонность союзников, свалив всю вину на Эйхмана[965]. Лишь во время иерусалимского процесса Эйхмана выяснилось, что, пытаясь спасти свою шкуру, все эти свидетели несправедливо превратили Эйхмана в главного виновного в деле «окончательного решения»[966].

С: А есть ли доказательства того, что по отношению к свидетелям применялось физическое насилие?

Р: Да. Что ж, давайте поговорим о «допросах третьей степени», то есть пытках.

После того как англичане арестовали бывшего коменданта Освенцима Рудольфа Хёсса, они пытали его в течение нескольких дней до тех пор, пока он в итоге не согласился подписать вручённые ему «признания». Вот строки из мемуаров Хёсса, написанных им в польской тюрьме: «Я был арестован 11 марта 1946 года, в 23:00. [...] Представители [британской] контрразведки обращались со мной ужасно. [...] На моём первом допросе они меня избили, чтобы получить свидетельства. Что было в протоколе, я не знаю, хоть я его и подписал. Но алкоголь и хлыст были слишком даже для меня. [...] Минден на Везере [...]. Там они обращались со мной ещё хуже, особенный первый английский следователь-майор. [...] Я не могу особо обвинять следователей [на Нюрнбергском процессе] — они все были евреи. Меня подвергли жутким физическим мучениям. [...] Мне также не оставили никаких сомнений в том, что со мной будет»[967].

С: Вы хотите, чтобы мы поверили бывшему коменданту Освенцима?

Р: Вам необязательно верить ему. В 80-х годах его мучители лично описали, как они пытали Хёсса. Вот строки из книги Руперта Батлера «Легионы смерти»:

«Хёсс вскричал от ужаса при одном виде британской униформы. «Как тебя зовут?» — прорычал Кларк. Всякий раз, как в ответ звучало «Франц Ланг», кулак Кларка обрушивался на лицо допрашиваемого. После четвёртого раза Хёсс сломался и назвал себя.

Его признание немедленно дало волю ненависти сержантов-евреев из команды, производившей арест, родители которых погибли в Освенциме в результате приказа, подписанного Хёссом. Заключённого стащили с койки, с его тела сдёрнули пижаму. Затем его, голого, растянули на станке для убоя скота, где, как казалось Кларку, ударам и крикам не будет конца.

Наконец присутствующий врач потребовал у капитана прекратить пытки: «Прикажите им остановиться, если вы не хотите получить труп».

На Хёсса было наброшено одеяло, и его отволокли к машине Кларка, где сержант влил ему в горло солидную порцию виски. Затем Хёсс попытался уснуть. Кларк ткнул резиновой дубинкой ему под веки и приказал по-немецки: «Не смей закрывать свои свинячьи глаза, ты, свинья!» В этот момент Хёсс впервые произнёс оправдание, которое он впоследствии часто повторял: «Я получал свои приказы от Гиммлера. Я такой же солдат, как и вы, и мы должны были подчиняться приказам».

Компания вернулась в Хайде примерно в три утра. По-прежнему шёл снег, однако одеяло с Хёсса сняли, так что он был вынужден идти по тюремному двору к своей камере абсолютно голым. [...] Потребовалось три дня, чтобы Хёсс смог дать связные признания. После этого он говорил не переставая.»[968]

Из этой же книги можно увидеть, как англичане пытали бывшего генерал-губернатора Польши Ганса Франка, в немецком городке Минден[969]. Освальд Польт, бывший руководитель Главного административно-хозяйственного управления СС, ответственный за все финансовые и административные вопросы, связанные с концлагерями, описал незаконные методы, применявшиеся к нему в Бад-Нендорфе[970], где его заставили подписать письменные показания[971]. В протоколе Нюрнбергского процесса имеется содержательный отрывок о показаниях Юлиуса Штрайхера. В них Штрайхер описывает, как его пытали. По требованию обвинения этот отрывок был исключён из протокола, зато в нём осталось обсуждение суда о том, стоит ли исключать из протокола данный отрывок или нет[972].

Карлхайнца Пинча, адъютанта Рудольфа Гесса, несколько месяцев пытало московское КГБ[973]. Советы также выбили «признание» из Юппа Ашенбреннера о душегубках, будто бы применявшихся немцами в СССР[974]. Аугуста Айгрубера, бывшего гауляйтера Австрии, в конце войны изувечили и кастрировали.

Йозефа Крамера, последнего коменданта Берген-Бельзена, а также других мужчин и женщин, служивших в СС, пытали до тех пор, пока они не стали умолять, чтобы им дали умереть[975]. Вот что пишет об этом английский журналист Ален Мурхед:

«Когда мы приблизились к камерам с охранниками-эсэсовцами, тон речи [английского] сержанта стал суровым. «У нас сегодня утром был допрос, — сказал капитан. — Боюсь, они представляют собой не очень приятное зрелище». [...] Сержант снял засов с первой двери и [...] вошёл в камеру, размахивая перед собой металлическим шипом. «Встать! — прокричал он. — Встать! Встать, грязные ублюдки!» На полу лежало или полулежало с полдюжины человек. С большим трудом одному-двум из них удалось-таки подняться. Ближайший от меня человек, с забрызганными кровью рубашкой и лицом, сделал две попытки, пока ему не удалось встать на колени и затем постепенно — на ноги. Он стоял с вытянутыми вперёд руками, сильно раскачиваясь. [...]

«А ну быстро встать!» — прорычал сержант [в следующей камере]. На полу в луже крови лежал человек[...]. «Почему вы меня не убьёте? — прошептал он. — Почему вы меня не убьёте? Я это больше не выдержу». Снова и снова с его уст срывались эти слова. «Он всё утро это говорит, грязный ублюдок», — произнёс сержант.»[976]

С: Это просто ужасно!

Р: Да, причём это только начало. В следующем разделе мы поговорим о методах, применявшихся на послевоенных процессах: иголки под ногти, вырывание ногтей, выбивание зубов, раздавливание половых органов. Подробнее об этом — в своё время.

С: И результаты этих процессов являются последним словом в сегодняшней версии истории?

Р: Ну, если полуофициальный журнал по современной немецкой истории «Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte» может служить показателем, то да. На их взгляд, Нюрнбергский процесс был справедливым судом, призванным творить правосудие; единственным

его недостатком были его правовые нормы[977].

А теперь давайте проанализируем условия, в которых проходил Нюрнбергский процесс и другие суды над так называемыми «немецкими военными преступниками». Во время нашего анализа мы встретимся с новыми, более жёсткими, формами давления на свидетелей и подсудимых.

4.3. Показания перед судом

Р: Крайне критичное (как минимум, теоретически) рассмотрение судом показаний свидетелей и сторон основывается на столетиях опыта, накопленного поколениями юристов, и поэтому оно должно быть перенято историками в качестве примера для подражания, пусть даже научные методы установления истины не могут не отличаться от методов юридических. Судья, например, должен принять окончательное решение о том, что соответствует истине, а что — нет, за ограниченный период времени. Учёный же, напротив, не должен (и, пожалуй, даже не может) приходить к окончательному суждению, если он желает оставаться верным основным принципам науки. В судопроизводстве решение может быть сильно искажено эмоциональными факторами, в то время как в науке влияние эмоциональных факторов является минимальным или и вовсе отсутствует.

Большинство показаний свидетелей и признаний, относящихся к холокосту, было дано в связи с уголовными процессами. Отдельные, неэмоциональные свидетельские показания — большая редкость. Это было попросту неизбежно из-за характера вещей, о которых шла речь, и связанных с ними эмоций. Поэтому правдивость показаний свидетелей и признаний нужно было подвергать критическому анализу со стороны специалистов в областях истории и других наук, действующих в суде в качестве экспертов и помощников судей. Однако на процессах, о которых шла речь до сих пор, этого **никогда** не происходило[978].

С: Но ведь вы нам говорили, что на процессе Демьянюка всё-таки выступил эксперт (глава 4.2.2).

Р: Тот эксперт всего лишь оценил степень ненадёжности памяти свидетелей. Он не высказал никаких мнений по поводу правдивости самих показаний. Это вообще не входило в его компетентность.

Крайне некритичное отношение судей к свидетельским показаниям поднимает вопрос о том, могут ли вообще эти свидетельские показания представлять какую-либо ценность для науки, в которой для установления истины нужны неэмоциональные, поддающиеся проверке описания событий. Попытки построить историческую науку на основании свидетельских показаний в суде и уголовных процессов, основанных на этих показаниях, пусть даже они были сделаны на процессах, строго придерживавшихся правовых норм, сомнительны сами по себе. Ещё более сомнительными являются попытки некоторых учёных привести свидетельские показания в качестве доказательства, когда даже неясно, если данные показания вообще были приняты судом [979].

Таким образом, исторической науке, имея дело с холокостом, приходится довольствоваться показаниями крайне сомнительного качества в своём большинстве. Следовательно, историкам нужно непременно учитывать обстоятельства, при которых были даны соответствующие показания, так как ценность показаний зависит, не в последнюю очередь, от степени беспристрастности, проявленной прокурорами, судьями, средствами информации и общественностью по отношению к свидетелям и обвиняемым.

4.3.1. Американские процессы

Р: Сразу же после конца войны американцы поместили всех немцев, занимавших руководящие посты в партии, государстве или экономике, под «автоматический арест», безо всякого суда. Сотни тысяч человек были помещены в концентрационные лагеря, состоявшие, как правило, из огороженных полей. Вскоре после конца войны всем пленным немцам было от-

казано в статусе военнопленных. Согласно приказам генерала Эйзенхауэра, никто из «гражданских интернированных лиц» не пользовался какой-либо юридической защитой.

С: Это похоже на тюрьму в Гуантанамо после 11 сентября.

Р: Да, но только тогда это происходило в большем, гораздо большем масштабе. Немецкие военнопленные, особенно те, кто находился под американской и французской администрацией, были собраны в лагерях, не имевших никаких зданий и удобств. Жили они в землянках, выкопанных ими для защиты от солнца и дождя. Они получали крайне скудный и недостаточный паёк, в любой медицинской помощи им было отказано, и ни Красному Кресту, ни каким-либо другим организациям или частным лицам не было разрешено оказывать им помощь. Как следствие, военнопленные в американских лагерях умирали сотнями тысяч, словно мухи[980].

Согласно постановлению военной администрации №1, каждый немец обязывался, под страхом пожизненного заключения, предоставлять союзникам любую требуемую от него информацию. В результате этого обязательства немецких свидетелей можно было заставить сделать заявления при помощи ареста, многочасовых допросов или же угроз выдачи русским[981]. Был даже создан специальный отдел под названием «Особый проект», исключительно в целях получения уличающих улики против упрямившихся свидетелей. Полученный материал использовался для «смягчения» свидетелей, поскольку любому свидетелю можно было пригрозить уголовным преследованием, если он отказывался давать уличающие показания против других людей.

С: Такое впечатление, что у немцев после войны вообще не было никакой юридической поддержки.

Р: Да. Это было результатом безоговорочной капитуляции. Не было никаких ограничений в том, что касается самоуправных действий. В американской зоне оккупации, в Дахау, Людвигсбурге, Дармштадте и Зальцбурге, были проведены суды над различными обвиняемыми под юрисдикцией армии США. Этим судам предшествовали допросы свидетелей и подозреваемых в различных тюрьмах и лагерях, бывших, согласно некоторым немецким авторам правых взглядов, настоящими центрами пыток — Эбензее, Фрайзинге, Оберурзеле, Цуффенхаузене, Швебиш Халле и др.[982] Не кто иной, как западногерманский официальный «охотник за нацистами» Адальберт Рюкерль, лаконично отметил по поводу этих процессов: «Даже сами американцы вскоре стали выражать несогласие с тем, как некоторые американские военные трибуналы проводят эти процессы, в особенности с тем, что на этих процессах в качестве улики всё время используются признания обвиняемых, поученные во время предварительных слушаний, иногда — под жесточайшим физическим и психологическим давлением»[983].

В 1949 году несколько официальных американских комиссий провело расследование некоторых заявлений о злоупотреблениях против заключённых, сделанных немецкими и американскими адвокатами, в частности немцем Рудольфом Ашенауэром и американцами Георгом Фрешманном и Виллисом Эвереттом. Однако американские организации по гражданским правам обвинили эти комиссии в том, что они были всего лишь фиговыми листками для армии США и её политики, поскольку они использовались исключительно для прикрытия подлинного размаха творимых беззаконий. Вот как, к примеру, Национальный совет по предотвращению войны прокомментировал выводы комиссии Болдуина, оправдавшей армию США в том, что касается тяжких преступлений: «Комиссия завершила свой доклад рекомендациями по реформе будущих судебных дел подобного рода, однако эти рекомендации противоречат всем оправданиям и извинениям, составляющим наибольшую часть доклада. По сути, в последней строке говорится: «Даже если вы этого не делали, мы не хотим, чтобы вы делали это вновь» [...]»[984].

Одним из самых активных исследователей в то время был сенатор Джозеф Маккарти, посланный в Германию сенатом США в качестве обозревателя. Через две недели, в знак протеста против сотрудничества членов следственной комиссии с армией США во время прикрытия скандала, он уволился со своего поста и произнёс пламенную речь перед американским сенатом. Приведённый им список злоупотреблений, применявшихся американцами против немецких заключённых, просто ужасает[985].

Ещё одним человеком, рассказавшем о противозаконных методах американских следователей, был Эдвард ван Роден, занимавший во время Второй мировой войны должность начальника американской дивизии военной юстиции в Европе. В 1948 году, вместе с судьёй Гордоном Симпсоном из Верховного суда Техаса, ван Роден был определён в одну чрезвычайную комиссию, которой было поручено расследовать заявления о злоупотреблениях на американских процессах в Дахау. Вот отрывок из того, что он об этом написал:

«Американские следователи из суда США в Дахау, Германия, применяли следующие методы для получения признаний: избиение, в том числе ногами; выбивание зубов и ломанье челюстей; инсценированные судебные процессы; одиночное заключение; держание в позе священника; крайне ограниченный паёк; нанесение ущерба в области духовных благ; обещание оправдательного приговора. [...] Мы выиграли войну, но кое-кто из нас хочет убивать и дальше. На мой взгляд, это крайне безнравственно. [...] Американский запрет на свидетельства, основанные на слухах, здесь не соблюдался. Принимались свидетельские показания из вторых и третьих рук, [...] в качестве оправдания лейтенант Пёрл со стороны обвинения сказал, что получить надлежащие доказательства было крайне тяжело. Пёрл поведал суду: «Нам нужно было распутать сложное дело и нам пришлось применить методы увещевания». Он признался суду, что в методы увещевания входили различные «средства для достижения цели, в том числе насилие и инсценированные суды». Вдобавок он сообщил суду, что судебные дела основывались на показаниях, добытых при помощи именно таких методов. [...]

Показания, использованные в качестве доказательства, выбивались из людей, которых перед этим держали в одиночной камере по три, четыре и даже пять месяцев. Их держали запертыми в четырёх стенах, без окон и без возможности делать упражнения. Два раза в день через щель в двери им просовывали пищу. Им не разрешалось ни с кем говорить. В течение этого периода времени они не могли общаться ни со своими семьями, ни со священником. [...] Нередко наши следователи надевали на голову обвиняемого чёрный капюшон, после чего били его кастетом по лицу, а также ногами и резиновым шлангом. У многих из немецких подсудимых были выбиты зубы. У некоторых были сломаны челюсти. В 139 расследованных нами случаях у всех немцев, кроме двоих, были отбиты половые органы. У американских следователей это была «стандартная рабочая процедура». Пёрл признался в применении инсценированных судов и методов увещевания, включая насилие, и сообщил, что суд был вправе решать, прилагать ли к делу улики, полученные подобным образом. И все улики прилагались.

Один восемнадцатилетний обвиняемый после серии избиений стал писать диктуемое ему заявление. Дойдя до 16-й страницы, парня заперли на ночь. Рано утром немцы из соседних камер слышали, как он невнятно бормотал: «Я больше не стану говорить неправду». Когда позже пришёл тюремщик для того, чтобы отвести его на допрос, где бы тот закончил писать ложное заявление, он обнаружил, что немец, мёртвый, висел на прутьях решётки. Тем не менее, было заявлено, что этот немец повесился, чтобы не подписывать показания; впоследствии эти показания использовались на суде в качестве доказательства против других обвиняемых.

Иногда заключённого, отказывавшегося подписывать показания, отводили в тускло освещённую комнату, в которой вокруг чёрного стола с распятием в центре и двумя горящими свечами по краям сидела группа гражданских следователей, одетых в форму армии США. «А теперь над вами состоится американский суд», — говорили обвиняемому.

Фальшивый суд выносил фальшивый смертный приговор. Затем обвиняемому говорили: «Вас повесят через несколько дней, как только генерал утвердит этот приговор. Но если вы тем временем подпишите это признание, мы сделаем так, чтобы вас оправдали». Некоторые из них всё равно отказывались его подписывать. [...]

В другом случае в камеру одного из обвиняемых вошёл фиктивный католический священник (в действительности — следователь), выслушал исповедь обвиняемого, дал ему отпущение грехов, после чего дал ему небольшой дружеский совет: «Подпишите всё, что следователи потребуют от вас подписать. Этим вы обретёте свободу. Даже если там будет написана неправда, я могу прямо сейчас, заранее, простить вам любую ложь, которую вы скажете»[986].

С: Это просто отвратительно. По сравнению с этим происходившее в Абу-Грайбе после вторжения США в Ирак — невинные шалости![987]

С: Ну, Абу-Грайб хотя бы помог мне понять, что американцы действительно способны систематично пытаться заключённых, пусть даже речь в данном случае шла о политической системе, считающейся гораздо менее чудовищной, нежели гитлеровская Германия. Так что я вполне могу предположить, что в послевоенной Германии американские войска вели себя гораздо хуже.

Р: Вы совершенно правы.

С: Это, случайно, не на одном из этих самых процессов в Дахау американские прокуроры пытались выдать за «общепризнанный факт» заявление о том, что в лагере Дахау применялись людские газовые камеры (глава 2.4)?

Р: Вы верно подметили. Такими методами можно доказать всё, что угодно. Но ещё хуже, чем эти так называемые допросы «третьей степени» — согласно Йоахиму Пайперу, главному обвиняемому на процессе Мальмеди — было ощущение безысходности, полной изоляции от внешнего мира и своих сотоварищей, а также попытки (нередко — успешные) настроить арестантов друг против друга, путём использования ложных уличающих показаний для того, чтобы сломить сопротивление арестантов, основанное на товариществе, при помощи угроз и обещаний (так называемый допрос «второй степени»).

С: Это очень сильно напоминает мне о методах ведения допросов, которыми пользуются американские власти в тюрьме Гуантанамо; об этом недавно сообщал журнал «Тайм»[988]. Так что всё то, что происходило после Второй мировой войны, похоже, уже стало традицией для американских войск.

Р: Традицией, которую, безусловно, нужно разрушить. Впрочем, на мой взгляд, методы, применяемые после Второй мировой войны в Германии были гораздо более распространёнными и гораздо более жестокими, нежели те, что применяются сейчас в Гуантанамо. Как-никак, эта тюрьма — исключение. А вот в послевоенной Германии американские войска сделали из этого исключения правило.

Из протоколов этих послевоенных допросов, длившихся часами и даже днями, прокуроры составляли так называемые «письменные показания под присягой», оправдательные отрывки из которых удалялись и содержание которых нередко искажалось в результате переформулировки. Помимо этих, весьма сомнительных, «письменных показаний» прокуроры хватались за всё что угодно — например, в качестве улик допускались «копии» документов, не скрепленные присягой, или показания из третьих рук, то есть слухи.

И наконец, на основании приказа SOP №4, узникам говорили, что они могут купить свою свободу, если станут выступать в качестве свидетелей обвинения против остальных.

С: Такое впечатление, что эти возмутительные методы применялись систематически.

Р: Так оно и было. Всё делалось в той или иной степени по плану, в соответствии с «приказами сверху».

С: Но почему арестованные не следовали старой истине и не отказывались говорить без адвоката?

Р: Да очень просто. До начала процесса, то есть в течение нескольких месяцев допросов, обвиняемые были лишены всех консультаций с юристами. И даже во время судопроизводства их адвокаты редко оказывали эффективную поддержку, поскольку назначенные судом адвокаты нередко сами были гражданами стран-союзников; они плохо говорили по-немецки и были мало заинтересованы в защите обвиняемых. А иногда они вели себя прямо как прокуроры, угрожая обвиняемым и советуя им давать ложные признания.

Но, даже когда обвиняемых защищал честный адвокат (как, например, американский юрист Виллис Эверетт), прокуроры и суд максимально затрудняли работу адвоката защиты: последним предоставлялся лишь частичный доступ к материалам дела, или же это делалось с большой неохотой; беседы с клиентами разрешались лишь незадолго до начала суда, а иногда и вовсе уже во время суда, причём только в присутствии прокурора! До начала суда их, как правило, информировали только об основных пунктах обвинения, в общих словах. Ходатайства о допросе свидетелей, дававших оправдательные показания, или возражения против улик, предоставленных обвинением (таких, как вырванные признания), как правило, откло-

нялись. Это делалось в полном соответствии с постановлениями американских оккупационных властей, поскольку статья 7 из постановления №7 военной администрации в американской зоне оккупации говорит об уставе военных трибуналов следующее: «Трибуналы не будут связаны формальными нормами доказательственного права. [...] Трибунал будет предоставлять противной стороне возможность оспаривания [...] доказательной силы таких доказательств, только если, по мнению трибунала, это требуется в целях правосудия»[989].

С: Иными словами — «Мы будем делать всё, что нам заблагорассудится, и плевать мы хотели на правовые нормы!»

Р: Именно так. Судебные процедуры были полностью самовольны. Здесь встаёт ещё один вопрос: как следует оценивать уличающие показания бывших узников концлагерей? Для получения этих показаний прокуроры использовали специальную процедуру, так называемые «театральные представления» или «обзоры»[990]. Прокуроры собирали бывших узников концлагерей и размещали их в зрительном зале кинотеатра. Обвиняемых размещали на освещённой сцене, в то время как бывшие узники сидели в тёмной комнате и могли (нередко — с дикими криками и страшными проклятиями) выдвигать всевозможные обвинения против подсудимых. Если, вопреки ожиданиям, никаких обвинений не выдвигалось, или если обвинения были недостаточно серьёзными, то прокурор тогда «подавал руку помощи», убеждая бывших узников выдвинуть обвинения и нередко прибегая к сильному запугиванию и угрозам[991]. Если же и тогда никаких обвинений не выдвигалось, «обвиняемого» всё равно отдавали под суд, а оправдательные показания прокуроры попросту уничтожали[992]. Эти «театральные представления» завершались тем, что офицер армии США надевал на себя эсэсовскую форму и появлялся на сцене вместе с подсудимыми, где бывшие узники тут же принимались обвинять его в длинной череде преступлений[993].

С: Ничего себе... А на Нюрнбергском процессе это происходило?

Р: На Нюрнбергском процессе — нет, но на процессах, которые проводились в американской зоне оккупации и предшествовали Нюрнбергскому (в Дахау и в других местах), — да. Свидетелям защиты из концлагерей попросту говорили, чтобы они заткнулись. Им угрожали, их оскорбляли, запугивали, иногда даже арестовывали и избивали. Бывшие товарищи по заключению угрожали им покарать их семьи или даже говорили, что против них будет возбуждено уголовное дело, если они откажутся выдвигать требуемые обвинения против соответствующих подсудимых. Имеются даже сведения о том, что они иногда угрожали им убийством. Немецкая Ассоциация жертв нацистского режима (впоследствии запрещённая как антиконституционная коммунистическая организация) получила право решать, кому из бывших узников выдавать продовольственный паёк и кого из них вносить в список на получение жилья, и это в голодной стране, лежащей в руинах. В результате этого многие бывшие узники лагерей так и не выступили на суде в качестве свидетелей защиты. Доходило даже до того, что организации «выживших» под страхом сурового наказания открыто запрещали таким узникам давать оправдательные показания[994].

В свою очередь, свидетели, желавшие выдвигать обвинения, вызывают серьёзные подозрения своими частыми появлениями на различных процессах, иногда групповыми, за что им платили наличными или различными товарами. Часто эти свидетели были «профессионалами» и открыто согласовывали свои заявления, чтобы гарантировать, что преступники, которые сидели в немецких концлагерях за тяжкие преступления и которым было обещано освобождение от наказания в обмен на их уличающие свидетельские показания, действительно получали «амнистию».

С: Это напомнило мне о нашем старом приятеле Адольфе Рёгнере.

Р: Да, Рёгнер уж точно принадлежал к «отбросам общества» — так называли этих свидетелей судьи Г. Симпсон и Э. ван Роден, члены следственной комиссии армии США[995]. Свидетелей ни разу не судили за лжесвидетельство, даже если их в этом открыто уличали. Напротив: если какой-либо свидетель информировал суд о методах, при помощи которых у него были выбиты показания, и оказывался от них, то прокуроры превращали его жизнь в сущий ад.

С: Но ведь Рёгнера всё-таки осудили за лжесвидетельство.

Р: Да, но это сделал немецкий суд через несколько лет после войны, а не суд союзников.

Подобного рода приговоры выносились только в первые годы существования ФРГ, когда холокостное лобби ещё не было так хорошо организовано. Преследование свидетелей за ложесвидетельство разом прекратилось в конце пятидесятых.

С: Подобными методами можно доказать всё что угодно. Но рассудительные историки просто не могут воспринимать такие показания всерьёз.

Р: К сожалению, могут. Например, в 1990 году официальный историк Т.А. Шварц в одном из ведущих исторических журналов заявил, что американские процессы проходили в соответствии с Женевскими конвенциями и что их единственным недостатком было отсутствие апелляционного производства и неопределённость в дальнейшем обращении с осужденными[996].

4.3.2. Британские и советские процессы

С: Учитывая то, как британские оккупационные власти обращались с Хёссом, Франком, Крамером и т.д. (речь об этом шла в главе 4.2.5), следует предположить, что англичане использовали те же методы, что и американцы.

Р: Да, это так. Однако методы, применявшиеся на сталинских процессах в советской зоне оккупации Германии, в Польше, Чехословакии, СССР и т.д., были ещё хуже. Но, учитывая, что с 1949 года коммунистический блок уже не считался союзником Запада, проведённые там процессы были критично проанализированы немецкими юристами, а их критическое отношение воспринимается историками вполне серьёзно[997].

4.3.3. Нюрнбергский процесс

Р: В 1945-1946 годах в Международном военном трибунале, состоявшем из судей и прокуроров из четырёх стран-победителей, был проведён Нюрнбергский процесс, на котором судились двадцать две самые важные фигуры Третьего Рейха, оставшиеся в живых. За ним последовало ещё двенадцать процессов (Нюрнбергские процессы), на которых судились различные должностные лица и/или категории обвиняемых из Третьего Рейха, но их проводили только американцы, поскольку остальные страны-победительницы быстро потеряли интерес к подобным процессам.

Страны-победители установили правовые рамки этих процессов в так называемом «Лондонском соглашении» (Уставе Международного военного трибунала)[998]. Согласно статье 3 данного Устава, юрисдикция трибунала не могла быть оспорена. Статья 26 категорически исключала любую возможность апелляции. В статье 13 говорилось, что трибунал устанавливает свой собственный регламент.

С: Суд без права на апелляцию, с произвольным регламентом... Что-то не похоже на суд в «правовом государстве».

Р: Это уж точно. Вообще, эти статьи считаются крайне спорными. Вдобавок ко всему устав ввёл новые составы преступлений, которых не существовало на момент учреждения трибунала (например, преступления против человечности, преступления против мира). Тем самым был нарушен один из основных принципов уголовного права: «Закон, ухудшающий положение обвиняемого, обратной силы не имеет»[998].

С: Причём эти пункты были применены только против немцев, несмотря на то, что союзники были виновны в тех же самых преступлениях, в которых они обвиняли немцев: СССР — в «агрессивной войне» против Финляндии и Польши (ст. 6 а)); Англия и США — в «бессмысленном разрушении» Дрездена, Хиросимы, Нагасаки (ст. 6 б))

С: И как раз в то время, когда союзники сидели в Нюрнберге и обсуждали подлинные или воображаемые преступления нацистов, четыре оккупационные державы, вместе со своими польскими, чешскими и югославскими союзниками, проводили крупнейшую этническую чистку за всю человеческую историю — выселение 14-16 миллионов этнических немцев из восточной и центральной Германии. Если уж это — не «преступление против человечности»,

то я тогда не знаю, что и говорить!

Р: Да уж, лицемерие — это слишком мягкое слово для всего этого. Но вернёмся к Нюрнбергскому процессу. Метод его судопроизводства чётко показан в статье 18, в которой говорится, что трибунал должен «строго ограничивать судебное разбирательство быстрым рассмотрением вопросов, связанных с обвинением», а также «исключать какие бы то ни было не относящиеся к делу вопросы и заявления»

С: Иными словами, защита была связана по рукам.

Р: Защите позволялось лишь протестовать против некоторых пунктов обвинения, да и то не слишком сильно. Вот что говорит статья 19, цитирую: «Трибунал не должен быть связан формальными нормами доказательственного права. Он устанавливает и применяет наиболее быструю и не осложненную формальностями процедуру и допускает любые доказательства, которые, по его мнению, имеют доказательную силу».

С: Не должен быть связан нормами доказательственного права? Боже мой!

Р: Это ещё цветочки. Вот что говорится в статье 21: «Трибунал не будет требовать доказательств общеизвестных фактов и будет считать их доказанными [...]». «Общеизвестным фактом», помимо прочего, считалось всё, что какой-нибудь орган власти или комиссия какой-нибудь страны-союзницы установила за таковой, в своих документах, актах, отчётах или протоколах.

С: Значит ли это, что любой приговор показных судов, о которых мы говорили выше, достигнутый в результате пыток и угроз, автоматически считался «доказательством»?

Р: Да, именно так. Более того, любой отчёт комиссий союзников, иными словами — любой лживый отчёт сталинских комиссий о мнимых военных преступлениях «фашистов», также автоматически считался доказательством. К примеру, Нюрнбергский процесс признал СС и Ваффен СС преступными организациями на основании «доказательств», полученных на вышеописанных процессах в Дахау.

С: То есть Нюрнбергский процесс можно назвать судом Линча?

Р: Именно так охарактеризовал его председатель Верховного суда США Харлан Фiske Стоун: «[Главный обвинитель от США] Джексон сейчас находится в Нюрнберге, где он проводит свой первоклассный суд Линча [lynching party]. Мне всё равно, что он там делает с нацистами, но мне противны притязания на то, что он ведёт судебный процесс в соответствии с правовыми нормами. Это притворство слишком уж лицемерно, чтобы соответствовать моим старомодным идеям»[999].

Подобное отношение союзников можно доказать и на основании документов, так как СССР перед Нюрнбергским процессом бесстыже изъявил своё желание казнить подсудимых безо всякого суда или же по приговору суда, проведённого по советским методам суммарного судопроизводства, поскольку, согласно им, вина подсудимых была очевидна. Среди западных союзников были и такие, которые согласились с этим предложением, но в итоге было решено, что только «честный суд» сможет оказать желаемый пропагандистский эффект на немецкий народ[1000]. А главный обвинитель от союзников Р. Джексон во время процесса заявил следующее: «Будучи военным трибуналом, настоящий трибунал является продолжением военных действий стран-союзников. Будучи международным трибуналом, он не ограничен процессуальными и материально-правовыми тонкостями наших соответствующих судебных или конституционных систем»[1001].

С: Что ж, он хотя бы выложил всё начистоту.

Р: Английский историк Дэвид Ирвинг назвал предварительное судебное расследование, проведённое обвинением, частным мероприятием Бюро стратегических служб (американской секретной службы, предшественницы ЦРУ), прежде чем Р. Джексон не ограничил влияние данной организации. Александр фон Книрим, один из ведущих адвокатов защиты до Нюрнбергского процесса, предоставил крайне подробное описание последствий того факта, что обвинение было вправе неограниченно использовать весь исполнительный аппарат всех оккупационных властей (например, арестовывать любых свидетелей, конфисковать все правительственные документы Третьего Рейха; также оно имело полный доступ к документам стран-победительниц), в то время как защита была полностью лишена всех ресурсов и фондов. Учитывая, что Нюрнбергский процесс проводился в стиле англосаксонского уголовного

суда, на котором обвинители — в отличие от немецкого судопроизводства — совершенно не обязаны искать или предъявлять какие-либо оправдательные доказательства, а просто стараются доказать вину подсудимых в односторонней манере, вышеприведённое неравенство ресурсов неизбежно вело к серьёзным судебным ошибкам. Даже председательствующие судьи, если и хотели (в исключительных случаях), всё равно не могли помочь защите, поскольку судьи, фактически, были всего лишь марионетками обвинения, которое и принимало все вещественные и личные решения на суде.

С: Так вот почему Стоун сказал, что Джексон проводил в Нюрнберге свой собственный суд Линча!

Р: Да. Председательствующий судья на Нюрнбергском процессе по делу №7 (так называемому «делу заложников» против немецких генералов), Чарльз Веннерштрум, видевший лишь то, что происходило в зале суда, сразу же после вынесения приговора опубликовал в американской прессе своё уничтожающее мнение о методах, царивших на этом процессе:

«Если бы я семь месяцев назад знал то, что я знаю сейчас, я бы никогда сюда не приехал.

Очевидно, что победитель в какой бы то ни было войне не является лучшим судьёй в деле о военных преступлениях. [...] Обвинению явно не удалось уберечь объективность от мстительности, от личных амбиций [...]. Вся атмосфера здесь нездоровая. [...] Многие юристы, клерки, переводчики и следователи стали американцами лишь в последние годы, и их мышление пропитано ненавистью и предубеждениями, царящими в Европе. Судебные процессы должны были убедить немцев в том, что их лидеры виновны. Однако они убедили немцев лишь в том, что их лидеры проиграли войну жестоким завоевателям.

Большинство доказательств на процессах было документальным, отобранным из большого объёма захваченных документов. Отбор проводился обвинением. Защита имела доступ лишь к тем документам, которые обвинение сочло нужным приобщить к материалам дела. [...]

Несовместимым с американскими понятиями правосудия является и то, что обвинение полагалось на самообвиняющие показания подсудимых, находившихся в заключении более чем два с половиной года и постоянно допрашивавшихся в отсутствии адвоката. Два с половиной года заключения — это уже само по себе является формой принуждения.

Отсутствие права на апелляцию вызывает у меня горькое чувство того, что правосудию было указано на дверь.

[...] Немецкий народ должен получать больше информации об этих процессах, а немецкие подсудимые должны получить право подавать апелляцию в ООН.»[1002]

Таким образом, второсортный адвокат Джексон был палачом не только руководящей элиты поверженной нации, но и всего немецкого национального достоинства.

У судей не было никакого права давать указания оккупационным державам насчёт того, как им следует получать или представлять доказательства.

Нюрнбергский процесс проходил в весьма схожей манере с американскими процессами, описанными в главе 4.3.1, разве что с не такими крайними эксцессами. Фон Книрим и многие другие источники описывают следующее: всевозможные угрозы и психологические пытки, длительные допросы и конфискацию всего личного имущества как подсудимых, так и свидетелей, которых заставляли выступать на суде; различные тактики запугивания и устрашения (аресты, процессуальное преследование и другие методы давления, применявшиеся против свидетелей защиты); искажённые письменные показания и документы, неправильный синхронный перевод; произвольно отклоняемые ходатайства по предоставлению улик, конфискацию документов, отказы предоставлять защите доступ к документам, систематичные преграды, чинимые обвинением защите (например, поездки за границу для получения доказательств или для доставки свидетелей защиты не представлялись возможными); корреспонденция подвергалась цензуре на почте; в суде выступали бывшие узники концлагерей, получившие сроки за тяжкие уголовные преступления; приговоры выносились вопреки доказательной базе, а их обоснование было «уникальным по своему примитивизму».

Когда американскому адвокату защиты Э. Дж. Кэрролу было отказано в праве выступить адвокатом на процессе Круппа, он отправил генералу Клею письмо с протестом, в котором подверг критике характерные черты Нюрнбергских процессов, среди которых: длительное,

бесчеловечное превентивное заключение; отказ обвинения и трибунала в предоставлении защите права изучать какие угодно документы или «доказательства», основанные на слухах; самовольный отвод свидетелей защиты; разрешение адвокатам защиты общаться со свидетелями только в присутствии представителей обвинения; исчезновение оправдательных улик; конфискация личного имущества; выбитые показания; запугивание свидетелей.

Методы дознания, применявшиеся на Нюрнбергских процессах, не выдерживают никакой критики: подсудимым отказывалось в медицинском уходе, несмотря на изоляцию, голод, холод и увечья, полученные в результате дурного обращения. Адвокаты защиты и те могли быть арестованы, если они настаивали на законном праве на надлежащее судопроизводство; это произошло, к примеру, с адвокатом фон Нейрата, а также с одним из адвокатов на процессе Круппа. Ашенауэр видит близкую параллель между «концлагерными» процессами, проведёнными американцами в Дахау, и процессом Главного административно-хозяйственного управления СС, проведённым в Нюрнберге, — в том, что касается обвинительных показаний бывших узников, поскольку это были одни и те же люди: профессиональные свидетели[1003]. Ну и, разумеется, на Нюрнбергских процессах не было недостатка в запугиваниях и угрозах, применяемых Ассоциацией жертв нацистского режима по отношению к бывшим сотоварищам по заключению, во избежание каких-либо оправдательных показаний[1004].

С: А в Нюрнберге людей пытали?

Р: Нюрнбергский процесс был широко освещён и разрекламирован, поэтому обвинение, в основном, старалось не пытаться подсудимых — за исключением Юлиуса Штрайхера. Разумеется, со свидетелями обвинениями, немцами по национальности, которые выступали на процессе или письменные показания которых были представлены в качестве улик, дела обстояли совсем по-другому — взять хотя бы бывшего коменданта Освенцима Рудольфа Хёсса.

С: И эти методы использовались для того, чтобы доказать холокост?

Р: Шокирует, не правда ли? Злодеяния, будто бы совершённые в концлагерях и в восточной Европе, были «доказаны» на показательных американских процессах в Дахау и на аналогичных процессах, проведённых другими союзниками. С тех пор СС и Ваффен СС считаются «преступными организациями». На Нюрнбергском процессе миф о холокосте был подкреплён многократным представлением «доказательств», полученных в большинстве своём на вышеупомянутых процессах. Одним из тех, кто лучше всего описал эффект, произведённый этими доказательствами, был Ганс Фрицше. В своих воспоминаниях он отмечает, что все главные обвиняемые на Нюрнбергском процессе настаивали на том, что ни о каких массовых убийствах евреев они не знали, пока суду не были представлены те самые доказательства. После показа сомнительных фильмов о Дахау и других концлагерях, снятых союзниками после их освобождения, психологический эффект был весьма ощутимым, но всё ещё не был до конца убедительным. Большинство свидетелей удалось переубедить лишь после представления показаний Рудольфа Хёсса и Отто Олендорфа, выбитых под пытками[1005]. С этого момента мифическое истребление еврейского народа наложило проклятие и на защиту, и на подсудимых, и вообще на весь немецкий народ, — проклятие, которое никто не осмеливался и не осмеливается опровергнуть[1006]. Однако у подсудимых всё же оставалось такое впечатление, что подлинная исследовательская работа так и не была проделана: «Необъяснимое было доказано импровизированным образом, но ни в коей мере не было исследовано»[1007].

4.3.4. Процессы в «правовых государствах»

С: Ну хорошо, правовые рамки союзнических трибуналов, возможно, действительно были сомнительными, но ведь процессы, проведённые впоследствии в Германии — правовом государстве, — пришли к тем же самым выводам. В первые годы после войны Германия не была суверенным государством, однако позднее, после подписания в 1955 году переходного договора, Западная Германия получила частичный суверенитет, и ситуация изменилась.

Р: На самом деле Германия в то время тоже не была такой уж суверенной. Взять хотя бы оговорки о вражеских государствах в Уставе ООН, действительные и сейчас, в 2005 году.

Это статьи 53 и 107 Устава Организации Объединенных Наций, в которых бывшие враги союзников-победителей во Второй мировой войне, то есть Германия, Япония и их союзники, подпадают под действие особого закона. В то время как все остальные бывшие «вражеские государства» заключили со странами-победителями мирные договоры, аннулировавшие действие этого особого закона, Германия этого так до сих пор и не сделала, даже после объединения Германии в 1990 году.

Статья 53 разрешает применение силы по отношению к Германии странами-победителями, не получая при этом одобрения Совета безопасности ООН. Единственным требованием является заключение соглашения между странами-победителями относительно «возобновления агрессивной политики со стороны любого такого государства». То, возобновляет ли Германия агрессивную политику (не агрессивную войну!), а если да, то когда, решают страны-победители исключительно по своему усмотрению.

В статье 107 говорится следующее: «Ничто в настоящем Уставе не должно делать недействительным или препятствовать действиям в отношении какого-либо государства, которое во время Второй мировой войны было врагом какого-либо государства, подписавшего настоящий Устав, принятым или санкционированным в результате этой войны правительствами, ответственными за данные мероприятия».

Большинство учёных юристов полагает, что данная формулировка распространяется только на мероприятия, предпринимаемые во время войны или при оккупации. Однако нынешний вид этой статьи позволяет трактовать её по-разному. Следовательно, мероприятия, предпринимаемые странами-победителями (в том числе — сегодня) не обязаны соответствовать нормам международного права, изложенным в Уставе ООН. Но и в таком случае все мероприятия, предпринятые против Германии во время и после войны в обход международного права — выселение, депортации, принудительный труд[1008], конфискация и разрушение промышленности[1009], похищение людей и кража патентов — не могут быть оспорены с юридической точки зрения.

С: Но вы, конечно, не можете всерьёз утверждать, что страны-победители станут использовать эти положения сегодня.

Р: Во время холодной войны оговорки о вражеских государствах не представляли собой серьёзную угрозу для Германии из-за отсутствия единства между странами-победителями. Вдобавок они были симптомом нерешённого немецкого вопроса и тем самым — при большой доброжелательности — даже могли быть полезными для немецкой политики[1010]. Но сегодня эти оговорки висят у Германии камнем на шее, не давая ей свободу действия во внешней политике.

Неоспоримость судебных процессов, проведённых странами-победителями, если смотреть с юридической точки зрения, была жёстко и не совсем обычно закреплена в переходном договоре, заключённом между тремя западными странами-победителями и Федеративной Республикой Германии в 1955 году. В статье 7 параграфе 1 данного договора говорится следующее: «Все приговоры и решения по судебным делам, вынесенные в Германии судом или судебным органом трёх стран или какой-либо из них, так же как и те, что будут вынесены позже, остаются юридически обязательными и действительными во всех отношениях в соответствии с немецким законом и должны трактоваться немецкими судами и органами власти соответствующим образом»[1011].

Таким образом, одним из условий предоставления западной Германии частичного суверенитета было признание судебных решений всех судов, проведённых в военных трибуналах союзников-победителей, за неоспоримую истину. Кроме того, все немецкие суды и органы власти в своих решениях и постановлениях должны руководствоваться историческими «фактами», полученными на союзнических процессах. В договоре об объединении Германии за 1990 год подчёркивалось, что правительство объединённой Германии признаёт, что этот параграф остаётся в силе[1012].

С: То есть «истина», установленная на Нюрнбергском процессе, была юридически признана «неоспоримой» ещё в 1955 году?

Р: Да. Отсюда и тянется холокостная доктрина об «общеизвестных фактах», подробно о которой мы поговорим несколько позже. В нынешней Германии эта доктрина просто вышла

из-под контроля. Но это ещё не всё. Вот что говорится в статье 139 основного закона Германии: «Положения основного закона не могут влиять на законы и распоряжения, принятые в связи с “освобождением немецкого народа от национал-социализма и милитаризма”».

С: А вы что, против освобождения немецкого народа?

Р: Вопрос не в том, если немецкий народ действительно нуждался в «освобождении» от национал-социализма и «милитаризма», а в том, если произвольные законы союзников, относящиеся к периоду оккупации, должны быть выше основного закона Германии, так же как и прав человека, которые тот гарантирует. Как-никак, Германия в случае необходимости не может сослаться ни на какое надгосударственное действующее международное право, поскольку вышеупомянутые оговорки о вражеских государствах отнимают у Германии именно это право[1013].

При чтении статьи 139 основного закона Германии у людей от удивления могут глаза на лоб ползть; многие могут подумать, что это какая-то устаревшая статья из первых дней существования Западной Германии и что сегодня на неё никто не обращает внимания. Но это далеко не так. Летом 1990 года был ратифицирован так называемый «Договор два плюс четыре», заключённый между двумя германскими государствами и четырьмя странами-победительницами во Второй мировой войне, который позволял ФРГ и ГДР объединиться в одно государство. При этом было отредактировано несколько статей из западногерманского основного закона, заменявшего собой конституцию Западной Германии. Так, например, из основного закона была удалена старая статья 23, позволявшая другим частям немецкого народа присоединяться к юрисдикции основного закона. Кроме того, была изменена статья 146, заключительная статья основного закона, в которой первоначально говорилось, что данный основной закон теряет силу в момент вступления в действие конституции, принятой воссоединённым немецким народом свободным волеизъявлением. За этим стоит тот факт, что основной закон не был одобрен немецким народом на референдуме, а был всего лишь согласован между тремя западными союзниками и рядом немецких послевоенных политиков. С этой точки зрения данный основной закон (а значит, и вся система ФРГ) не имеет демократической законности и противоречит международному праву.

В свете столь радикальных изменений немецкого основного закона, осуществлённых в 1990 году, встаёт справедливый вопрос о том, почему в то же самое время не была изменена или удалена антагонистическая статья 139. Ключ к разгадке даёт совместное письмо премьер-министра ГДР Вольфганга де Маизьера и министра иностранных дел ФРГ Ганса-Дитриха Геншера, адресованного четырём странам-победителям во Второй мировой войне. Во втором пункте этого письма говорится следующее: «Мемориалы, возведённые на немецкой земле и посвящённые жертвам войны и диктатуры, будут почитаться и охраняться немецкими законами»[1014].

Вы можете спросить, что тут такого. А вы взгляните на письмо, составленное баварской администрацией государственных замков, парков и озёр. В ответ на письмо одного немецкого гражданина, спрашивавшего, почему мемориальные плиты в бывшем концлагере Флоссенбюрг, на которых было высечено крайне завышенное число жертв, не были заменены плитами с более точным числом, данное ведомство ответило следующее: «Изменение или замена всех этих мемориальных плит и стеклянных окон приведёт к неоправданным расходам. Кроме того, между Федеративной Республикой Германии и Францией существует соглашение от 23 октября 1954 года (Bundesanzeiger Nr. 105 от 4 июня 1957 года), согласно которому мемориал следует постоянно содержать в том виде, в котором он существовал на момент подписания соглашения, так что какие-либо изменения невозможны и по юридическим причинам»[1015].

Вполне возможно, что аналогичные соглашения, запрещающие вносить какие-либо изменения в мемориалы, существуют у Германии и с другими странами.

Итак, подведём итоги:

— В случае международного кризиса Германия из-за национальных и международных правооснований бывших стран-победительниц рискует потерять все суверенные права современного государства.

— Кроме того, Германия связана историческими «общепризнанными фактами», установ-

ленными мстительными трибуналами союзников, посредством ряда договоров, предоставивших ей частичный суверенитет. Данное обязательство — придерживаться исторической точки зрения победителя как неоспоримой истины — было продлено в 1990 году договором об объединении Германии, а также рядом двухсторонних договоров.

— Пересмотр исторической картины не только оправдает Германию по ряду ключевых моментов, но и станет тяжелейшей исторической ношей для стран-победительниц. Не исключено, что страны-победительницы оценят такого рода пересмотр (который предоставит Германии свободу действий как во внутренней, так и во внешней политике), как возобновление агрессивной, реваншистской политики. Германию обвинят в том, что она стремится избавиться от висящего на ней исторического бремени для того, чтобы впоследствии потребовать материальных, экономических и территориальных компенсаций за несправедливости, причинённые ей в прошлом. Даже если Германия и не выдвинет таких требований, её всё равно будут подозревать в подготовке такого рода политики при помощи исторических ревизий. Официальная поддержка немецким правительством ревизионизма (или просто терпимость по отношению к нему) может вызвать у стран-победительниц впечатление о том, что тем самым создаётся угрозу миру и мирному сосуществованию народов.

— Если добавить ко всему этому пугающие картины Германии начала девяностых, с горящими домами «политических эмигрантов» и со скинхедами, выкрикивающими «Хайль Гитлер!», то тогда вполне можно понять травлю Германии, развёрнутую средствами массовой информации в те годы[1016].

Иными словами, если Германия не хочет, чтобы её снова окружили со всех сторон и схватили за горло всем миром (как это уже имело место до и во время обеих мировых войн), то она, как считается, должна принимать навязанную ей версию истории.

Во избежание столь нежелательного развития политической обстановки немецкие власти всеми доступными средствами следят за тем, чтобы исторический ревизионизм никогда не завоевал в Германии решающего влияния — если только ревизионистские взгляды не будут признаны обоснованными самими странами-победителями. Сомнительно, однако, что такое когда-нибудь произойдёт. Ведь тогда страны-победительницы должны будут добровольно (!) признать себя виновными, что станет историческим событием, уникальным в своём роде.

Впрочем, существует ещё одна сторона данной проблемы. В 1990 году один офицер из немецкого бундесвера был с позором уволен со службы из-за того, что в частной беседе со своими сослуживцами он высказал сомнения по поводу холокоста и того, что Германия несёт исключительную ответственность за Вторую мировую войну[1017]. Что касается второго вопроса, то здесь можно сразу же указать на то, что раздел Польши в 1939 году стал результатом договора между Германией и СССР; это означает, что обе эти страны несут ответственность за развязывание Второй мировой войны. Однако во время суда над тем офицером ни один из этих вопросов не был открыт для обсуждения. Федеральный административный суд Германии попросту признал офицера виновным в неверности ФРГ своими заявлениями. Неверность эта будто бы состояла в том, что он не поддерживал основополагающую идею современной Германии, а именно неоспоримость холокоста и исключительной ответственности Германии за Вторую мировую войну. Тем самым он был найден виновным в неверности свободному и демократическому строю общества[1018].

С: Такое толкование закона просто поразительно! Отсюда следует — ни много, ни мало, — что холокост — это часть основ государства, один из главных столпов, на которых покоится Федеративная Республика Германия!

Р: Именно так и не иначе. Это может показаться извращением, но, если мы примем во внимание то, как было образовано это государство, и то, что об этом неоднократно заявляли многочисленные немецкие политики и СМИ, то это окажется вполне логичным. Так, к примеру, бывший президент ФРГ Рихард фон Вайцзеккер неоднократно говорил, что «это не НАТО, а Освенцим составляет основу государства [ФРГ]»[1019].

В 1999 году эту точку зрения подтвердил Йозеф Фишер, на тот момент, когда я пишу эти строки, занимающий пост министра иностранных дел Германии: «У всех демократий есть своя основа. Для Франции — это 1789 год. Для США — Декларация Независимости. Для Испании — гражданская война [1936-1939 гг.]. Для Германии же это — Освенцим. Это мо-

жет быть только Освенцим. На мой взгляд, память об Освенциме — об Освенциме, который не должен никогда не повториться вновь, — может быть единственной основой новой берлинской республики»[1020].

В 1994 году немецкая ежедневная газета «Ди вельт», некогда называвшая себя консервативной, заявила, что ревизионистов нужно сажать в тюрьму, помимо прочего, за следующее: «Любой, кто отрицает Освенцим, [...] сотрясает тем самым основы самосознания данного общества»[1021].

Левый немецкий еженедельник «Цайт» прибег к той же самой аргументации, объясняя, почему немецкая судебная система и ведомство по охране конституции должны заткнуть рот всем сомневающимся в холокосте: «На карту поставлена моральная основа нашей республики»[1022].

Вскоре после этого Рудольф Вассерман, бывший председатель верховного суда земли, написал: «Любой, кто отрицает правду о национал-социалистических лагерях уничтожения, изменяет принципам, на которых была построена Федеративная Республика Германия. Это государство считается доблестной демократией, защищающей себя всякий раз, когда антидемократы пытаются её свергнуть»[1023].

В немецком бундестаге этот взгляд был изложен и встречен аплодисментами всеми (!) партиями: «Любой, кто превращает в банальность или отрицает массовое уничтожение национал-социалистами евреев — иными словами, холокост, — должен знать, что тем самым он нападает на демократические основы»[1024].

Консервативная немецкая газета «Франкфуртер альгемайне цайтунг» также присоединилась к этому хору голосов: «Если бы «Мнение о холокосте» Деккерта [немецкого ревизиониста] было верным, то тогда Федеративная Республика [Германия] основывалась бы на лжи. Каждое обращение президента, каждая минута молчания, каждая книга по истории были бы ложью. Отрицая убийство евреев, он отрицает законность Федеративной Республики»[1025].

С: Такое впечатление, что всё это говорили какие-то полоумные фанатики. Вовсе не отдельный аспект истории угрожает нынешней Германии, нет. Это как раз тот, кто нападает на научную свободу и на свободу слова, нападает тем самым на основы самосознания германской республики и ставит на карту её моральные основания! Так будет правильно.

Р: Совершенно с вами согласен. Вот только Федеративная Республика Германия руководствуется в первую очередь не правами человека, изложенными в её основном законе, а господствующей холокостной догмой. Однако, прежде чем требовать от немецких граждан принять эту догму, её нужно чётко изложить в конституции Германии — после того, как немецкий народ выразит своё согласие с нею на специальном референдуме.

С: Ну, теперь у Германии хотя бы есть крупный символ вечного подчинения этой догме — гигантское скопление бетонных плит в самом центре Берлина. Возможно, не пройдёт много времени, и в немецкий основной закон также будет включена статья, выражающая подчинение этой догме. Хотя, пожалуй, «антифашистской» статьи 139 уже достаточно.

Р: Как бы то ни было, из вышеприведённых высказываний становится ясно, что все те, кто имеет иной взгляд на этот исторический вопрос, считаются антидемократами и врагами государства.

С: Но скажите, ради бога, что общего может быть у тех или иных взглядов на историю с демократическими убеждениями или с верностью конституционному порядку? Это лишено всякой логики!

Р: А никто и не говорит, что в этом есть какая-то логика. Что я хотел всем этим показать, так это политическую и юридическую структуру и психическое состояние новорождённой Федеративной Республики Германии в 1950 году, когда она унаследовала от союзников профессию «охотников за нацистами» и уже сама стала преследовать тех, кто будто бы был повинен в «преступлениях» национал-социализма.

С: Хм, звучит не очень обнадеживающе.

Р: Да, и что потом случилось, можно увидеть на примере Ильзы Кох. Ильза Кох была женой Эриха Коха, бывшего коменданта концлагеря Бухенвальд. Во время войны Кох предстал перед внутренним судом СС за преступления, совершённые им в Бухенвальде. Он был приговорён к смертной казни и повешен[1026]. После войны жена Коха предстала перед показ-

ным союзническим судом (см. главу 2.9). Когда наружу всплыли скандальные подробности этих процессов, Ильза Кох была помилована. Однако это не помешало властям только что созданной ФРГ вновь подвергнуть её судебному преследованию вскоре после этого. Условия, при которых проходил этот, на сей раз — немецкий, процесс, были весьма похожи на условия союзнических процессов, проводившихся несколькими годами ранее: та же истерия, те же лживые показания тех же профессиональных свидетелей, то же отсутствие критического расследования со стороны суда и т.д. и т.п. Вот только на этот раз для жалости к фрейе Кох не осталось места. Её приговорили к пожизненному тюремному заключению; позже она покончила жизнь самоубийством.

С: Но это уж точно не был единичный случай.

Р: Да, это было и до сих пор остаётся правилом. Ганс Латернзер (адвокат как на Нюрнбергском процессе, так и на Освенцимском процессе во Франкфурте, состоявшемся 18 лет спустя) охарактеризовал атмосферу, царившую на Франкфуртском процессе, следующими словами: «На крупнейших международных уголовных процессах, в которых я принимал участие, в том числе на Нюрнбергском, никогда не было столько напряжения, сколько на Освенцимском процессе»[1027].

Иными словами, после восемнадцати лет постоянной холокостной пропаганды общественная атмосфера в Западной Германии была столь отравлена и переполнена предубеждениями и ненавистью, что честный суд стал попросту невозможен.

Но давайте рассмотрим этот вопрос в хронологическом порядке. Итак, одним из первых поступков молодой ФРГ стало подписание соглашения с Израилем, в котором она признавала, что при национал-социализме имело место преследование евреев, и обещала выплатить еврейским физическим лицам и недавно созданному еврейскому государству репарации в виде денег и товаров. Подобным образом ФРГ, изо всех сил пытавшаяся финансово и экономически выбраться из руин Третьего Рейха, надеялась завоевать благосклонность мирового еврейства. Канцлер ФРГ Конрад Аденауэр в 1952 году подытожил это следующими словами: «Мировое еврейство — это великая сила!»[1028]

С: Ну а еврейскую точку зрения на всё это выразил Шмуэль Дайан: «А глик хот унц гет-рофен[1029] — шесть миллионов евреев было убито, а мы за это получаем деньги!»[1030]

Р: Что ж, разные точки зрения — разные оценки. Впрочем, молодой ФРГ действительно не нужны были трения с мировым еврейством, имеющим большое влияние в международных финансах и средствах массовой информации. Поэтому западногерманские власти при канцлере-консерваторе Аденауэре, при помощи оппозиции в лице социал-демократов, делали всё, чтобы улучшить отношения с еврейством. Лишь однажды они встретили сопротивление — в лице одного из представителей Свободной демократической партии ФРГ (в то время — весьма националистически настроенной) в бундесрате[1031], который заявил, что, прежде чем признавать еврейские требования, специальная историческая комиссия должна чётко установить, что именно произошло во время Второй мировой войны. Но это требование было попросту проигнорировано. Собственно говоря, после Второй мировой войны не было создано ни одной официальной правительственной комиссии, которая бы провела исследование этих исторических вопросов — вопросов, использованных в качестве морального основания для построения новой немецкой нации. Это находится в резком противоречии с первой мировой войной, после которой вопрос об ответственности за развязывание войны был с большой тщательностью изучен немецкими правительственными комиссиями[1032].

Как и все административные органы в послевоенной Германии, новая западногерманская судебная система также образовалась в результате политической чистки немецкой администрации, проведённой союзниками. Все судьи и прокуроры, сочтённые политически неблагонадёжными, были уволены и заменены политически надёжными персонами, даже если у последних не было необходимой квалификации в данной области[1033]. Нередко это были ярые левые или бывшие эмигранты (как евреи, так и неевреи), настроенные крайне враждебно по отношению к бывшим служащим Третьего Рейха. Сразу же после войны союзники учредили так называемые «комиссии (палаты) по денацификации» («Spruchkammern»), помогавшие им проводить политические суды над всеми без исключения служащими Третьего Рейха, включая почтальонов и кондукторов. После образования ФРГ в 1949 году функции

этих комиссий по денацификации потихоньку перешли к обычным уголовным судам, рассматривавшим дела так называемых «нацистских преступников». До 1958 года эта деятельность была плохо согласована, но всё изменилось после создания в том году Центрального отдела земельных управлений юстиции (ЦОЗУЮ, ZStL), официальной немецкой организации по «охоте за нацистами». Начиная с 1958 года этот отдел собирает со всего мира информацию о «нацистских преступлениях». Отправным пунктом его расследований служат, как правило, «улики», собранные во время показательных союзнических судов, заявления и рассказы различных ассоциаций бывших узников концлагерей, а также «улики», представленные Израилем и, в особенности, властями коммунистических стран Восточной Европы, поскольку большинство преступлений было якобы совершено как раз на их территории.

С: И что здесь такого плохого?

Р: Ну, во-первых, ЦОЗУЮ расследует только преступления, совершённые немцами, но не преступления, совершённые союзниками и их пособниками против немцев. Немецким властям запрещено проводить такого рода исследования. Во-вторых, данная организация по «охоте за нацистами», как и любая немецкая прокуратура, обязана по закону собирать и предъявлять также и оправдательные доказательства. Но каких оправдательных доказательств можно ждать от Израиля, от коммунистических стран Восточной Европы или от организаций бывших узников, в которых нередко преобладают коммунисты? Факт состоит в том, что ЦОЗУЮ никогда не пытался собирать какой-либо оправдательный материал, зато обвинительный материал собирался им столь же некритично, как это делалось союзниками сразу же после войны.

Тесное и слепое сотрудничество между ЦОЗУЮ и организациями узников, которыми явно управляли коммунистические страны, чётко говорит о том, что ЦОЗУЮ сам по себе — не что иное, как бюрократическая рука пятой колонны коммунистического интернационала, далеко проникшая в немецкую юридическую систему. Это становится очевидным, в частности, из тесного и дружеского сотрудничества между ЦОЗУЮ и Освенцимским комитетом, штаб-квартира которого первое время находилась в Кракове, то есть в коммунистической Польше, ПНР. Кульминацией этого симбиоза стало совместное издание Германом Лангбайном (председателем-коммунистом организации бывших узников Освенцима «Освенцимский комитет») и Адальбертом Рюкерлем (главой ЦОЗУЮ) книги «Национал-социалистические массовые убийства...»[95]. Заговор против непредвзятого отношения к уголовному расследованию, возбуждённому ЦОЗУЮ, был также продемонстрирован письменной благодарностью, которую как прокурор, так и судьи выразили Лангбайну за большую поддержку, оказанному им в подготовке и проведении Освенцимского процесса во Франкфурте[1034].

С: Та же самая история, что и с американской организацией по «охоте за нацистами» OSI (Office of Special Investigations, Отдел по особым расследованиям), учреждённой Джеймсом Картером в 1976 году. Её служащие представляли собой сборище холокостных фанатиков-евреев, готовых охотно сотрудничать с советскими мошенниками из КГБ, что видно из суда над Демьянюком (см. главу 2.10).

Р: Да, вы правы. Хотя, насколько мне известно, в ЦОЗУЮ никогда не работали евреи. Впрочем, после войны у немецких антифашистов вошло в моду быть большими евреями, чем сами евреи. А сегодняшние немцы прекрасно обходятся и без евреев; они уже давно научились сами себя угнетать. Неудивительно поэтому, что немецкие эксперты-юристы считали необходимым, чтобы в первые десятилетия для этих особых расследований нанимались только политически благонадёжные служащие[1035]. От себя добавлю, что это было справедливо и для судов. Таким образом, можно с уверенностью говорить, что подбирались только те лица, которым даже в голову не могло придти, что «преступления», которые они расследуют, были выдуманными.

Учитывая столь энергичный, идеологически подкованный и вышколенный персонал, можно с большой долей уверенности заявить, что во время предварительных расследований свидетелям, не желавшим давать показания, угрожали, дабы выбить из них требуемые заявления. Немецкий леворадикальный автор Лихтенштайн описывает результаты допроса второй степени, который он считает необходимым для того, чтобы заставить упирающихся свидетелей говорить: «Свидетель [...] колеблется, [...] переживает или изображает нервный срыв.

[...] Перед тем как покинуть место для дачи показаний, он берёт обратно своё заявление о том, что допрашивавший его полицейский «шантажировал» его для того, чтобы тот сказал, что тогда происходило. Сейчас он весьма сбивчиво говорит, что полицейский «обращался с ним весьма жёстко», что, безусловно, необходимо в случае со свидетелями такого рода»[1036].

С: А есть ли какие-нибудь указания на то, что во время этих немецких процессов применялись пытки?

Р: Нет, но, на мой взгляд, в царивших тогда условиях пытки были не нужны. Они могли даже привести к прямо противоположным результатам. Пытки, как правило, оставляют жертву с ощущением того, что с нею несправедливо обошлись. И, как только жертве перестают угрожать, возникает «опасность» того, что станет известно, как с нею обращались, а это, в свою очередь, может свести на нет все усилия мучителя. Допросы второй степени, то есть методы жёсткого допроса, а также постоянные наводящие вопросы, как правило, не оставляют следов и являются гораздо более эффективными.

С: Вы говорите о промывании мозгов, так ведь?

Р: Да, это можно назвать и так.

Перед началом предварительных слушаний по Освенцимскому процессу во Франкфурте немецкое правительство не особо желало использовать архивы восточноевропейских стран. Информация, поступающая от стран социалистического блока, воспринималась как попытка дестабилизировать ФРГ. Впрочем это нежелание быстро пропало после давления со стороны различных влиятельных групп, заинтересованных в предстоящем Освенцимском процессе, и было заменено на прямо противоположную линию поведения: Германия обратилась ко всему миру с просьбой «помочь» ей в самобичевании, то есть предоставить весь возможный материал о преступлениях национал-социалистов. Первоначальное скептическое отношение некоторых прокуроров в том, что касается надёжности улик, предоставляемых Освенцимским комитетом, исчезло без следа после жалоб Освенцимского комитета и приказов, полученных с самого верха. В частности, прокурор Вебер, допрашивавший профессионального обманщика Рёгнера и вступивший в схватку с Германом Лангбайном по поводу того, как следует вести следствие, написал в служебной записке, после того как Лангбайн подал жалобу начальникам Вебера, следующее: «Так как это касается важного дела, в котором сильно заинтересован министр юстиции [...]»[1037].

С: Но ведь это не затрагивает право обвиняемого на надлежащую защиту. Каким образом это могло помешать сбалансированному подходу к делу?

Р: А давайте сравним это с положением дел на Нюрнбергском процессе. В Нюрнберге обвиняемые столкнулись с аппаратом, у которого имелся примерно год на то, чтобы просмотреть все документы полностью оккупированной Германии, так же как и стран-победителей, на предмет уличающих доказательств. Защите же, напротив, сильно мешали. В свою очередь, во Франкфурте в 1964-1965 годах обвиняемым противостояла обвинительная машина, организованная на всепланетном уровне, непрерывно действовавшая в течение двадцати лет. Уличающие улики поступали со всего света. Подготовка более-менее приемлемой защиты заняла бы целые годы, потребовав огромных расходов. Иными словами, защититься от столь гигантского потока обвинений было практически невозможно. Эта огромная разница в средствах является причиной того, почему по немецкому закону обвинение обязано также искать и предъявлять оправдательные доказательства. Вот только этого никогда не происходило.

Гораздо хуже, однако, те манипуляции, которые ЦОЗУЮ проделывал вместе с организациями бывших узников. Они составляли так называемые «досье на преступников», которые затем предоставляли всем потенциальным свидетелям, а также немецким и зарубежным следственным органам в целях их дальнейшего распространения среди свидетелей. В этих досье приводились все предполагаемые преступники вместе со своими фото, сделанными как на момент составления досье, так и во времена национал-социализма, а также с описанием приписываемых им преступлений; также там приводились преступления, которые *могли* иметь место, но свидетели и исполнители которых отсутствовали. Свидетелей просили относиться к этим досье как к материалу, не подлежащему огласке, приписывать преступников к соответствующим преступлениям и добавлять преступления, которые могли отсутствовать в

досье[1038].

С: А что в этом плохого?

Р: Любой профессиональный следователь — путём надлежащих методов дознания — прежде всего постарается узнать, что знает свидетель, прежде чем предоставлять ему информацию. Здесь же информация предоставлялась свидетелям ещё до их допроса. Это делалось для того, чтобы внушить свидетелям, будто и преступления, и преступники уже были установлены. Нужно было всего лишь подтвердить связь между преступлениями и преступниками, а также пополнить список преступников и преступлений. Любые сомнения по поводу того, если эти преступления действительно имели место (а если — да, то действительно ли они были совершены обвиняемыми), отменялись с самого начала.

С: Это тот самый метод задавания наводящих вопросов, который, как описала Э. Лофтус, приводит к сильному искажению памяти (ср. главу 4.2.2).

Р: Верно. Таким образом, очевидно, что последующее опознание мнимых преступников этими, заранее подготовленными, свидетелями, было фарсом. Кроме того, многих свидетелей допрашивали по несколько раз, одних — потому, что у следователей появлялась новая информация, насчёт которой они хотели задать дополнительные вопросы, других же — из-за того, что их показания противоречили истине в понимании следователей. Можно почти с полной уверенностью утверждать, что эти повторные допросы всегда порождали так называемые «обтекаемые» показания.

С: Согласно той же самой Лофтус, вероятность искажения памяти резко возрастает с повторным задаванием наводящих вопросов.

Р: Рюкерль, долгое время возглавлявший ЦОЗУЮ, привёл случаи открытого манипулирования свидетелями со стороны следователей, так же как и со стороны частных информационных центров. В некоторых случаях Оппиц и Рюкерль (оба — представители обвинения) отметили, что на свидетелей оказывали влияние организации узников, среди которых была скрытая коммунистическая Ассоциация жертв нацистского режима[1039].

С: Хм, это даже забавно. Учитывая все те методики задавания наводящих вопросов, которыми пользовался ЦОЗУЮ, этот орган был, по сути, не чем иным, как гигантским учреждением по манипулированию свидетелями.

Р: Представляете, к каким манипуляциям должны были прибегнуть все те прокуроры, полицейские, организации узников и информационные центры, чтобы даже сам Рюкерль почувствовал себя обязанным подвергнуть критике это недостойное поведение! Но это ещё не всё. Адвокат защиты Латернзер сообщает о том, что свидетели на Освенцимском процессе могли, ещё даже до начала процесса, рассказывать свои истории в средствах массовой информации и даже в информационных брошюрах для свидетелей, специально печатавшихся по такому случаю; так что непредвзятые и объективные свидетельские показания были попросту невозможны. Кроме того, за многими свидетелями пристально наблюдали различные организации и частные лица, что также способствовало формированию у них предвзятого мнения[1040].

Поскольку следствие нередко проходило крайне тяжело, обвиняемые находились под арестом в ожидании суда от трёх до пяти лет, а иногда и больше; при этом их постоянно допрашивали.

С: Это очень утомляет.

Р: И противоречит правам человека.

Так же как и Нюрнбергский процесс, большинство более поздних процессов над «нацистскими преступниками» превратились в показательные судилища. Многим подозреваемым сразу же предъявляли все мыслимые и немыслимые обвинения, сотни свидетелей давали уличающие показания, тысячи зрителей на всё это глазели, а средства массовой информации трезво-нили об этом по всему свету. Ни одно из этих дел не было подтверждено какой-либо судебно-медицинской экспертизой. Следующий отрывок из приговора, вынесенного на Освенцимском процессе во Франкфурте, является символом этой чудовищной халатности: «У суда не было почти никаких возможностей для обнаружения доказательств, которые доступны на обычном суде, расследующем убийство, для создания подлинной картины того, что действительно происходило на момент убийства. У него не было трупов жертв, протоколов вскрытия

трупа, заключений экспертов о причине и времени смерти; у него не было никаких следов убийц, орудий убийства и т.д. и т.п. Изучение показаний очевидцев было возможно лишь в редких случаях»[1041].

С: Ну, они хотя бы признали свои недостатки.

Р: Да, но они даже не попытались исправить данную ситуацию. Они могли, например, вызвать в суд свидетелей-экспертов, чтобы проверить: а) какие следы утверждаемых преступлений должны были остаться и б) какие из этих следов могут быть найдены. Однако это сделано не было. А когда один-единственный немецкий судья имел смелость оправдать обвиняемого ввиду того, что улики, представленные в качестве доказательства предполагаемого преступления, были недостаточны даже для того, чтобы по правовым канонам установить, что данное преступление вообще имело место, немецкий Верховный федеральный суд отменил оправдательный приговор, дав возмутительное объяснение, что суд ничего не сделал для того, чтобы проверить, что утверждаемое преступление действительно имело место[1042]. Но ведь это ни разу не было сделано ни одним немецким судом над мнимыми нацистскими преступниками. И подобное отсутствие доказательств совершения преступления несколько не беспокоило Верховный суд ФРГ, когда подсудимым выносился обвинительный приговор.

Те немногие свидетели-эксперты (не по юридическим или историческим вопросам), которые выступали на процессах над «нацистскими преступниками», исследовали не сами преступления, а вопросы о надёжности человеческой памяти или вопрос о том, если собака породы сенбернар может сегодня быть любящей, а завтра — жестокой.

С: Вы что, шутите?

Р: Отнюдь. Это имело место на Треблинском процессе, на котором свидетели дали противоречивые показания насчёт собаки коменданта лагеря Курта Франца по кличке Барри[1043].

Не считая этих единичных случаев, заключения экспертизы составлялись исключительно историками, которых, впрочем, несколько не заботила историческая (не)точность свидетельских показаний. Ибо, в противном случае, это могло привести к весьма нежелательным для них результатам. Нет, историки эти помещали расследуемые «преступления» нацистов в общий контекст официально предписанного, чудовищного образа Третьего Рейха, создавая тем самым такую судебную атмосферу, в которой подсудимые представляли не иначе, как дьяволом во плоти, живым воплощением самого зла[1044].

С: Так вот какими методами перевоспитывался немецкий народ!

Р: Да, причём это признаётся даже на официальном уровне. Например, сей факт был признан Фрицом Бауэром, прокурором на Освенцимском процессе[1045], или Берндом Науманом, репортёром на Освенцимском процессе от «Франкфуртер альгемайне цайтунг». Последний написал, что Освенцимский процесс имел «этическое, общественно-воспитательное значение»[1046]. А коммунист Герман Лангбайн, «серый кардинал» за судебной сценой, дал следующий комментарий: «Особый элемент в этих уголовных процессах — их политические последствия»[1047].

Адальберт Рюкерль, в свою очередь, написал, что «прояснение» преступлений национал-социалистов имело «всеобщую политическую и историческую значимость, далеко выходящую за рамки уголовного расследования как такового» и что «совместные результаты исторического исследования и уголовного расследования таковы, что они оставляют в сознании человека с улицы такие вещи, какие он должен хорошо запомнить ради его же собственного блага — неважно, насколько неприятны они могут для него быть»[1048].

Немецкий традиционный историк Вольфганг Шеффлер весьма настойчиво намекает на то, что процессы над «нацистскими преступниками» должны постоянно быть в центре внимания общественной жизни, поскольку они имеют дело с вопросом о существовании немецкого общества[1049]. А согласно другому немецкому традиционному историку, Петеру Штайнбаху, процессы над «нацистскими преступниками» вносят значительный вклад в дело формирования немецкой идентичности[1050].

С: Освещение этих событий в средствах массовой информации должно было быть соответствующим, то есть очень широким.

Р: Вы абсолютно правы, причём это происходило вопреки изъявленной воли большинства немецкого населения. Но, как известно, непослушного ребёнка бьют до тех пор, пока он не

станет слушаться. Воспитательная роль СМИ, изобличённая как крайне недемократичная, была подчеркнута многими авторами[1051]. Более чем сомнительное качество освещения данных событий в СМИ (к сожалению, крайне типичное для многих средств информации) было продемонстрировано австрийской газетой «Нойес Остеррайх», прокомментировавшей свидетельские показания на одном из судов над «нацистскими преступниками» следующим образом: «Всё то, что обвиняемый не может опровергнуть, явно имело место, как бы невероятно оно ни звучало»[1052].

С: То есть, доказывать нужно не вину обвиняемого, а его невиновность. Очень любопытно...

Р: На средневековых процессах над ведьмами такой подход к доказательствам назывался «*probatio diabolica*» — «дьявольское доказательство».

Из международных откликов на эти садо-мазохистские немецкие процессы стоит отметить международное обращение за 1978 год, в котором был сделан призыв не позволять нацистским преступлениям терять силу за давностью их совершения[1053] — и это после того, как немецкий закон о давности уголовного преследования уже дважды продлевался исключительно для того, чтобы преследование мнимых нацистских преступлений длилось чуть ли не до скончания века[1054]. В этой связи Лихтенштайн отмечает, что в 1979 году, во время дебатов по этому закону, Симон Визенталь распечатал на многих языках открытки с протестом и распространил их с просьбой переслать их по почте правительству ФРГ[1055]. Штайнбах был совершенно прав, когда описал дебаты по этому закону в немецком Бундестаге как один из самых значимых моментов в истории немецкого парламентаризма[1056]. Конец этому безумию был положен лишь в 2004 году, почти через шестьдесят лет после окончания войны, когда решением Верховного федерального суда Германии уголовное преследование дряхлых девяностолетних стариков было юридически запрещено[1057].

С: Но ведь это означает, что отныне нацистские преступления, за которые никто не был наказан, нельзя будет исследовать.

Р: А для того чтобы исследовать исторические вопросы, судьи и не нужны, скорее наоборот. С этим согласны даже некоторые официальные историки: «Процессы, которые проводятся для того, чтобы предоставить историкам доказательственный материал, — дурные процессы, тревожно граничащие с показательными»[1058].

Случай с Карлом Вольфом, бывшим генералом Ваффен-СС, показывает, сколь сильным было политическое влияние на эти процессы. В 1964 году Вольф предстал перед мюнхенским судом по обвинению в соучастии в убийстве 300.000 евреев. Во время этого процесса, основывавшегося исключительно на косвенных уликах, свои показания дали примерно 90 свидетелей. Лишь трое из них обвинили Вольфа. Суд, состоявший из трёх профессиональных судей и шестерых присяжных, не был уверен в том, что Вольф виновен, и медлил с вынесением решения. Размышления длились целых восемь дней. Наконец 30 сентября 1964 года был вынесен приговор. Незначительным большинством всего в один голос Вольф был приговорён к пятнадцати годам тюремного заключения. И вот как суд пришёл к своему решению:

«В течение десяти недель Вольф заявлял в суде и ещё раз подчеркнул это в интервью с [немецким журналом] «Нойен бильдпост», весной 1974 года: «Я не знал, что там должны были убивать евреев». Суд, однако, ему не поверил. Будучи «глазами и ушами» Гиммлера, он не мог не знать, какая судьба ждала евреев. [...]

Согласно Норберту Кельнбергеру, присяжному на том процессе, приговор был вынесен большинством всего в один голос. Кельнбергер и некоторые его коллеги не были уверены в том, что Вольф виновен. Однако судья Йорка сделал особое ударение на том, что это — политический процесс, что весь мир следит за судьями и что поэтому они просто обязаны осудить Вольфа.

Согласно Кельнбергеру, Йорка заявил, что их не должна беспокоить судьба обвиняемого. Всё равно через год-два его выпустят»[1059].

Прошло, однако, пять лет, и Вольф по-прежнему находился за решёткой. Тогда Кельнбергер решил публично заговорить об этом показательном процессе: «Весной 1969 года бывший присяжный Кельнбергер с удивлением обнаружил, что Вольф по-прежнему находится за решёт-

кой в [тюрьме] Штраубинге. Он вспомнил слова [судьи] Йорка, сказанные тем в 1964 году, и решил с этим что-то делать. [...] Кельнбергер решительно заявил [викарному епископу] Нойхойслеру (и остальным): “Если через четыре-шесть недель Вольф не выйдет на свободу, я начну говорить и устрою юридический скандал!”»

Вскоре после этого Карл Вольф был-таки отпущен из тюрьмы Штраубинг на свободу по состоянию здоровья, однако немецкие власти могли отменить это решение в любой момент.

С: Они, наверно, хотели убедиться, что Вольфу не придёт в голову никаких глупых идей — например, высказаться в СМИ.

Р: Да, наверно. Из этого случая ясно видно, что на решения судей влияли не улики, а государственная основа современной Германии. Учитывая, что на этих процессах ни разу не было представлено судебно-медицинских отчётов о предполагаемых преступлениях и что документов, которые можно было бы использовать против обвиняемых, практически не было, большинство обвиняемых было осуждено лишь на основании свидетельских показаний. К сведению принимались даже показания, основанные на слухах.

С: Но ведь ненадёжность этих показаний уже вошла в легенду! В большинстве стран подобные показания вообще запрещены.

Р: Только не в Германии. А на обсуждаемых здесь процессах они использовались весьма часто, что было признано даже в приговоре, вынесенном на Освенцимском процессе во Франкфурте: «Вне всякого сомнения, существовала опасность того, что свидетели будут от чистого сердца описывать в качестве своего личного опыта то, что в действительности было сообщено им другими людьми, или же то, о чём они всего лишь прочли после своего освобождения в книгах и журналах, описывающих истории из Освенцима и доступных в большом количестве»[1041].

С: Выходит, судьи осознавали стоящую опасность?

Р: Да, но не более того. Применявшийся на этих судах метод (чем больше свидетелей утверждает одно и то же, тем более достоверным это считается) весьма сильно напоминает метод средневековых процессов, когда обвинительное утверждение могло быть опровергнуто только семью оправдательными утверждениями, и наоборот.

С: Но ведь это не имеет ничего общего с современным правосудием!

Р: Это так. И раз уж мы уже затронули методы средневековых процессов над ведьмами, позвольте мне немного развить эту тему. Между процессами над ведьмами и процессами над «нацистскими преступниками» можно провести и другие параллели. Например, утверждаемым преступникам в тех и других случаях не разрешалось покоиться в мире даже после их смерти. Тела подозревавшихся в колдовстве выкапывались из земли, огораживались или рубались на куски. Телам «нацистских преступников» также не давали покоя. Их извлекали из земли для опознавания (взять, например, шумиху, поднятую вокруг останков Йозефа Менгеле), а средства массовой информации неоднократно сообщали о «чудовищах», лежащих в таких-то могилах. Кроме того, как столетия назад, так и после Второй мировой войны рассматривавшиеся преступления считались очевидными.

С: Колдовство считалось очевидным?

Р: В средние века существование дьявола, колдовства и ведьм считалось настолько же очевидным[1060], каким сегодня считается «факт» совершения нацистских преступлений. Все попытки защиты отвергнуть или проверить эту «истину» или поставить под сомнение «общеизвестные факты» (например, при помощи судебных доказательств) отвергаются в Германии и многих других европейских странах даже без рассмотрения предложенных доказательств. Подобные ходатайства о допущении доказательств считаются обычными способами по затягиванию процесса[1061], а середины 90-х годов адвокаты, слишком рьяно отстаивающие своих клиентов (например, путём подачи ходатайств о предоставлении «отрицающих» доказательств), преследуются в Германии в уголовном порядке, в соответствии с решением немецкого Верховного федерального суда: «Тот, кто в качестве адвоката защиты на процессе о возбуждении масс подаёт ходатайство о предоставлении доказательства, отрицающего геноцид против евреев, совершённый при национал-социализме, тем самым совершает преступление согласно §130 III Уголовного кодекса»[1062].

Этот немецкий закон объявляет вне закона «отрицание холокоста». Это ещё одна парал-

лель с процессами над ведьмами, на которых представители защиты, не соблюдавшие достаточную дистанцию от своих клиентов, могли быть обвинены в колдовстве или в сотрудничестве с ведьмами. Преступления, в которых обвинялись подсудимые, считались самыми гнусными, какие только можно вообразить: сегодня говорится об «уникальности» немецких преступлений, а столетиями назад использовался термин «*crimen atroix*» — «жестокое преступление». И в средние века, и в наши дни подобные «преступления» (или их отрицание) карались в уголовном порядке, если о них доходило до сведения властей. При этом даже не нужно было обвинения в совершении преступления. Судебная система могла и даже была обязана *не* следовать обычным процессуальным нормам — взять хотя бы создание центральных организаций по «охоте за нацистами», назначение политически благонадёжного персонала, слепое принятие всех обвинительных показаний и отказ в проведении судебно-медицинских экспертиз.

И тогда, и сегодня для того, чтобы сделать обвиняемых покладистыми, поначалу использовались пытки, но и тогда, и сегодня эти методы были со временем заменены более изощрёнными, психологическими методами дознания и длительным, изнурительным содержанием под стражей во время следствия. Все детали мнимых преступлений записывались и определялись в официальных книгах и предписывались в качестве абсолютной истины (тогда это был «Молот ведьм», сегодня это — официальные учебники истории). Все доступные средства информации следили за тем, чтобы рассказы об этих преступлениях распространялись по всему свету, так чтобы все знали, о чём идёт речь. Поэтому как столетиями назад, так и после Второй мировой войны все свидетельские показания были сильно похожи друг на друга, часто — вплоть до деталей, так что третьи стороны думали, что заявления стольких, независимых друг от друга, свидетелей обязательно должны были соответствовать истине, какими бы невероятными они ни были.

И в средние века, и в XX веке многие свидетели давали показания анонимно. Нередко свидетели обвинения, которые в суде должны были поклясться на библии, что будут говорить правду, получали за свои услуги щедрое вознаграждение. Их показания, как правило, критично не изучались. Они не подвергались перекрёстному допросу со стороны адвокатов. Даже если их уличали в клятвопреступлении, они всё равно за это не наказывались. Явно противоречивые, бессмысленные или заведомо невозможные заявления не считались ненадёжными — ни в средневековье, ни в наши дни.

Зато те свидетели или обвиняемые (как столетиями назад, так и в XX веке), которые отрицали преступление или своё участие в них, наказывались за своё упорное отрицание ещё сильнее, поскольку они якобы не желали сознаться в своих дьявольских деяниях, показать своё раскаяние и отречься от дьявольщины. Каждый обвиняемый знал, что единственным способом получить пощаду со стороны суда было признание вины, так что даже в тех случаях, когда пытки не применялись, признания встречались весьма часто. Во многих случаях (как в средние века, так и в наши дни) обвиняемые пытались получить снисходительность или даже купить себе свободу, сотрудничая с судом и обвиняя третьих лиц.

В средние века вещественные доказательства утверждаемых преступлений принимались крайне редко и неохотно, а в наши дни они **всегда** отклоняются. Даже если можно было показать, что лица, якобы убитые обвиняемым, находятся в добром здравии или же умерли естественной смертью, судей это, как правило, не впечатляло.

И в средние века, и в веке двадцатом адвокатам защиты нельзя было ставить под сомнение преступление как таковое, и они должны были демонстрировать стандартный, общепринятый взгляд на обсуждаемую тему, если сами не хотели предстать перед судом в качестве обвиняемых (чуть ранее я об этом уже говорил). В средневековье адвокатам защиты лишь изредка предоставляли доступ к судебным документам, и они не могли общаться со своими клиентами с глазу на глаз — точно так же, как и на процессах, имевших место в первые годы после Второй мировой войны.

Если адвокат защиты, подсудимый или третья сторона решали усомниться в реальности утверждаемых преступлений как таковых (в средние века — в колдовстве, в наше время — в холокосте), то это считалось ещё хуже, чем само преступление. Это было наихудшее преступление: «*Haeresis est maxima opera maleficorum non credere*» — «Не верить в деяния преступ-

ников — худшая ересь»[1063].

С: Но ведь всё, о чём вы говорите, — это всего лишь мелочи!

Р: Что-что? Отмена всех юридических норм, к которым мы пришли в результате просвещения, — всего лишь мелочь? Возвращение системы правосудия в мрачное средневековье — обычная мелочь?

В свете всего этого положение подсудимых на послевоенных процессах было практически безнадёжным, и применявшаяся защитой тактика была построена соответствующим образом. Адвокатам защиты приходилось следить за тем, чтобы их не отождествляли с их клиентами, к которым как средства информации, так и остальные стороны, участвующие в процессе, нередко относились как к бешеным зверям. Предубеждение, царившее среди обвинения и СМИ, достигло своего пика, когда обвиняемые на Освенцимском процессе стали объектами выставки во франкфуртской Паульскирхе (бывшей Церкви святого Павла), ставшей в 1848 году первым парламентским зданием современной Германии, а сегодня являющейся музеем. Данная выставка прошла под эгидой Фрица Бауэра, прокурора-еврея, который вместе с коммунистом Германом Лангбайном из Освенцимского комитета был главным организатором того судебного процесса. На выставке в качестве преступников были представлены обвиняемые, вместе со своими портретами, и это ещё до вынесения приговора!

То, что на таких процессах может произойти с адвокатом защиты, который настроен слишком критично, испытал на себе адвокат из Мангейма Людвиг Бок. Во время предварительного расследования перед Майданским процессом Бок осмелился посетить свидетелей, перечисленных обвинением, и лично допросить их до начала процесса. На процессе он сопоставил взятые им показания с показаниями, которые те же самые свидетели дали перед судом. Оказалось, что большинство грубых противоречий из досудебных показаний, взятых им лично, внезапно сгладились или и вовсе исчезло[1064]. За свой «проступок» Бок подвергся яростным нападкам со стороны СМИ; была даже предпринята попытка отобрать у Бока лицензию адвоката, которая, впрочем, не увенчалась успехом. А два государства, предоставившие наибольшее количество свидетелей — Израиль и Польша, — запретили Боку впредь въезжать на их территорию[1065].

Досталось и смелым адвокатам Ивана Демьянюка. Первый адвокат выпал (или его «выпали») с балкона и разбился насмерть, а второму адвокату плеснули в лицо кислотой, обезобразив его[207].

Неудивительно поэтому, что большинство адвокатов не особо хочет защищать своих подопечных, если хочет вообще. А некоторые адвокаты на поверку оказались скорее дополнительными прокурорами, нежели адвокатами защиты — точно так же, как это часто было на процессах над ведьмами.

Отношение прокуроров и судей к обвинительным свидетельским показаниям может быть подытожено следующим образом:

— Свидетельские показания считаются ещё более надёжными, если они неопределённые и противоречивы, поскольку именно этого следует ожидать после стольких лет, особенно если учесть, что все эти жуткие события сказались на памяти свидетелей.

— В то же время очень подробные свидетельские показания также считаются заслуживающими доверия, поскольку все эти жуткие события могли обострить чувства свидетелей и глубоко запечатлеть пережитое в их памяти.

С: Но ведь эти два пункта противоречат друг другу, да и вообще они лишены всякого смысла!

Р: Вы правы, но они позволяют любую чушь, сказанную свидетелями, воспринимать за чистую монету, а это, по всей видимости, и является целью данного подхода. К тому же, как я уже неоднократно говорил, обычные правила доказывания на этих процессах не применяются. Но позвольте, я продолжу:

— Эксперты неоднократно делали вывод, что, в целом, достоверность свидетельских показаний на таких процессах не уменьшается даже после тридцати и более лет — по крайней мере, в том, что касается основы этих показаний. Таким образом, все ходатайства о проверке достоверности показаний следует отклонять.

С: Но ведь это находится в грубом противоречии с результатами, полученными Лофтус и

другими экспертами (см. главу 4.2.2)!

Р: И снова вы правы. Нужно быть не совсем здоровым, чтобы всерьёз утверждать, будто человеческая память может оставаться надёжной через тридцать и более лет с момента совершения некоего события. Что ж, это ещё раз доказывает, что обычные правила на этих процессах не применяются. Далее:

— Основная цель свидетелей обвинения — говорить правду, поскольку, как сказал один прокурор, они прибыли в суд для того, чтобы «выявить истину — зачем же ещё им нужно было добровольно приезжать из-за границы?»[1066]

С: Это сказал прокурор?!

Р: Да, и это, мягко говоря, наивно. А вот что ещё немецкие прокуроры говорили об этих процессах:

— ярко описываемые свидетелями ужасы парализовывали судей, прокуроров и защитников до такой степени, что рассказываемое свидетелями никогда не подвергалось критическому анализу;

— считалось необходимым чувствовать леденящий ужас и испытывать чувство сострадания к жертвам, чтобы можно было понять страдания жертв;

— если в редких случаях адвокаты задавали критические вопросы, то суд, как правило, их отклонял, поскольку считалось недопустимым намекать на то, что жертвы могут говорить неправду;

— даже если оказывалось, что заявления свидетелей не соответствуют истине, жертв холокоста всё равно нельзя было за это наказывать.

Неудивительно поэтому, что даже на процессах в Германии и профессиональные, и мстительные свидетели неоднократно давали ложные показания. Вот что пишет немецкий адвокат Латернзер об Освенцимском процессе (это, в принципе, справедливо и для всех остальных процессов над «нацистскими преступниками»). Свидетели-иностранцы приезжали в Германию незадолго до дачи показаний и сразу же после этого уезжали обратно, так что их нельзя было даже чисто теоретически привлечь к уголовной ответственности за возможную дачу ложных показаний. Ни судьи, ни обвинители даже и не пытались проверить заявления свидетелей обвинения. А любые попытки защиты сделать это решительно отменялись.

Вдобавок ко всему в Германии не ведётся дословных протоколов судебных заседаний, так что суд совсем не записывает свидетельские показания, даже не делает их конспекта.

С: То есть любой судья может внести в приговор всё, что только ни пожелает?

Р: Именно так. Защита же просто не в состоянии следить за всеми показаниями свидетелей, число которых на тех гигантских процессах достигало порой нескольких сотен человек.

Самый крупный скандал, связанный с этими процессами, имел место на Освенцимских процессах во Франкфурте и был обличен защитой; впрочем, судьи и апелляционный суд его вскоре замяли. Дело было так. Когда в 1958 году в Германии было возбуждено предварительное расследование, польский Освенцимский музей начал писать официальную хронологию этого лагеря, с помощью крипто-коммунистического Освенцимского комитета Лангбайна, штаб-квартира которого находилась тогда в Кракове, Польша. Эта хронология была опубликована в периодическом издании Освенцимского государственного музея на немецком языке («Hefte von Auschwitz»). Учитывая, что в первые послевоенные годы Польша проявляла ко всему немецкому открытую враждебность (временами переходящую в самый настоящий геноцид), следовало ожидать, что подобного рода материал будет опубликован или на польском, или на английском языке — новом языке международного общения. Таким образом, выбор немецкого языка для этого журнала недвусмысленно показывает, кто был подлинной мишенью. Позже пересмотренная и исправленная версия этой хронологии вышла в виде книги (и снова на немецком!) под названием «Kalendarium der Ereignisse des Konzentrationslagers Auschwitz-Birkenau 1939 - 1945»[510].

С: А что плохого в том, что люди решили написать хронологию Освенцима?

Р: Плохо здесь то, что при этом они даже и не думали руководствоваться исторической точностью. Ибо, как выяснилось во время Франкфуртских процессов, свидетели, приезжавшие в ФРГ из стран восточного коммунистического блока:

а) все до одного допрашивались перед отъездом коммунистическими секретными служ-

бами и судебными органами на предмет их политической благонадёжности;

б) на этих допросах показания данных свидетелей подвергались сильной обработке;

в) во время своего пребывания в ФРГ данные свидетели на каждом шагу сопровождались служащими коммунистических секретных служб и правительственных органов, в том числе и в зале суда, чтобы удостовериться, что никто из них не станет отклоняться от официальной партийной линии[1067].

С: То есть сначала была написана официальная история лагеря, а затем свидетельские показания были подогнаны под нужную картину.

Р: Можно даже не сомневаться, что целью составления Освенцимским музеем хронологии Освенцима было подогнать свидетельские показания, которые затем будут даваться во Франкфурте, под историческую картину, заказанную Москвой или Варшавой. Им нужно было убедиться, что никому из свидетелей не взбредут в голову глупые идеи — например, сказать что-то хорошее о зловредных немцах. Самый большой интерес в отображении Освенцима как ада на земле имела, прежде всего, Польша, так как «преступление века», будто бы совершенное немцами в Освенциме, служит для Польши моральным оправданием за выселение и массовое убийство миллионов немцев из восточных германских земель и присоединение одной пятой территории Германии. Таким образом, происходившее в те годы было не только попыткой стран восточного блока морально подорвать Западную Германию, но и попыткой стран, участвовавших в этой этнической чистке, сохранить награбленное.

Факт обработки свидетелей коммунистическими правительственными органами был признан даже немецким традиционным журналистом Берндом Науманом, который на Освенцимском процессе во Франкфурте был корреспондентом «Франкфуртер альгемайне цайтунг». Методы стран восточного блока Науман назвал инквизицией[1068].

Нам пришлось ждать до 2004 года, чтобы получить кое-какую информацию о методах, применявшихся властями социалистических стран для подготовки своих свидетелей к даче показаний, так же как о том, почему этим свидетелям не доверяли. В 1962 году, на подготовительной стадии Освенцимского процесса, коммунистические власти Чехословакии приговорили Ладислава Низнанского к смертной казни за то, что во время Второй мировой войны он будто бы убил в Словакии 164 человека. Но, поскольку Низнанский после войны эмигрировал в Западную Германию, они не смогли привести приговор в исполнение. В 2001 году, однако, власти Германии возобновили его дело. И вот что тогда произошло, согласно немецкому журналу «Фокус»: «Один из свидетелей, принимавших участие в процессе 1962 года, заявил, что следователь угрожал ему пистолетом. Другой свидетель сообщил, что он дал обвинительные показания против Низнанского «под психологическим и физическим давлением». Ян Холбус, ещё один свидетель обвинения в 1962 году, заявил на допросе в 2001 году, что ему пригрозили, что «он покинет эту комнату ногами вперёд», если не даст нужных показаний»[1069].

Не стоит забывать, что в то же самое время в Чехословакии, Польше и других коммунистических странах те же самые власти готовили свидетелей к даче показаний во Франкфурте!

С: Не ведь у вас нет никаких доказательств того, что во Франкфурте происходило то же самое. Как-никак, коммунистические власти попросту могли опасаться, что их свидетели сбегут на Запад и запросят там политического убежища.

Р: Вы правы, прямых доказательств у нас пока что нет, но уже сам факт того, что такие методы применялись в других случаях, заставляет нас серьёзно задуматься.

Так или иначе, но Герман Лангбайн, главный архитектор этого гигантского обмана, радостно отметил, что, несмотря на раскрытие крупномасштабных манипуляций над свидетелями, немецкие суды всё равно не ставят под сомнение надёжность этих свидетелей[1070].

С: То есть вы хотите сказать, что раскрытие этих манипуляций никак не повлияло на решение судей?

Р: Именно так. Когда Верховный федеральный суд Германии отклонил ходатайство ряда адвокатов защиты о возобновлении дела, он заявил, что для отмены приговора нет никаких оснований, даже если предположить, что эти манипуляции действительно имели место[1071]. Такова давняя традиция немецкой судебной практики: не принимать никаких апелляций по делам, в которых рассматривались нацистские преступления и в которых под-

судимые были осуждены.

Зато к свидетелям защиты судьи относились с точностью до наоборот! Любой, кто ничего не знал о гипотетическом преступлении, считался бесполезным свидетелем, поскольку либо он находился не в том месте не в то время, либо его память якобы оставляла желать лучшего. Случай с Готфридом Вайзе, в прошлом — охранника в Освенциме, хорошо задокументирован в этом отношении. Вайзе удалось представить гораздо больше свидетелей защиты, нежели прокурорам — свидетелей обвинения. Однако все свидетели защиты либо не были вызваны в суд, либо же их показания (вопреки их содержанию) были интерпретированы судом как обвинительные или отклонены как не относящиеся к делу, ибо, как утверждали судьи, только обвинительные показания могли пролить свет на преступление[1072]. Адвокат защиты, немец Юрген Ригер, сообщает, что один суд презрительно отверг показания двух свидетелей защиты, заявив, что он не может понять, зачем этим свидетелям нужно было лгать[1073]. Немецкий еврей Йозеф Гинсбург, выступивший на нескольких процессах в качестве свидетеля защиты, пишет, что ему регулярно угрожали и даже применяли против него физическое насилие[1074]. Бывший узник концлагерей Поль Рассинье, основоположник ревизионизма холокоста, о котором мы говорили в начале нашей книги, намеревался свидетельствовать на Освенцимском процессе во Франкфурте в пользу обвиняемых и сообщить суду об общих условиях, царивших в немецких лагерях во время войны. Однако немецкие власти отказались предоставить ему въездную визу, и ему так и не удалось выступить во Франкфурте.

К тем свидетелям защиты, которые во время описываемых событий не находились в концлагерях или гетто, судьи, как правило, относились с недоверием. Если они не могли припомнить жестокости, о которых говорили свидетели обвинения, или же и вовсе их отрицали (именно это, как правило, и происходило), то их объявляли ненадёжными свидетелями и называли отвратительными и отталкивающими. Поэтому им либо вовсе не разрешали давать клятву, либо обвиняли в лжесвидетельстве[1075]. Лихтенштайн рассказывает о случае, когда таких свидетелей всем скопом обвинили во лжи и лжесвидетельстве, пригрозив им арестом; впоследствии некоторые из них действительно были арестованы[1076]. Он приводит ответ судьи одному свидетелю, который открыто заявил, что он говорит правду и ничего, кроме правды: «Вы будете наказаны за эту правду — я вам это обещаю»[1077].

На Освенцимском процессе свидетель Бернхард Вальтер, чьи показания отличались от тех, которые хотело услышать обвинение, а также судьи, был арестован и продержан под арестом до тех пор, пока он не изменил свои показания[1078]. Все эти действия судей, разумеется, не могли не запугать свидетелей.

Или взять, к примеру, свидетелей защиты со «стороны преступников» (то есть лиц, принимавших то или иное участие в политических или военных операциях Третьего Рейха), немцев по национальности, которые хотели давать показания на иерусалимском процессе Адольфа Эйхмана в пользу обвиняемого. По прибытии в Израиль им угрожали немедленным арестом, так что они держались подальше от судебных заседаний[1079]. Причина этого состояла в том, что в Израиле любого бывшего члена СС или любой другой аналогичной организации могут запросто арестовать и провести над ним показательный суд.

Дилемма, стоявшая над немецкими свидетелями, находившимися во время войны «за заборами лагерей или гетто», была хорошо показана бывшим председателем немецкого Центрального совета евреев Хайнцем Галинским, который потребовал, чтобы всех бывших охранников концлагерей подвергли уголовному преследованию в ускоренном порядке за то, что они были членами террористической организации[1080]. «Охотник за нацистами» Адальберт Рюкерль назвал это требование справедливым, но, к сожалению (!), неосуществимым. Впрочем, он и многие другие сделали вывод, что любой чиновник Третьего Рейха, имевший хоть малейшее отношение к «холокосту», одной ногой уже находился за решёткой, поскольку свидетели, движимые ненавистью, нередко видели в таких людях преступников уже из-за одной только занимаемой ими в то время должности. Лангбайн посвятил целую главу точке зрения, изложенной многими бывшими узниками, согласно которой все эсэсовцы были воплощением зла[1081]. Кроме того, он заявил, что любой «переживший холокост» является вечным обвинителем всех немцев[1082]. В свете всего этого не удивительно, что лишь немногие свидетели защиты, состоявшие в своё время в СС, СД, Вермахте и полиции

Третьего Рейха, имели смелость давать объективные, непредвзятые показания, поскольку любой свидетель обвинения мог запросто затянуть петлю на их шее, учитывая редкий дар таких свидетелей к выдумыванию всевозможных обвинений.

Если же свидетели защиты слишком увлекались и имели смелость утверждать, что о газовых камерах им ничего не известно, или же и вовсе отрицали их существование, то их, в лучшем случае, объявляли ненадёжными свидетелями. А судьи могли их запросто оскорбить. Но зато послушайте, как сильно менялся тон судей в тех редких случаях, когда бывшие эсэсовцы делали «признания»: «Ценный свидетель, один из немногих, который подтверждает то, что всем и так уже известно»[1083].

С: Но если это всем и так уже давно известно, зачем тогда вообще были нужны свидетельские показания?

Р: В этом-то и вся суть: вина обвиняемых уже заранее считалась доказанной. Единственной целью всех этих процессов было распределить вину и определить соответствующее наказание.

Учитывая вышесказанное, положение подсудимых было практически безнадёжным. Они были мишенью лютой злобы и ненависти со стороны свидетелей обвинения и средств массовой информации. Может показаться настоящим чудом, что в свете вышеописанных условий подавляющее большинство обвиняемых отрицало какое-либо участие в утверждаемых преступлениях и пыталось обвинить кого-нибудь другого — например, умерших или исчезнувших сотоварищей. С другой стороны, они, как правило, не отрицали преступления как таковые; учитывая, что эти вещи считались «общепризнанными фактами», любая такая попытка лишь бы уменьшила их надёжность в глазах судей. Заявления, которые обвиняемые делали в своё оправдание, истолковывались судом и обвинением как попытки уйти от ответственности; подобные ситуации встречались довольно-таки часто, поскольку многие обвиняемые прибегали к всевозможным уловкам и ухищрениям, чтобы отмежеваться от места и времени совершения предполагаемого преступления, и удавалось им это далеко не всегда. Тем не менее, подобную тактику (нередко обречённую на провал) можно легко понять, так как у подсудимых не было никакой возможности отрицать само преступление.

Некоторые подсудимые упорно отрицали свою вину до тех пор, пока с ними не случался сердечный приступ, нервный срыв или истерический припадок. Обвиняемых часто охватывало возмущение от бесстыжей лжи, которую рассказывали свидетели. Даже после того как их осуждали и приговаривали к длительным срокам заключения, а некоторых — и к пожизненному заключению, большинство из них всё равно продолжало упорно отрицать свою вину, что совершенно необычно для преступников данной категории. Угрызения совести, раскаяние, осознание своей вины — всё это явно было им чуждо, в отличие от «нормальных» преступников. Даже в тех немногих случаях, когда вина всё же признавалась, имело место странное раздвоение восприятия: преступники раскаивались не от чистого сердца и не были готовы смиренно искупить свою вину; вместо этого они продолжали возлагать вину на других людей, придумывать различные оправдания для рассматриваемых поступков и жаловаться на совершённую по отношению к ним несправедливость. Для того чтобы хоть как-то объяснить вопиющее противоречие между жёсткостью будто бы совершённых преступлений и внешней безобидностью обвиняемых, был придуман термин «банальность зла».

С: А были ли какие-нибудь сообщения о посттравматическом стрессовом расстройстве, имевшем место среди тех, кто будто бы участвовал в холокосте?

Р: Нет, ничего такого я не встречал. А почему вы спрашиваете?

С: Ну, учитывая все те невообразимые жестокости, которые эти люди должны были совершить (либо добровольно, либо по принуждению), существует, в целом, два варианта того, как большинство преступников должно было себя вести:

а) если на эти преступления им было попросту наплевать или они даже получали от них удовольствие, то после войны они должны были остаться такими же бесчувственными и жестокими;

б) если совершать эти преступления их заставляли против их воли или же они при этом руководствовались ложными нравственными понятиями, то впоследствии большинство из них должно было страдать от так называемого посттравматического стрессового расстрой-

ства; подобный феномен весьма распространён среди солдат, принимавших участие в необычайных жестокостях, — например, среди американских солдат, воевавших во Вьетнаме[1084].

Р: Хм, в холокостной литературе говорится, что после войны все причастные к холокосту вернулись к совершенно нормальной мирной жизни, как будто бы ни в чём особо жестоком они не участвовали.

С: Это просто невозможно. Учитывая, что свидетелями тех злодеяний, о которых рассказывали свидетели, были тысячи эсэсовцев, сотни из них должны были в итоге очутиться в психиатрической лечебнице, а те, кто был бесчувствен к происходящему или был настолько извращён, что эти злодеяния даже доставляли ему удовольствие (о чём также рассказывали многие свидетели), после войны должны были вести себя примерно так же. Чудовища не могли превратиться в ангелов только потому, что закончилась война. Нет, они должны были остаться такими же чудовищами и впоследствии вполне могли совершить и другие злодеяния — например, насильственные преступления против членов семьи или против тех же евреев, которых они продолжали считать врагами.

Р: Я весьма сожалею, но ничего такого не было. Все бывшие эсэсовцы вели себя после войны как вполне нормальные люди.

С: Этому феномену может быть только одно объяснение.

Р: И какое же?

С: То, что эти подсудимые были невиновны.

Р: Хм, за такие слова в Германии и многих других странах Европы вас посадят в тюрьму.

С: Это ещё раз доказывает, что данное утверждение верно.

Р: Интересно, что такая мысль пришла в голову даже немецкому прокурору Хельге Грабицу, но он тут же её отклонил, как искусительную и циничную идею, возникшую вопреки всем доказательствам, приводимым многочисленными свидетелями[1085].

С: Какое-то странное понятие цинизма у этого Грабица...

Р: Ну, в том, что касается этой темы, многие вещи перевернуты вверх ногами. Венцом всего этого фанатичного террора стало то, что немецкие власти запретили всем тем, кто был осуждён за «нацистские преступления», вести активную политическую деятельность после своего освобождения; в этих целях они наблюдали за этими людьми весь остаток их жизни. Это является противоправным и беспрецедентным поступком, который мог быть совершён только в полицейском государстве, каким, безусловно, является Германия. Немецкие власти хотели быть уверены в том, что эти люди не станут заниматься историческим ревизионизмом.

С: Но разве это не в порядке вещей, когда осуждённым убийцам запрещается выставять свою кандидатуру на выборах?

Р: Я говорю не о выборах, а о политической деятельности вообще. Тем бывшим осуждённым не разрешалось делать ничего такого, что немецкие власти могли счесть политическим, — например, собираться в частном кругу для обсуждения политических и исторических вопросов. Вот лишь один пример того эффекта, который оказывал данный запрет. Курт Франц был приговорён к пожизненному заключению за то, что он якобы участвовал в массовых убийствах, будто бы имевших место в Треблинке. В середине девяностых он был условно-досрочно освобождён под честное слово. Поскольку он сидел в тюрьме моего родного города и в момент освобождения моя сестра работала юристом в том же самом учреждении, в котором он содержался, я попробовал связаться с ним, чтобы задать ему пару вопросов. Однако у меня из этого ничего не вышло, так как он боялся, что немецкие власти тут же накажут его за контакт с исследователем-ревизионистом.

С: А в средневековье имел место подобный надзор?

Р: Ну, процессы над ведьмами, как правило, оканчивались смертной казнью. Живьём из заточения мало кто выходил. Но те, кому всё же удавалось сохранить свою жизнь, скорее всего, тоже были предметом подозрений и тесного наблюдения всю оставшуюся жизнь.

4.4. Показания в литературе и СМИ

Р: Один из самых крупных скандалов в литературе о холокосте произошёл в 1998 году, когда Бруно Дёссеккер, он же — Бинжамин Вилкомирский, написал «отчёт очевидца» о жутком детстве, проведённом им в Освенциме и Майданеке. Свои мемуары он назвал «Фрагменты»[1086]. В конце концов, однако, выяснилось, что это был рассказ, вымышленный от начала до конца[1087]. Во время войны Дёссеккер никогда не покидал швейцарской территории. Скандал кроется не столько в том, что кто-то взял и солгал о холокосте (как-никак, в этом нет ничего нового!), и не в том, что всё холокостное сообщество было обведено вокруг пальца, и на Дёссеккера посыпались всевозможные награды и почести за его вымышленные «мемуары», а в том, что холокостовцы годами отказывались признавать это мошенничество. После того как еврейский журналист Даниэль Ганцфрид опубликовал сделанные им открытия о Дёссеккере[1088], к нему стали поступать жалобы, в которых говорилось, что этот обман не нужно делать публичным, поскольку это только подольёт огонь в костёр ревизионистов. Вот что, к примеру, заявил еврей Говард Вайсс: «Изображение вымышленного рассказа о холокосте в качестве подлинного только льёт воду на мельницу тех, кто отрицает ужасы нацизма и существование лагерей смерти. Если один рассказ не соответствует истине, говорят отрицатели, то как же мы можем быть уверены, что другие рассказы переживших являются правдивыми. [...] Наверно, никто не был готов поставить под сомнение этот рассказ [Вилкомирского] потому, что практически всё, связанное с холокостом, является непокосновенным»[1089].

С: Ну и кто здесь прав? Кто больше помогает ревизионизму: те, кто пытается скрыть ложь, или те, кто обличает её?

Р: И те, и другие правы, поскольку ревизионизм выигрывает в обоих случаях.

С: Вообще-то заботиться нужно только о правде, а не о том, что полезно или не полезно ревизионизму.

Р: Нужно, не спору. Вот только некоторые руководители холокостного бизнеса смотрят на это совсем по-другому. Например, Дебора Липштадт заявила, что, если книга Вилкомирского — выдумка, то это несколько усложняет положение дел, но книга эта всё равно остаётся убедительной как роман[1090]. Ещё одна еврейка, Юдит Шулевиц, в одной влиятельной канадской газете заявила, что ей всё равно, соответствует ли действительности книга «Фрагменты» или нет: «Я бы страстно желала, чтобы Вилкомирский-Дёссеккер [!] был более успешен в своём обмане и создал бы великолепную подделку, которую мировая литература заслуживает»[1091].

С: Да уж, нечего добавить...

Р: Дебора Дворк, директор Центра исследований холокоста в университете Кларка, (город Ворчестер, штат Массачусетс, США), признала, что это — фальшивка, но выразила Дёссеккеру свою симпатию. По её мнению, Дёссеккер был «крайне запуганным человеком», которого эксплуатировал его издатель[1092].

Израэль Гутман, директор иерусалимского музея Яд Вашем (эдакой Мекки холокостных исследований), сказал, что это не так важно, что Дёссеккер солгал: «Вилкомирский изложил историю, которую он глубоко пережил. [...] Он — не обманщик. Он — тот, кто переживает эту историю в глубине своей души. Его боль настоящая»[1093].

Это вовсе не исключение, как показала Лия Балинт, ещё одна служащая Яд Вашема, которая защищала Дёссеккера даже после того, как его обличили как обманщика[1094].

Кроме того, защитники Дёссеккера утверждали, что даже если его рассказ и ненастоящий, он всё равно производит впечатление подлинного и очень сильно похожа на рассказы переживших холокост.

С: Так вот почему холокостовцы настаивали на том, что книга Дёссеккера сохраняет свою значимость — потому, что она похожа на другие аналогичные рассказы!

Р: Да, но и этот аргумент оказывается шатким, если предположить, что все рассказы, похожие на рассказ Вилкомирского, являются вымышленными. Утверждение Г. Вайсса о том, что это единственный выдуманный рассказ, не соответствует истине. Этот случай далеко не уникален. В обстоятельной критике неискренности своих еврейских собратьев Стивен Дже-

кобс напомнил им о том, что аналогичный случай мошенничества уже был изобличен в Австралии в начале 1997 года, когда выяснилось, что «переживший холокост» Дональд Ватт навывдумывал всякие сказки о своём вымышленном пребывании в Освенциме[1095].

Ещё одно мошенничество было изобличено летом 1998 года, когда раввин Хуан-Мануэль Родригес подал в суд на румынского еврея Саломона Исаковича, эмигрировавшего в Эквадор. Этот Исакович выдавал за собственную автобиографию роман, написанный Родригесом, в котором Родригес использовал истории, рассказанные ему Исаковичем[1096].

Но это ещё не всё. В конце октября 2004 года был изобличён лживый роман австралийца Бернарда Бругхэма (он же — Бернард Хольштайн), когда издательство «University of Western Australia Press» изъяло экземпляры этой книги из книжных магазинов после того, как им был нанят частный детектив для установления личности автора[1097]. Бругхэм утверждал, что в Освенциме его, девятилетнего еврейчика, подвергали медицинским опытам, что он якобы входил в лагерное сопротивление, что он будто бы пытался совершить побег, но был пойман и подвергнут пыткам. Члены его приёмной семьи поведали издателю, что Бругхэм родился вовсе не в Германии и что он не был евреем. Частный детектив установил, что Бругхэм родился в Австралии и в 1942 году был крещён в римско-католической церкви[1098]. Реакция на эти открытия была весьма типичной: «Издатель Юди Шоррок [...] была шокирована данными открытиями и опасалась, что этот случай может спровоцировать отрицание холокоста. «Я провела целых три года, работая над этой книгой. Я опустошена... то, что это могло нанести ущерб достоверности холокоста — мне от этого становится плохо», — поведала она»[1099].

И наконец, мы имеем случай с Энриком Марко, бывшим председателем испанской ассоциации бывших узников Маутхаузена «Amical de Mauthausen». Начиная с 70-х годов Марко утверждал, что во время войны он находился в заключении в немецких концлагерях Маутхаузен и Флоссенбюрг. 27 января 2006 года, по случаю шестидесятой годовщины освобождения Освенцима, он выступил с речью в испанском парламенте: «Когда мы прибывали в концлагеря, [...] они раздевали нас, их собаки кусали нас, их прожектора слепили нас. Они ставили по одну сторону мужчин, а по другую — женщин и детей; женщины образовывали круг и защищали своих детей собственными телами».

Но всё это были выдумки, как установил испанский традиционный историк Бенито Бермехо в начале 2005 года. На самом деле Марко во время войны добровольно отправился в Германию работать на судостроительной верфи; в Испанию он вернулся в 1943-м. Он никогда не видел немецкого лагеря изнутри[1100].

Норман Финкельштейн привёл хороший пример слепой веры холокостным лжецам, показав, как Эли Визель продолжать упорно верить холокостному мошеннику Ежи Косинскому[1101], притом что польская журналистка Йоханна Седлецкая уже давно изобличила книгу Косинского за 1965 год «Нарисованная птица»[1102] как вымысел[1103]. Упрёк Альфреда Казина в американской газете «Чикаго трибьюн» более чем уместен, когда он говорит, что Эли Визель, Примо Леви и Ежи Косинский «пытались нажить состояние на холокосте, выдумав всякие злодеяния»[1104].

С: А что, Эли Визель и Примо Леви тоже были изобличены как выдумщики?

Р: Ну, их обвиняли в том, что они нечестны. Эли Визель (наверно, самый знаменитый бывший узник Освенцима) подвергался неоднократным и яростным атакам со стороны своих же собственных союзников по холокосту, среди которых — Норман Финкельштейн[1105] или Пьер Видаль-Наке, ярый противник учёного-ревизиониста Робера Фориссона. Вот что заявил Видаль-Наке: «Например, у них есть раввин Кахан, этот еврейский экстремист, который менее опасен, чем человек вроде Эли Визеля, рассказывающего *всякую всячину*... Достаточно прочесть лишь несколько отрывков из «Ночи», чтобы понять, что некоторые его истории ненастоящие и что он, в конце концов, оказался холокостным торговцем. Кроме того, он наносит вред исторической правде, причём в гигантских размерах»[1106].

Впоследствии мы ещё вернёмся к Визелю и поговорим о некоторых аспектах его биографии «La Nuit» («Ночь»), а сейчас отметим всего лишь один примечательный момент. Во французской версии «Ночи» он ни разу не упоминает о газовых камерах Освенцима. Согласно Визелю, евреев в Освенциме сжигали живьём в гигантских ямах (об этом мы поговорим

чуть позже). В немецкой версии этот «недостаток» был устранён довольно-таки незамысловато: словосочетание «кремационная печь» было заменено на «газовая камера» («Gaskammer»). Это делалось настолько механически, что в газовую камеру в итоге превратился даже крематорий концлагеря Бухенвальд, хотя до этого ещё никто не утверждал, что в Бухенвальде существовала газовая камера[1108].

Французский оригинал	Немецкий перевод
A. In Auschwitz стр. 57: au crématoire стр. 57: au crématoire стр. 58: les fours crématoires стр. 61: aux crématoires стр. 62: le four crématoire стр. 67: Au crématoire стр. 67: le crématoire стр. 84: exterminés стр. 101: les fours crématoires стр. 108: six crématoires стр. 109: au crématoire стр. 112: le crématoire стр. 129: au crématoire B. In Buchenwald стр. 163: du four crématoire стр. 174: au crématoire	A. In Auschwitz стр. 53: ins Vernichtungslager стр. 53: in die Gaskammer стр. 54: die Gaskammern стр. 57: in den Gaskammern стр. 57: in die Gaskammer стр. 62: in die Gaskammer стр. 62: Gaskammer стр. 76: vergast стр. 90: in den Gaskammern стр. 95: sechs Gaskammern стр. 95: in den Gaskammern стр. 98: die Gaskammer стр. 113: in die Gaskammer B. In Buchenwald стр. 140: der Gaskammer стр. 150: in die Gaskammer
Таблица 25. Искажённый немецкий перевод (1962 г.) знаменитой книги Эли Визеля «Ночь» с французского оригинала (1958 г.): в пятнадцати случаях в немецкой версии появляется слово «Gas», когда во французском оригинале такого слова нет[1107].	

С: Но вы не можете винить за этот искажённый перевод Визеля!

Р: Это зависит от того, было ли это сделано с его одобрения. Как-никак, в литературе подобное случается довольно-таки часто. Нужно постоянно быть начеку.

Ещё один литературный обман был изобличён в конце 1991 года в одном французском журнале бывших заключённых. Оказалось, что рассказ Анри Били, бывшего истопника в освенцимском крематории, был грубым плагиатом книги Миклоша Ньисли, поскольку Били «безо всяких ссылок взял целые абзацы из книги Миклоша Ньисли «Освенцимский врач», особенно из 7-й и 28-й глав [...]. К сожалению, ошибки, сделанные Ньисли, также были скопированы — например, подробное описание деятельности зондеркоманды из Освенцима-Биркенау, в которую якобы входил Анри Били. [...] Данный анализ показывает, что рассказ Били никоим образом нельзя считать оригинальным и личным отчётом очевидца»[1109].

С: А чем занимались эти зондеркоманды?

Р: Согласно официальной холокостной версии, в зондеркоманды входили заключённые, которые будто бы вытаскивали трупы из газовых камер, стригли им волосы, вырывали у них золотые зубы и засовывали их в печи или складывали на костры[1110]. Однако оригинальные документы освенцимского лагеря говорят о том, что термин «Sonderkommando» («спецотряд») никогда не использовался по отношению к узникам, работавшим в крематориях, а только по отношению к многочисленным отрядам узников, которые были заняты на всевозможных работах, не имевших ничего общего с убийством[1111].

С: То есть это всего лишь ещё один пример выдуманного «кодового языка»?

Р: Именно так. И если даже упёртые приверженцы холокоста признают, что ложь и обман на холокостной грядке расцвели буйным цветом, то что же тогда произойдёт, если на всё это

будет брошен критичный, непредубеждённый взгляд?

Что ж, давайте пристально рассмотрим всех этих «звёздных» свидетелей из средств массовой информации, таких как Эли Визель [правильно было бы сказать «Вризель» — *прим. пер.*], Примо Леви, Миклош Нысли и Филип Мюллер.

Книга Миклоша Нысли «Освенцимский врач»[1112], которую даже холокостовцы считают оставляющей желать много лучшего (см. выше), столь сильно противоречила показаниям, данным им же на допросе в Нюрнберге, что обвинение в итоге решило не вызывать его в суд в качестве свидетеля. Нысли не мог подтвердить ничего из того, что он столь громогласно провозгласил в своей писанине. Впоследствии невероятная лживость его работы была подробно изобличена многими авторами[1113].

Книга Филипа Мюллера «Роман»[1114], в которой тот подробно описывает свою деятельность в качестве члена зондеркоманды из Биркенау[179], после пристального изучения также оказалась плагиатом[1115]. Книга Имре Кертеса «Roman eines Schicksallosen»[1116] также была скопирована с работ Визеля и, как это ни невероятно, с «мемуаров» самого Вилкомирского![1117]

С: Это, случайно, не Кертес в 2002 году получил Нобелевскую премию за эту работу?

Р: Он самый. Похоже, что в этой области ложь и слава — родные сёстры.

Но давайте перейдём к Примо Леви, самому известному бывшему узнику Освенцима после Визеля. В своей книге он пишет, что о том, что в Освенциме проводились газации, он узнал только после войны[1118], поэтому в своих произведениях он упоминает о них лишь вскользь. Однако после 1976 года газовые камеры появляются в приложении так часто и в таком стиле, что создаётся впечатление, будто Леви знает о них по личному опыту. Появляется подозрение, что из-за возросшей популярности индустрии холокоста работа Леви в 70-х годах была «дополнена» для удовлетворения всё растущего спроса на страшные истории о газовых камерах[1119]. Чего стоит это приложение о людских газовых камерах из книги Леви, становится ясно из статьи левой французской газеты «Либерасьон», вышедшей вскоре после самоубийства Леви, которое произошло 11 апреля 1987 года. В статье говорится, что, когда в конце 1943 года Леви был арестован за партизанскую деятельность, **его не расстреляли** потому, что **он был евреем**: «Когда он [Леви] был партизаном, фашисты захватили его в плен — у него при себе всё ещё был пистолет, — и он назвался евреем, чтобы его не расстреляли на месте. Его передали немцам как еврея. Немцы отправили его в Освенцим [...]»[1120].

С: Отсюда выходит, что партизан расстреливали на месте.

Р: Не обязательно, хотя казнь партизан, то есть членов незаконной воюющей стороны, была и остаётся общепринятым правом военного времени[817]. Но Леви явно надеялся, что с ним будут обращаться по-особому, благосклонно, если он расскажет, что он — еврей, и здесь он был совершенно прав, поскольку ему в конце концов удалось пережить войну.

С: Раз уж мы заговорили о литературных подделках, то, может быть, стоит упомянуть о дневнике Анны Франк[1221]?

Р: Я бы не хотел обсуждать здесь этот вопрос.

С: Но ведь было доказано, что это фальшивка.

Р: Всё не так просто. Немецкое Федеральное управление уголовной полиции (ВКА) в одном из своих отчётов заявило, что в оригинальном манускрипте было сделано несколько изменений шариковой ручкой. А поскольку шариковые ручки были изобретены уже после Второй мировой войны, понятно, что дополнения эти были сделаны не Анной Франк, поскольку незадолго до конца войны она умерла от тифа в лагере Берген-Бельзен[1122]. Согласно Роберу Фориссону, не кто иной, как отец Анны, Отто Франк, издал её дневник после войны и создал его в нынешнем виде[1123]. Кроме того, Анна Франк сама написала, что намеревается издать свои записки в виде романа. Следовательно, даже те отрывки, которые написала она сама, следует понимать как роман (разумеется, основывающийся на её личном опыте), но не как достоверный дневник.

С: И где же здесь литературный обман?

Р: Выдавать за истину обычный роман не совсем честно. Я не хочу затрагивать этот вопрос потому, что основа истории Анны Франк (пусть даже это роман, изданный её отцом) не

содержит в себе ничего особо лживого. Анна рассказывает, как во время войны они с семьёй и другими евреями прятались в Амстердаме, чтобы их не депортировали немецкие оккупационные войска. В конце концов их обнаружили и отправили в Освенцим. Я не вижу в этом ничего лживого, так как очень много евреев имело схожую судьбу. Тот факт, что пятнадцатилетняя Анна Франк не погибла в газовой камере Освенцима, а была зарегистрирована в этом лагере в обычном порядке, что в конце войны она была переведена в Берген-Бельзен, где умерла от тифа, как и тысячи других евреев, не противоречит ревизионистскому тезису. Напротив, история Анны Франк только подтверждает его.

С: Ну, я бы не стал столь благодушно относиться к этой истории.

Это ваше право. В любом случае, настаивать на том, что «Дневник Анны Франк» — это не совсем дневник, и утверждать, что это «подделка», не совсем корректно. Может сложиться такое впечатление, что ревизионисты отрицают трагическую судьбу этой девочки. Именно поэтому я не хотел затрагивать здесь эту тему. Что, однако, показывает вся шумиха вокруг дневников Анны Франк, так это размах индустрии холокоста, ибо на судьбе одного-единственного человека во Второй мировой войне холокостовцам удалось весьма неплохо нажиться.

С: Бизнес Шоа — лучший бизнес на свете...

Р: Но он уж точно не имеет ничего общего с наукой под названием история.

И наконец, давайте поговорим о самом влиятельном психологическом оружии — кино. Несмотря на то, что фильмов о лагерной жизни, снятых во время войны, не существует, я неоднократно встречал людей, полностью убеждённых в том, что документальная съёмка концлагерей всё-таки существует. Причина этого убеждения кроется в силе внушения фильмов, сделанных после войны, которые создают такое впечатление, будто все эти кадры — подлинные и были сняты во время войны.

Один из первых таких фильмов был сделан вскоре после войны союзниками и показывался немецкой публике под названием «Todesmühlen» («Мельницы смерти»). Данный фильм якобы показывает ужасы концлагерей и был снят в целях «перевоспитания» немецкого народа. Не все зрители принимали эти фильмы на веру, и результатом этого были протесты, которые порой даже прерывали показ фильмов. Растущие возражения некоторых зрителей были жестоко подавлены теми, кто чувствовал себя виновным за увиденное им на экране[1124]. Согласно тогдашним сообщениям, причиной недовольства было то, что к подлинному документальному материалу о немецких концлагерях были добавлены кадры с горами трупов из разбомбленных немецких городов, а также кадры с немцами, содержащимися (под автоматическим арестом) в лагерях союзников, — и всё это выдавалось за материал, отснятый в концлагерях[1125]. Традиционный историк Чамберлин рассказывает о том, как тяжело оккупационным войскам союзников было собирать подлинный документальный материал[1126], так что подобное «дополнение» действительно могло решить эту проблему.

С: Эти заявления о фальсификациях должны быть хорошо задокументированы.

Р: Должны, но, к сожалению, насколько мне известно, никто их так и не задокументировал.

С: Кстати, один мой друг узнал себя в одном таком фильме об «узниках концлагерей», вот только он был военнопленным и находился в плену у американцев.

Р: Я склонен вам верить, однако исторические исследования мало что общего имеют с показаниями, основанными на слухах.

С: Вы что, хотите сказать, что я лгу?

Р: Вовсе нет. Однако все свидетельские показания я должен оценивать по одним и тем же критическим стандартам. Я не могу отвергнуть необоснованные утверждения как сплетни, если они противоречат моей теории, и слепо их принять, если они её подтверждают.

С: Это просто неслыханно — называть моего друга сплетником!

Р: Пожалуйста, успокойтесь. Нам нужно хотя бы письменное показание свидетеля, в котором тот излагает, в каком фильме и в какой сцене он себя узнал, и где действительно были сняты эти события. А вот ветеранские байки, к сожалению, не имеют никакой ценности.

С: Ну уж нет, с меня довольно! Я не собираюсь слушать все эти оскорбления!

Р: Покорно прошу простить меня за бестактность... надеюсь, теперь вы понимаете, поче-

му «пережившие холокост» так сильно злятся, когда мы не принимаем на веру то, что они нам говорят. Я с превеликой радостью принял бы заявления по этому поводу, которые можно доказать, но таких заявлений я пока что ещё не получил.

Но вернёмся к фильмам. О документальном фильме Ланцмана под названием «Шоа» мы уже говорили (см. главу 4.2.4). Наиболее важный аспект всех этих интервью с бывшими узниками лагерей состоит в том, что они проводятся крайне некритично. Не задаётся никаких критичных вопросов и не требуется никаких пояснений. В какой-то мере все эти интервью ещё более бесполезны, чем свидетельские показания перед судом, когда свидетелей никто не подвергает перекрёстному допросу.

Я уже говорил, что в середине девяностых был запущен ряд проектов с целью сбора как можно большего числа свидетельских показаний «переживших холокост» и что интервью, проводящиеся в рамках этих проектов, оставляют желать много лучшего: интервьюер без разбору записывает всё, что говорит свидетель, не ставя под сомнение достоверность его информации (см. главу 4.2.2).

С: То есть, все эти показания и заявления не имеют никакой ценности?

Р: Ну, не совсем. Представьте себе, что сегодня у нас имеются подробные показания тысяч свидетелей о колдовстве. Вы же не станете выбрасывать их на помойку! С одной стороны, эти показания помогли бы нам понять царившую тогда массовую истерию и так называемую «унификацию памяти». С другой стороны, из этих показаний мы бы смогли почерпнуть кое-какие сведения об общественно-политической обстановке того времени, а также добыть сокрытые там исторические факты. С новыми заявлениями «переживших холокост» — та же самая ситуация. Это настоящая сокровищница информации, которую можно будет обработать только путём тщательных критических исследований.

Совсем другую категорию фильмов, не похожих на «Шоа», представляют собой киноленты «Холокост» и «Список Шиндлера». Никто не говорит, что эти фильмы в точности отображают официальную историческую точку зрения. Однако историки встречают их с большим радушием, поскольку они важны для «общественного воспитания»[1127].

С: То есть для промывания мозгов...

Р: Ну, я бы сказал, что это мягкая, но неизменно эффективная форма «общественной инженерии».

С: Надо же! Оказывается, наши историки хотят, чтобы нам промывали мозги всеми этими лживыми фильмами. Великолепно!

Р: Давайте сначала докажем, что в этих фильмах действительно много лжи. Взглянем на «Список Шиндлера». На рис. 129 изображён кадр из этого фильма, в котором комендант лагеря Плазов по фамилии Гёт развлекается, стреляя в заключённых с балкона своего дома. Согласно аэрофотоснимкам, сделанным в то время, дом коменданта лагеря находился на склоне холма, в то время как сам лагерь находился на холме (рис. 131)[1128]. Показанная же в фильме сцена требует совсем иного расположения лагеря и дома коменданта (рис. 130) для того, чтобы эпизод с расстрелом стал возможным. Таким образом, данная сцена — полный вымысел.

Рис. 129. Кадр из «Списка Шиндлера».

Фильм «Список Шиндлера» был снят по роману, который якобы основывается на исторических событиях, что, однако, не соответствует действительности[1129]. Традиционные историки и те признают, что как сюжет книги, так и сюжет фильма был грубо искажён[1130]. А режиссёр фильма открыто признал, что он намеренно снял этот фильм в чёрно-белом варианте и создал неустойчивые эффекты камеры, чтобы у зрителей сложилось впечатление, будто это документальные кадры того времени[1131].

Во всём мире учителя обязаны показывать школьникам этот фильм. В Австралии «Список Шиндлера» был показан по коммерческому телеканалу без единой рекламной паузы — впервые за всю историю телевидения.

Что особенно гнусно в этом фильме, так это то, что всякий раз, когда немецкие солдаты или эсэсовцы отдают приказы, выкрикивают команды, кричат или ведут себя грубо, они говорят исключительно по-немецки. Это весьма типично для всех этих фильмов про войну. Данный метод подсознательно внушает зрителям, будто немецкий — это язык чудовищ, иными словами — сатанинский язык. В немецкоязычной версии это незаметно, поскольку весь фильм продублирован на немецком. Скрытыми психологическими уловками подобного рода людей во всём мире настраивают против немцев, против немецкого языка и немецкой культуры, причём немцы об этом даже не догадываются.

Концентрационный лагерь Плажов	
Рис. 130. Лагерь в фильме, построенный согласно рассказам «очевидцев». Его окружает крутой холм, так что снаружи он не виден. Комендант Гёт стрелял в узников с балкона собственного дома. Дом его располагался на вершине холма над бараками узников.	Рис. 131. Лагерь согласно аэрофотоснимкам. Располагался он на вершине холма, и жители прилегающих сёл могли видеть его сквозь проволочную ограду. Учитывая, что дом Гёта находился на склоне того холма, он не мог видеть оттуда лагерь и, таким образом, не мог стрелять в каких-либо узников со своего балкона.
 Холм, окружающий лагерь и не позволяющий заглядывать в него снаружи. Балкон на фасаде дома лагерного коменданта Гёта, с которого он, согласно фильму, стрелял в работающих и отдыхающих узников. Проволочная ограда Бараки узников	 Балкон на задней стороне дома Гёта, с которого он не мог ни видеть лагерь, ни стрелять в узников. Ограда из проволочной сетки, отделяющая охранников от заключённых. Бараки узников Собачьи конуры

С: И люди ещё удивляются, почему никто больше не хочет учить немецкий!

Р: Да, это одна из причин. Кроме того, Спилберг «забывает» сообщить своей аудитории, что бывший комендант лагеря Плажов (Аммон Гёт), а также бывшие коменданты лагеря Бухенвальд (Эрих Кох), лагеря Майданек (Герман Флорштедт), Варшавского лагеря и лагеря Херцогенбош предстали перед внутренним эсэсовским судом за совершённые ими преступления[1026]. За неимением времени я не стану упоминать другие исторически искажённые сцены в пропагандистском фильме ужасов Спилберга.

Подводя итоги, можно сказать, что многие свидетельские показания на различных судебных делах являются весьма ненадёжными, но то отношение, которое люди испытывают к суду (независимо от того, заслуживает ли он этого или нет), как правило, побуждает их не слишком далеко уходить от истины в своих показаниях. Однако этот сдерживающий фактор исчезает, когда свидетели выступают в средствах массовой информации или пишут мемуары. Для таких людей ложь, выдуманные истории и копирование чужих источников становятся обычной нормой поведения. Причины для такого поведения могут быть самыми разными. Тщеславие и желание самоутвердиться (иначе говоря, желание быть в центре внимания) являются движущей силой для выдумок и преувеличений. Это весьма распространённый социальный феномен, ставший недавно предметом научных исследований, цель которых — установить происхождение современных мифов и легенд. Согласно Ранке, устные истории имеют для человека наивысший приоритет: они вызывают страхи и душевные переживания; они служат формой общения с окружающей средой и помогают образовать социальное единство[1132].

Общественная значимость преувеличений и фантастических выдумок была изучена Рёри-

хом[1133]. Другой исследователь, Бредних, опубликовал народный сборник мифов и легенд со всех уголков земного шара, которые выдаются за подлинные истории, но в действительности являются не чем иным, как выдумками[1134]. Таким образом, ложь является неотъемлемой частью нашего мира. Кроме того, она даже выполняет общественную функцию. И если вы будете честны с самим собой, то вы легко сможете вспомнить, как часто в разговоре с другими людьми вы преувеличивали подлинные события, а иногда даже выдумывали их, иначе говоря — лгали.

Разумеется, нередко сильным мотивом, стоящим за газетными и литературными выдумками, являются материальные интересы, такие как жадность и стремление к наживе. В таких случаях общественная функция лжи становится антиобщественной.

С: Бизнес Шоа — лучший бизнес на свете.

Р: Стоит также учесть такие мотивы, как месть и ненависть, хотя в литературе и СМИ они играют меньшую роль, нежели в судебных процессах, целью которых было наказание предполагаемых преступников. То, что многие коммунисты и евреи (то есть главные жертвы национал-социализма) действительно были переполнены ненавистью и были вполне способны совершать жуткие злодеяния, было показано американским журналистом, евреем Джоном Сэком (ныне — покойным), в книге «Око за око», в которой рассказывается о том, как евреи мстили немцам в послевоенной Польше[1135].

Но самый главный фактор, позволяющий лжи течь рекой, — это полная уверенность в том, что свидетели, говорящие неправду, никогда не будут разоблачены или, по крайней мере, никогда не будут за это наказаны. Изобличение холокостных лжецов в СМИ и литературе происходит крайне редко и, как правило, в очень осторожной манере. Худшее, что может произойти с лживыми литературными свидетелями, — это то, что они канут в лету, прихватив с собой ту или иную сумму денег.

В правовых судах лживым холокостным свидетелям также всё сходит с рук, даже если они лгут, находясь под присягой. Большинство ходатайств о привлечении свидетелей к уголовной ответственности за дачу ложных показаний отклоняется судом на том основании, что эти люди и так уже пострадали в прошлом. Это, разумеется, не может не потворствовать лжи.

С: Исключением из этого правила является закоренелый лжец и обманщик Адольф Рёгнер (см. главу 4.2.4).

Р: Да, в первые послевоенные годы он зашёл слишком далеко в глазах тогда ещё скептически настроенных немецких властей. Но в конце концов и он добился, чего хотел.

4.5. Критика показаний, часть первая.

Неправдоподобные показания

Р: В этой главе мы поближе рассмотрим некоторые показания, относящиеся к холокосту, делая упор на неправдоподобных показаниях. В первой части собраны самые фантастические холокостные рассказы, которые помогут вам составить общее впечатление о характере этой темы. Во второй части мы рассмотрим показания ряда часто цитируемых свидетелей[1136].

4.5.1. Собрание выдумок

Р: Следующее собрание холокостных нелепостей постоянно пополняется в рамках нашего конкурса по поиску подобных нелепостей. Вы также можете принять участие в этом конкурсе и выиграть приз, если обнаружите в официальных документах, литературе или сообщениях СМИ новые нелепости. Результаты конкурса регулярно публикуются в журналах «Vierteljahreshefte für freie Geschichtsforschung» и «The Revisionist»[1137]. Одни из этих утверждений были со временем отвергнуты официальными историками, другие же продолжают распространяться до сих пор.

Все эти заявления состоят из весьма похожих нелепостей и извращений, которые вряд ли нуждаются в комментариях. Решайте сами, верить в это или нет.

Итак, взгляните на то, во что немцев силой заставляли верить после Второй мировой войны[1138]:

— Фонтаны крови, брызгающие из общих могил; свидетельство, данное видными свидетелями, такими как Эли Визель и Адольф Эйхман. Адальберт Рюкерль, бывший долгое время руководителем ЦОЗУЮ, также распространял эти нелепые слухи, как и судьи Освенцимского процесса во Франкфурте.

— Взрывающиеся общие могилы (вариант вышеприведённого пункта); выдуманно А. Эйхманом.

— Кислотные ванны или ванны с кипящей водой, применявшиеся в Освенциме для изготовления человеческих скелетов; заявление Филипа Мюллера.

— Уколы заключённым в глаза для изменения цвета глаз (Освенцим); заявление Германа Лангбайна.

— Изготовление сморщенных голов из трупов заключённых; обвинение, выдвинутое на Нюрнбергском процессе; утверждалось также Германом Лангбайном.

— Зачёрпывание кипящего человеческого жира из открытых кремационных рвов; утверждалось Р. Хёссом, Г. Таубером, Ф. Мюллером и распространялось Г. Лангбайном.

— Эсэсовец, добровольно вбежавший в газовую камеру в последний момент из чувства сострадания к одной еврейской матери и её ребёнку, чтобы умереть вместе с ними; история, выдуманная Эмми Бонхёффером.

— Изготовление мыла из человеческого жира и ритуальное сожжение такого мыла; заявление Симона Визенталя и судьи СС Конрада Моргена.

— Массовые убийства в гигантских подземных туннелях при помощи тока высокого напряжения; знаменитая история С. Шенде о Бельжеце, схожий рассказ С. Визенталя, заявление на Нюрнбергском процессе касательно Берген-Бельзена.

— Убийства в вакуумных камерах, убийства при помощи пара или газообразного хлора; множество свидетелей и «отчётов» о Треблинке.

— Чудо немецкой импровизации: полное уничтожение общих могил, содержащих сотни тысяч трупов, всего за несколько недель; источник: бесчисленные свидетели и «отчёты».

— Передвижные газовые камеры Треблинки, сбрасывавшие жертв прямо в кремационные ямы; сообщение польского сопротивления, принятое всерьёз традиционным холокостным историком Петером Лонгерихом.

— Ядовитый газ с замедленным действием, позволявший жертвам переходить из газовых камер в общие могилы; сообщение польского сопротивления, также принятое всерьёз традиционным холокостным историком П. Лонгерихом.

— Казнь электрическим током на конвейере; сообщение газеты «Правда» после освобождения Освенцима, 2 февраля 1945 г.

— Сжигание трупов в доменных печах; слух, распространяемый борцом сопротивления, немцем Г. фон Мольтке, а впоследствии — «Правдой»; принято всерьёз П. Лонгерихом.

— Велосипедные гонки, проводившиеся эсэсовцами в газовых камерах Биркенау; описано в газете «Нюрнбергер нахрихтен», которая ссылается на некоего свидетеля.

— Уничтожение трупов взрывчаткой; одно из признаний, сделанных Рудольфом Хёссом под пытками; принято всерьёз прокурорами А. Рюкерлем и Хельге Грабицом.

— Облака синего дыма после газаций синильной кислотой (синильная кислота бесцветна); утверждение эсэсовца Рихарда Бёка.

— Двенадцатилетний мальчик, произносящий героические речи перед другими детьми прямо перед газацией; рассказ Ф. Фридмана.

— Заливание бетона в глотки обречённых, чтобы те перестали петь патриотические и коммунистические песни; утверждение на Нюрнбергском процессе.

— Распевание польского национального гимна и Интернационала умирающими в газовых камерах; заявление Ф. Мюллера; цитируется также Г. Г. Адлером, Г. Лангбайном и Э. Лингенс-Райнером.

— Газовые камеры быстрой сборки для поимки и немедленной газации на месте сбежав-

ших евреев; сообщено Адольфом Эйхманом после тщательной «обработки» израильскими мучителями.

— Казнь путём питья синильной кислоты (синильная кислота испаряется столь быстро, что все присутствующие погибли бы); приговор окружного суда Ганновера; принято всерьёз Хайнером Лихтенштайном.

— Мышцы, вырезанные из ног казнённых узников, столь сильно бились в конвульсиях, что вёдра, в которых те лежали, принимались подпрыгивать; рассказ Ф. Мюллера, полная чушь с медицинской и физической точек зрения.

— Высвобождение газа Циклон-Б в Освенциме и других местах при помощи душевых головок или стальных баллонов; отчёты комиссий из Дахау и Освенцима, а также холокостного историка Вольфганга Бенца.

— Накачивание узников водой до тех пор, пока те не лопались[1139].

— Ребёнок, переживший шесть газаций в несуществующей газовой камере Берген-Бельзена; рассказ о пережитом Моше Пеера в одной канадской газете.

— Женщина, пережившая три газации благодаря тому, что нацисты выводили газ из помещения; свидетельские показания в той же канадской газете, а также утверждение британского политика Майкла Говарда[1140].

— Сказка о медведе и орле, содержащихся в клетке и съедавших в день по одному еврею; свидетельское показание о Бухенвальде.

— Производство колбасы из человеческой плоти, налаженное эсэсовцами в одном крематории; аббревиатура «RIW», означающая «Reine Juden-Wurst» («Чистая еврейская колбаса»); утверждение Дави Олера, автора фантастических рисунков об Освенциме.

— Абажуры, переплёты, перчатки, седла, бриджи (брюки для верховой езды), домашние тапочки, дамские сумочки, изготовленные из человеческой кожи; обвинение, выдвинутое на Нюрнбергском процессе и повторенное на процессе Ильзы Кох.

— Порнофильмы, проецируемые на экранах из человеческой кожи; обвинение на Нюрнбергском процессе.

— Высушенные человеческие большие пальцы рук, используемые Ильзой Кох в качестве выключателей; свидетельское показание, опубликованное в «Нью-Йорк таймс».

— Отец-эсэсовец, подбрасывавший грудных младенцев в воздух и стрелявший по ним как по тарелочкам, в то время как его девятилетняя дочка хлопала в ладоши и кричала: «Папа, папа, ещё!»; заявление на Нюрнбергском процессе.

— Члены Гитлерюгенда, использовавшие еврейских детей в качестве мишени для стрельбы; заявление на Нюрнбергском процессе.

— Вагоны, исчезающие у перрона, ведущего в подземный крематорий Освенцима; заявление Конрада Моргена; приводится Данутой Чех, польским историком Освенцима.

— Узники, которых заставляли вылизывать ступеньки и губами собирать мусор; обвинение на Нюрнбергском процессе.

— Женщины, искусственно оплодотворяемые и затем умерщвляемые газом (Освенцим); обвинение на Нюрнбергском процессе.

— Пытка заключённых специальным «пыточным набором инструментов», массово изготовляемым фирмой Крупп; обвинение на Нюрнбергском процессе.

— Стрельба по заключённым деревянными пулями, чтобы заставить тех говорить; приводится согласно Всемирному еврейскому конгрессу.

— Порка заключённых при помощи специальной машины для порки; обвинение на Нюрнбергском процессе.

— Убийство заключённых отравленным лимонадом; обвинение на Нюрнбергском процессе.

— Массовое убийство падением с высоты: жертв заставляли взбираться на деревья, после чего те спиливались; заявление Юджина Когана на Нюрнбергском процессе.

— Мальчики, которых убивали, заставляя есть песок; заявление Рудольфа Редера; принято всерьёз холокостным историком Мартином Гильбертом.

— Убийство газом советских военнопленных в каменоломнях; обвинение на Нюрнбергском процессе.

— Заложённые, которых сначала запарывали до смерти и на которых затем проводили вскрытие, чтобы установить причину смерти; обвинение на Нюрнбергском процессе.

— Дробление черепов при помощи специальной машины для дробления черепов с педальным управлением; обвинение на Нюрнбергском процессе.

— 840 тысяч советских военнопленных, убитых в лагере Заксенхаузен и сожжённых в четырёх передвижных крематориях; обвинение на Нюрнбергском процессе.

— Мгновенное уничтожение 20 тысяч евреев в Силезии при помощи атомных бомб; обвинение на Нюрнбергском процессе.

С: Прошу прощения, что вы сказали?

Р: Я сказал, что евреев якобы убивали атомными бомбами. Вот цитата из судебного протокола допроса рейхсминистра Альберта Шпеера, во время которого главный обвинитель от США Джексон заявил следующее: «Также проводились определённые эксперименты и определённые исследования по атомной энергии, разве нет? [...] Итак, у меня есть достоверная информация, переданная мне в руки, об эксперименте, проведённом недалеко от Освенцима [...]. Целью этого эксперимента было найти быстрый и совершенный способ уничтожения людей без задержек и хлопот с расстрелом, газацией и сожжением, как это делалось ранее [...]. Временно была возведена деревня, небольшая деревня, с временными сооружениями, и в ней было размещено приблизительно 20 тысяч евреев. При помощи этого, недавно изобретённого, орудия уничтожения [атомной бомбы] эти 20 тысяч человек были истреблены практически мгновенно, причём таким способом, который не оставил от них никаких следов»[1141]. Интересно, что слова эти сказал американский прокурор, чьё правительство несло ответственность за Хиросиму и Нагасаки.

С: Выходит, это не просто ложь, а правда, перевёрнутая вверх ногами?

Р: Ну, результаты недавних исследований говорят о том, что немцы действительно провели испытания ядерных бомб в марте 1945 года, то есть за несколько месяцев до американцев. Бомбы были взорваны в центре военной подготовки в Ордруфе, Тюрингия[1142]. На тот момент, когда я пишу эти строки, исследования ещё продолжаются, так что пока ещё неясно, были ли эти бомбы полноценными атомными бомбами или всего лишь «грязными» бомбами. Так или иначе, но во время первого взрыва погибло несколько сот людей, поскольку немецкая армия сильно недооценила взрывную силу бомбы. Среди жертв было также несколько эсэсовцев и узников из располагавшегося неподалёку концлагеря Ордруф.

Таким образом, заявление Джексона в Нюрнберге было грубым искажением и преувеличением случившегося на самом деле.

С: Стократным преувеличением — в том, что касается числа жертв.

Р: Да, скорее всего. Как-никак, правду на Нюрнбергском процессе нельзя было говорить, поскольку ядерные технологии составляли государственную тайну и поскольку это означало бы, что немецкие учёные в ужасных военных условиях достигли тех же успехов, что и американские учёные в мирной стране.

Ядерные технологии, конфискованные армией США на различных подземных заводах Германии, были переправлены после войны в США, а все документы о произошедшем в Ордруфе были строго засекречены сроком на 100 лет. Но похоже, что правда о тех событиях потихоньку, но пробивается наружу.

Большинство нелепых холокостных заявлений, сделанных на Нюрнбергском процессе, принадлежало советским представителям, которые за выдуманными немецкими преступлениями пытались скрыть свои собственные, подлинные, преступления. Как-никак, жестокие советские чистки бывших «фашистских пособников» из числа русских, украинцев и прибалтийцев, так же как и этническая чистка всех немцев из Восточной Европы, продолжались вплоть до конца 1946 года, поэтому было необходимо какое-то прикрытие. Исследователь-ревизионист Карлос Портер собрал коллекцию нелепостей, представленных в Нюрнберге, большая часть которых уже была отвергнута большинством официальных историков, как не соответствующая истине. Книга Портера под названием «Холокост: сделано в СССР» помогает составить представление об одной из главных движущих сил, стоявших за ранней холокостной пропагандой[1143].

4.5.2. Курт Герштейн

Р: А сейчас давайте поближе рассмотрим некоторые из важных или знаменитых свидетельских показаний. Начнём со свидетелей, служивших во время войны в СС. Несмотря на то, что после войны в руки союзников попало множество тысяч эсэсовцев, служивших в одном или нескольких концлагерях, союзникам почти ни у кого не удалось выбить показания — это невзирая на все применявшиеся к ним методы, речь о которых шла чуть ранее в этой же лекции[1144].

Первым, кого мы рассмотрим, будет Курт Герштейн. Во время войны Герштейн был санитарным экспертом в Ваффен СС. После войны он оказался во французском плену. Там он сделал ряд «признаний», в которых рассказал о своём визите в концлагерь Бельжец, где он будто бы стал свидетелем массовой газации. Поначалу признания Герштейна считались крайне значимыми для историографии. Так, традиционный исторический журнал «Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte» (учреждённый специально для перевоспитания немецкого народа) в своём первом номере кратко изложил этот отчёт[1145].

Однако показания Герштейна вызывают ряд серьёзных вопросов. К примеру, он сообщает, что в газовые камеры площадью 25 квадратных метров и объёмом 45 кубических метров заталкивалось 700-800 человек, что означает 27-32 человека на один квадратный метр или 15-18 человек на один кубический метр[1146].

Герштейн сообщает также, что одежда убитых образовывала гору высотой 35-40 метров и что в газовых камерах было истреблено не менее 20 миллионов человек. Ввиду этого многие скептически настроенные люди называли заявления Герштейна нелепыми преувеличениями и выдумками[1147].

Учитывая, что горный инженер Герштейн был коронным свидетелем теории о том, что в Бельжеце и Треблинке людей убивали при помощи дизельного выхлопа, официальные историки не хотели от него отказываться, пусть даже данное утверждение является полной нелепицей: любой горный инженер знает, что совершать массовое убийство при помощи выхлопных газов дизельного двигателя невозможно. Традиционные историки, однако, не могли вечно игнорировать яростную критику ревизионистов и в конце концов были вынуждены внести ряд поправок. Вот что, к примеру, написал британско-еврейский традиционный историк Майкл Трегенца: «В конце 1945 года было известно только семь евреев, которым удалось выжить в Бельжеце; год спустя один из них был убит в Люблине польскими антисемитами [прежде чем он смог дать показания ...]. Если судить по тому, что нам известно сегодня, эти два отчёта [Курта Герштейна и Рудольфа Редера] противоречивы и непоследовательны. [...] Основываясь на нынешнем состоянии наших исследований, мы должны охарактеризовать материал Герштейна о Бельжеце как сомнительный и даже относящийся к области фантастики в некоторых местах. Он приводит ошибочные размеры общих могил; называемое им число охранников слишком высоко; число жертв Бельжеца и Треблинки он определяет равным 20-25 миллионов; коменданта лагеря Вирта он описывает как «хилого и маленького человечка из Швабии» (на самом деле Вирт был высоким и широкоплечим) и т.д. [...] Как было установлено более поздними исследованиями и показаниями, все три отчёта очевидцев касательно лагеря Бельжец следует считать ненадёжными»[1148].

С: Значит, надёжных свидетельских показаний о Бельжеце не существует?

Р: Нет.

С: То есть, вообще нет никаких доказательств?

Р: Никаких. К тому же Герштейн умер, находясь в заключении у французов. Официально было объявлено, что он повесился у себя в камере.

С: Иначе говоря, он либо был доведён до самоубийства своими мучителями, либо был ими убит.

Р: Да, скорее всего, одно из двух. Что ж, больше о коронном свидетеле массовых убийств в Бельжеце мне добавить нечего.

4.5.3. Йоханн Поль Кремер

Р: Во время войны Йоханн Поль Кремер был профессором медицины в Мюнстерском университете. С 30 августа по 18 ноября 1942 года он проработал в Освенциме, где заменял лагерного доктора, находившегося на больничном. Там он вёл дневник. Некоторые из его дневниковых записей часто используются в качестве доказательства того, что в Освенциме проводились массовые убийства; это было подкреплено показаниями, которые Кремер дал на Освенцимских процессах в Кракове (1947 год)[1149] и во Франкфурте (1964 год)[1150]. Вот некоторые отрывки из дневника Кремера[1151]:

«В лагере карантин из-за инфекционных заболеваний (тиф, малярия, диарея)» (30 августа).

«После обеда — на газации [жилого] блока Циклоном-Б от вшей» (1 сентября).

«В 3 часа утра впервые присутствовал снаружи на особой акции. По сравнению с этим ад Данте кажется мне комедией. Не зря Освенцим называют лагерем уничтожения!» (2 сентября).

«Сегодня после обеда — на особой акции в F.K.L. [женском концлагере] («Доходяги»): самое ужасное из всего ужасного. Хшф.[1152] Тило, военврач, был прав, когда говорил мне сегодня, что мы в «*anus mundi*»[1153]. Вечером, к восьми часам — снова на особой акции из Голландии» (5 сентября).

«Вечером в 8 часов — снова на особой акции снаружи» (6 сентября).

«2-я предохранительная прививка от тифа; после неё вечером — сильная общая реакция (жар). Несмотря на это, ночью — вновь на особой акции из Голландии (1.600 человек). Ужасная сцена перед последним бункером! Это была 10-я особая акция (Хёсслер)» (12 октября).

«Этим воскресным утром присутствовал на 11-й особой акции (голландцы) при сырой, холодной погоде. Жуткие сцены с тремя женщинами, умолявшими сохранить им жизнь» (18 октября).

С: Вот оно: лагерь уничтожения!

Р: Не стоит так торопиться. Давайте рассмотрим всё внимательнее. Как мы знаем из различных источников (не только из дневника Кремера), в Освенциме свирепствовала страшная эпидемия тифа, а также эпидемия малярии и дизентерии. Ежедневно от этих болезней умирали сотни людей. Крайнее истощение (отсюда — выражение «доходяги»), так же как и неконтролируемая дефекация (отсюда — «*anus mundi*»), — это симптомы тифа и дизентерии, которых уже самих по себе было достаточно, чтобы дать Освенциму прозвище «задница мира».

Кроме того, учитывая, что от этой эпидемии умерли тысячи людей, становится понятно, почему Кремер называл Освенцим лагерем уничтожения. Впрочем, Кремер упомянул о газациях лишь однажды, когда речь зашла об окуливании жилых кварталов заключённых.

Записи за 5-е и 12-е сентября противоречат частым утверждениям о том, что термин «особые акции» («*Sonderaktionen*») относится к газациям людей. Данный термин Кремер использует в выражении «*bei einer Sonderaktion aus Holland*» («на особой акции из Голландии»), что чётко говорит о том, что данный термин относится к депортации голландских евреев. В противном случае он написал бы «*Sonderaktion an Juden aus Holland*» («особая акция на евреях из Голландии»).

То, что эти депортации приводили к жутким сценам, также не означает, что Кремер был свидетелем массовых казней. Некоторых из депортированных, не совершивших никакого преступления, могла охватить паника по прибытии, из-за разных слухов и из-за того, что они были сильно измождены после долгого и утомительного пути. Неудивительно поэтому, что из-за страха и неопределённости за свою судьбу некоторые из них могли умолять, чтобы их не убивали.

Имеются и другие указания на то, что никаких массовых убийств Кремер не лицезрел. Профессор Кремер, имевший скептический и аналитический ум, не скупился на едкие замечания в адрес немецкого правительства в своём дневнике. Например, 13 января 1943 г., в ответ на теорию Филипа Леннарда о немецкой физике, он написал, что говорить об арийской или еврейской науке просто смешно, так как может быть только истинная наука или лженаука. В

тот же день он сравнил научную цензуру в Третьем Рейхе с ситуацией, царившей в дни Галilee. Учитывая столь критичное отношение, просто нельзя себе представить, чтобы он никак не прокомментировал истребление тысяч людей, особенно если его заставили во всём этом участвовать.

С: Может, он не стал писать об этом в своём дневнике из-за боязни, что это могли прочесть, и тогда бы у него были неприятности?

Р: Вряд ли — учитывая, что в других критичных замечаниях по поводу национал-социалистического правительства он был весьма откровенен. Кроме того, выглядит крайне сомнительным утверждение о том, что Кремера, после того как он десять недель принимал участие в уничтожении евреев в Освенциме, вдруг ни с того ни с сего отпустили в его университет, где он мог запросто рассказать студентам и коллегам по работе, в чём он только что участвовал, если бы там действительно проводились какие-либо тайные мероприятия по уничтожению людей. Тот факт, что независимого профессора из западногерманского университета на несколько недель отправили в Освенцим и затем отозвали обратно, чётко говорит о том, что немецким властям нечего было там скрывать.

Что действительно творилось в голове у Кремера, видно из следующего письма, написанного им 21 октября 1942 года: «Хоть у меня и нет пока чёткой информации, я, тем не менее, надеюсь, что до 1-го декабря я снова буду в Мюнстере и что я наконец-то оставлю позади этот освенцимский ад, где помимо тифа и т.п. всё сильнее даёт о себе знать эпидемия брюшного тифа»[1154].

Кстати, многие зарубежные авторы исказили смысл дневниковых записей Кремера, умышленно пропустив или неверно переведя ключевое слово «aus» во фразе «Sonderaktion aus Holland» («Особая акция из Голландии»). Например, полячка Данута Чех перевела эту фразу на английский язык как «Особая акция с партией из Голландии»[1155].

С: А как вы объясните то, что Кремер подтвердил тезис об уничтожении в своих показаниях перед судом?

Р: Да так же, как и другие показания «нацистских преступников», которые стали официальными показаниями, данными на суде. Всё это были показательные процессы. На них давалось только одно возможное объяснение или толкование для двусмысленных заявлений. Обвиняемые могли либо соглашаться с такой трактовкой, и тогда их ждало кое-какое снисхождение, либо не соглашаться, и тогда их ждало суровое наказание. Большинство обвиняемых выбирало первое[1156].

4.5.4. Рудольф Хёсс

Р: Я уже рассказывал о пытках, которым подвергался Рудольф Хёсс и которые сегодня, в принципе, никто не отрицает. Но поскольку это ещё не доказывает, что его показания не соответствуют истине, давайте рассмотрим их поближе. Анализ показаний Хёсса[1157] позволяет выявить несколько явно лживых утверждений. Так, к примеру, он говорит, что под его командованием, то есть к концу 1943 года, якобы было убито три миллиона человек. Это явная попытка подстроиться под общее число жертв в четыре миллиона, выдуманное в СССР. Для пушей убедительности он преувеличил количество евреев, проживавших в различных европейских странах, примерно в десять раз[1158].

Кроме того, в качестве дополнительных «лагерей уничтожения» Хёсс упоминает Бельжец, Треблинку и некий Вольжец, хотя лагеря под названием Вольжец никогда не существовало. Он утверждал, что в июне 1941-го все эти лагеря уже находились в эксплуатации, хотя Бельжец был сдан в эксплуатацию лишь в марте 1942-го, а Треблинка — в июле 1942-го года.

Он утверждает, что в июне 1941 года он получил приказы приступить к убийству евреев и что в это же время в Освенциме начались газации. Однако официальная историография относит гипотетические приказы об «окончательном решении» к осени 1941-го, а первые газации — к началу 1942-го года[1159].

Хёсс повторяет также байку о человеческом жире, который будто бы собирали и лили в костёр: «Им нужно было поддерживать огонь в ямах, разливать накапливавшийся жир

[...]»[1160].

Помимо прочего, Хёсс утверждал, что члены кремационной команды, состоявшей из узников, имели иммунитет к ядовитому газу и не нуждались в противогазах: «Через полчаса после подачи внутрь газа открывалась дверь [газовой камеры], и включалась вентиляционная система. Немедленно начиналась работа по вытаскиванию трупов. [...] Они могли передвигать трупы одной рукой и при этом есть то, что они держали в другой»[1161]. Учитывая, что есть в противогазе невозможно, противогазов у них не было.

На одном из допросов Хёсс чётко подтвердил своё заявление о том, что для тяжёлой работы в газовых камерах противогаз был не нужен:

«В: Но разве этим заключённым не было опасно входить в эти камеры и работать посреди трупов и испарений?

О: Нет.

В: Они носили противогазы?

О: У них было несколько противогазов, но они им были не нужны, так как никогда ничего не происходило.»[1162]

Хёсс рассказывает также о технически непригодных и попросту нелепых методах избавления от трупов: «Поначалу мы лили на тела отработанное масло. Затем мы стали применять метанол. [...] Он [Блобель] пытался также взрывать трупы динамитом, но этот метод практически не дал никаких результатов»[1163].

С: Динамит?! Эсэсовцы, небось, получали особое удовольствие, доставая потом разлетевшиеся руки и ноги с верхушек деревьев и из водосточных желобов!

Р: Что ж, показания Хёсса были оскорблением человеческого разуму, но его английские и польские охранники этого, похоже, не заметили.

С: А почему это они не могли сжигать трупы отработанным маслом и метанолом?

Р: Кремации, описанные Хёссом, будто бы осуществлялись в ямах. Жидкое топливо может гореть на предмете или возле него, но под ним — никогда, так что данный вариант не сработал бы. Жидкое топливо можно применять для воспламенения дров или угля, но не для сжигания того, что плохо горит, не говоря уже про метанол[1164], который горит с крайне низким тепловым выделением. К тому же у немцев во время войны попросту не было тысяч тонн отработанного масла, которым бы они могли сжигать что бы то ни было.

4.5.5. Пери Броуд

Р: Роттенфюрер СС Пери Броуд служил в политотделе Освенцима. Как я уже говорил, сразу же после войны он сделал подробное признание. В 1959 году, однако, он дал показания, грубо противоречащие этому «признанию» (см. главу 4.3.4). Заявления, сделанные Броудом в 1945-м, являются неправдоподобными по многим причинам, среди которых следует отметить следующие[1165]:

1. Броуд сказал, что повсюду стоял запах горящих волос, что невозможно, поскольку крематории не издают такого запаха.

2. Броуд утверждал, что в каждый муфель крематория засовывали зараз по четыре-шесть трупов, что технически невозможно[1166].

3. Он повторил легенду о пламени, идущем из труб крематория.

4. Он утверждал, что массовые расстрелы осуществлялись в лесу неподалёку от Биркенау, — показание, ничем не подкреплённое.

5. Он повторил байку о рвах для сжигания трупов.

6. Он якобы видел, как в морги крематориев II и III, будто бы служивших в качестве газовых камер, одновременно помещали 4.000 человек. Учитывая, что морги эти имели площадь 210 квадратных метров, это означает 19 человек на один квадратный метр.

В завершение — ещё несколько слов о показаниях, данных Броудом на допросах от 30 апреля и 1 мая 1959 года. Согласно последним, его показания за 1945 год были сделаны с чужих слов, то есть основывались на слухах и выдумках. Вот как он в 1959 году объяснил причину, по которой он не мог ничего знать ни о каких газациях: «В этой связи я хотел бы отме-

титель, что информация о том, что в основном лагере проводились крупные газации, держался в строгом секрете от нижестоящих членов СС, так же как и от охраны. Говорить об этом воспрещалось. Члены охраны и те не могли ничего знать о происходящем, разве что только по слухам»[1167].

Здесь Броуд говорит о самом себе, поскольку он начал службу в качестве охранника и дальше звания роттенфюрера так и не продвинулся. Таким образом, в том, что касается газаций в старом крематории, Броуд в 1945 году сообщил не что иное, как слухи[1168]. Впоследствии он стал более аккуратным, но при этом утверждал, что «один раз» он всё-таки был свидетелем газации в крематории I, когда временно проживал на втором этаже госпиталя[1169].

Впрочем, надёжность показаний, сделанных им в 1959 году, невысока, так как он утверждает, что эсэсовцы «герметически оцепляли» всё вокруг старого крематория из основного лагеря, чтобы обеспечить строгую секретность. Это полная чушь, поскольку, если бы эсэсовцы действительно планировали держать в тайне массовые убийства (в том числе — от эсэсовцев, не принимавших в них прямого участия), то они уж точно бы не стали проводить газации в том крематории. Но даже если бы они и пошли на это, то госпиталь для эсэсовцев был бы эвакуирован в первую очередь, потому что там были расквартированы исключительно те эсэсовцы, которые не имели ничего общего с массовыми убийствами.

Служебные здания политотдела находились на противоположной от госпиталя стороне, прямо возле старого крематория. Политотдел был напрямую связан со всеми казнями. Пери Броуд работал в этом здании ежедневно, начиная с июня месяца 1942 года. Остаётся большой загадкой, как это он мог видеть такого рода газацию только один раз (да и то по чистой случайности, из окна госпиталя), если подобные злодеяния ежедневно совершались прямо под его носом.

С: Может, административный корпус политотдела эвакуировался всякий раз, когда проводились газации?

Р: Что же тогда держалось в тайне от политотдела? Как-никак, именно служащие политотдела были ответственны за проведение казней. И если бы администрация хотела держать в тайне от официальных палачей эти тайные газации, то тогда эсэсовский госпиталь тоже бы эвакуировался.

С: А может, политотдел эвакуировался из-за опасности отравления ядовитым газом во время проветривания?

Р: Возможно, но это должно было представлять опасность и для госпиталя. К тому же эвакуация всей территории вокруг крематория из-за опасности отравления ядовитым газом свела бы на нет все попытки сохранить в тайне применение ядовитого газа. Нет, как бы мы ни старались, показания Броуда всё равно остаются нелогичными и непоследовательными.

Так или иначе, но 30 мая 1959 года Пери Броуд был арестован и продержан под арестом во время всего следствия и непосредственно суда, который начался в 1964 году. 20 августа 1965 года окружной суд Франкфурта приговорил его к четырём годам лишения свободы. Он был признан виновным в участии в двадцати двух селекциях и казнях, то есть в соучастии в коллективном убийстве. Однако, учитывая, что он находился в тюрьме ещё с 1959 года, данный срок наказания было решено считать отбытым. Так что Пери Броуд покинул зал суда во Франкфурте свободным человеком. Похоже, что судьи во Франкфурте тайно симпатизировали серийным убийцам, раз они отпустили на волю такого «страшного» преступника.

4.5.6. Рихард Бёк

Р: Рихард Бёк работал водителем в освенцимском автопарке. По ходу Освенцимского процесса во Франкфурте он был дважды допрошен следственной комиссией[1170]. На первом допросе Бёк заявил, что он «однажды лично наблюдал за газацией; это, кажется, было летом 1943 года».

На втором допросе он сказал, что это имело место зимой 1942-43 годов. Несмотря на то, что ему как постороннему было строго воспрещено присутствовать на мнимых газациях или

в мнимых казнях в гравийном карьере, он, похоже, не имел с этим никаких проблем, ибо он спокойно доезжал до газовой камеры или же сопровождал эсэсовцев почти до самого места экзекуции.

Согласно ему, команда по расстрелу заключённых была «Внимание, приготовились, марш!»

С: Это просто смешно. Команда должна была быть «Готовься, целься, пли!», или что-то в этом роде.

Р: Что ж, на мой взгляд, здесь могут быть три варианта:

а) газации или расстрелы не были секретными;

б) в СС состояли полные идиоты, неспособные принять самые элементарные меры предосторожности;

в) Бёк позволяет себе поэтическую вольность.

С: Ну, выбрать правильный вариант будет не слишком сложно.

Р: В другом месте своих показаний он говорит, что однажды он получил приказ доставить партию бутербродов к железнодорожному перрону Биркенау, где должна была состояться селекция новоприбывших узников, поскольку СС ожидал комиссию Международного Красного Креста из Швейцарии, которая должна была проследить за «переселением» евреев, и СС хотел впечатлить их бутербродами. Однако комиссия так и не приехала, и Бёк отвёз бутерброды обратно.

С: И что же стало с бутербродами? Он нас что, за дураков считает? Можно подумать, что всемогущий СС был не в состоянии разузнать, когда делегация Красного Креста должна была приехать в лагерь, а когда — нет.

Р: Верно подмечено. А вот несколько отрывков из показаний Бёка, где он рассказывает о газации в одном из бункеров Освенцима, свидетелем которой он якобы лично был: «Наконец к нашему санитарному автомобилю подошёл один эсэсовец (кажется, это был роттенфюрер) и достал банку с газом. С этой банкой он подошёл к лестнице, стоявшей у правой стороны этого здания, которая была видна от ворот. Когда он взбирался по лестнице, я заметил, что у него с собой был противогаз. Взобравшись на верх лестницы, он открыл круглый жестяной люк и вытряхнул в отверстие содержимое банки. Я чётко слышал стук банки об стену, когда он её вытряхивал. Одновременно я увидел, как из отверстия в стене поднимается коричневая пыль. Когда он снова закрыл дверцу, в камере поднялся неопишуемый крик. Я просто не в состоянии описать, как кричали эти люди. Это длилось примерно восемь-десять минут, после чего наступила полная тишина. Вскоре после этого узники отворили дверь, и можно было увидеть, как над гигантской кучей трупов висит синеватое облако. [...] Я очень удивился, что команда заключённых, которым было поручено убирать трупы, вошла в камеру без противогазов — это при том, что над трупами висел синий пар, из чего я сделал вывод, что это был газ»[1171].

Вы ничего необычного здесь не заметили?

С: Синильная кислота вовсе не синяя. Бёка ввело в заблуждение название этого вещества. Как говорится, не умеешь врать — не берись.

С: Да, и чтобы те люди погибли так быстро, в камеру нужно было вбросить огромное количество шариков с ядовитым газом. Это значит, что команда заключённых не смогла бы войти в непрветренную камеру, наполненную всё ещё высвобождающимся Циклоном-Б, надев при этом противогазы и защитные костюмы. В противном случае они сами бы упали замертво.

Р: Очень верное замечание! Позвольте мне также добавить, что Циклон-Б вовсе не поднимает коричневую пыль, когда его высыпают.

С: А как насчёт времени, за которое якобы гибли все люди?

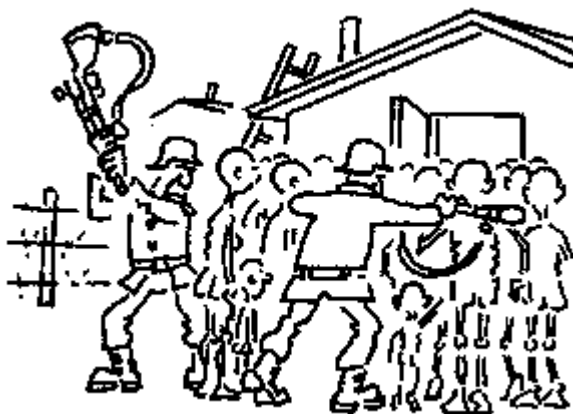
Р: Учитывая, что казнь одного человека в газовой камере США, где ядовитый газ высвобождается в больших количествах прямо под заключённым, занимает десять-пятнадцать минут, маловероятно, что одной банкой Циклона-Б можно было быстро убить сотни людей. Как-никак, Циклон-Б высвобождает содержащийся в нём яд очень медленно.

С: Что ж, тогда выходит, что Бёк не мог видеть то, о чём говорил.

Р: Да, но это ещё не всё. Бёк утверждает, что он стал свидетелем ещё одной газации. Это

случилось осенью 1941-го, в крематории I из основного лагеря. К сожалению, согласно официальной историографии, газации в морге этого крематория стали проводиться лишь с начала 1942-го года.

Рис. 132. Освенцим в картинках согласно Рихарду Бёку (рисунки французского карикатуриста Конка).

Жертв заталкивали в газовую камеру.

Закрывалась дверь, и вводился Циклон-Б.

Проходило несколько минут.

Затем дверь открывалась, и... «Я был удивлён, что команда заключённых, которым было поручено убирать трупы, вошла в камеру без противогазов — это при том, что над трупами висел синий пар, из чего я сделал вывод, что это был газ».

ЭТОГО НЕ МОЖЕТ БЫТЬ!

Все были бы мертвы! Помещение, заполненное Циклоном-Б, необходимо проветривать несколько часов (изготовитель рекомендует 20 часов!)... Это было бы невозможно даже в противогазах.

Кроме того, Бёк заявил (и даже начертил соответствующую схему), что здание автопарка, в котором он проработал несколько лет, располагалось на противоположной стороне улицы

от старого крематория, то есть прямо рядом с этим крематорием. Как же тогда он смог увидеть только одну газацию в этом крематории, если начиная с весны 1942-го они проводились там регулярно?

С: Может, они проводились незаметно?

Р: Хм, он сообщает нам, как незаметны они были: «В любом случае, за время моего пребывания в Освенциме я смог заметить, что тела заключённых сжигались в старом крематории. Это пошло на убыль лишь в конце 1944 года. Ежедневно я мог наблюдать, как из трубы вырывалось пламя высотой два метра. Кроме того, сильно пахло горячей плотью»[1172].

С: Да это же старые сказки о пламени, которое вырывается из трубы!

Р: И не забывайте о запахе. К тому же этот крематорий был закрыт ещё в июле 1943 года.

Как я уже упоминал (см. главу 4.2.4), Бёк был товарищем Адольфа Рёгнера и помогал лагерным партизанам, тайком передавая письма. Однажды он был за это арестован и допрошен лагерным Гестапо, но его не пытали и вообще никак не наказали.

С: То есть здесь мы имеем дело с эсэсовцем, который (по крайней мере, на допросе) утверждал, что он полностью перешёл на сторону заключённых ещё во время войны, и который после войны сознательно распространял их пропаганду.

Р: Что ж, вы весьма точно описали Бёка, приятеля электрика Адольфа Рёгнера — заключённого, работавшего в автопарке, известного обманщика и лжесвидетеля.

4.5.7. Рудольф Врба, Альфред Ветцлер

Р: Мы уже познакомились с Рудольфом Врбой, как со свидетелем, позволившим себе поэтическую вольность, пусть даже он утверждал, что собственноручно видел всё рассказанное им. Впоследствии, однако, он признался, что сам он ничего не знал и всего лишь повторял то, что ему сказали (см. главу 4.2.4). Сейчас же я хотел бы обсудить ряд критических моментов в отчётах, составленных Врбой и его товарищем по заключению Альфредом Ветцлером во время войны[924]. В этом мне поможет отличное исследование испанского историка-ревизиониста Энрике Айната[926].

В показаниях Врбы утверждается, что с апрель 1942-го по апрель 1944-го газом было убито 1.765.000 евреев. Однако (на тот момент, когда я пишу эти строки) официальная историография относит к этому периоду цифру «всего лишь» в полмиллиона. Кроме того, Врба заверяет нас, что в Освенциме было уничтожено 50.000 литовских евреев, о чём официальная историография хранит полное молчание.

Он также утверждает, что число французских евреев, уничтоженных в Освенциме, равняется 150.000. Однако, согласно официальной историографии, примерно 75.000 человек было *депортировано*, одни из которых были зарегистрированы в обычном порядке, а остальные будто бы были отправлены в газовую камеру[47].

Помимо прочего, карта Освенцима, включённая в их отчёт, составлена с ошибками. Особенно грубо были искажены чертежи крематориев II и III:

— Согласно Врбе, там было девять печей, каждая из которых имела четыре отверстия; на самом деле там было пять печей, каждая из которых имела три отверстия.

— Согласно Врбе, из газовой камеры в котельную вела пара рельсов; на самом деле подвальный морг («газовая камера») находился уровнем ниже, чем котельная, и соединял их подъёмник.

С: Надо же, какая ошибка!

Р: Видно, что Врба перепевал чужие слухи, запавшие ему в память.

— Он говорит, что в «газовых камерах» зараз убивали 2.000 человек. Площадь морга, однако, составляла всего 210 квадратных метров. Для того чтобы девять-десять человек смогло уместиться на одном квадратном метре, нужны строгая военная дисциплина и желание сотрудничать (мы об этом говорили в главе 3.4.2).

С: Как говорится, в тесноте, да не в обиде.

Р: Шутить изволите? Далее:

— Утверждение о том, что Циклон-Б был «пылеобразным веществом», также не соответ-

ствуется истине; Циклон-Б представлял собой гипсовые гранулы, пропитанные синильной кислотой.

— Утверждаемая им продолжительность экзекуции — три минуты — сходится с большей частью других показаний, однако является абсолютно невозможной с технической точки зрения.

С: Даже если все они утверждают одно и то же?

Р: Это ещё не означает, что они не лгут. Как я уже говорил, малая продолжительность казни означает, что использовалось гигантское количество яда (см. главу 3.4.6). Для того чтобы довести время казни до нескольких минут, потребовалось бы настолько большое количество яда, что эту возможность просто нельзя принимать всерьёз, особенно если мы имеем дело с Циклоном-Б, который высвобождает содержащийся в нём газ крайне медленно.

— Утверждение о том, что крематории IV и V имели «очень схожую конструкцию» с крематориями II и III, — неправда. На самом деле их конструкция была совершенно разной.

— Общая пропускная способность четырёх крематориев Биркенау в шесть тысяч трупов в день является крайне завышенной. Теоретически максимальное число возможных кремаций не превышало одной тысячи в день.

— Утверждение о том, что в начале 1943 года в Биркенау, по случаю годовщины открытия первого крематория, в присутствии высокопоставленных гостей из Берлина было убито газом 8.000 краковских евреев, не подтверждается ни одним источником.

В книге «Не могу простить» Врба живописно описывает присутствие Генриха Гиммлера на газации трёх тысяч евреев (составлявших на сей раз плотность в 13 человек на квадратный метр) в «газовых камерах» недавно открытого крематория II, в январе 1943 года[1173]. В действительности же этот крематорий был готов лишь к марту этого года, а последний визит Гиммлера в Освенцим датируется июлем 1942 года.

4.5.8. Генрик Таубер

Р: Далее у нас идёт Генрик Таубер, в прошлом — якобы член зондеркоманды крематория II из Биркенау, которого Прессак называет лучшим свидетелем людских газаций в Освенциме[1174].

В сумасбродных показаниях Таубера содержатся следующие утверждения: «Как правило, в одном муфеле мы сжигали за один раз по четыре-пять трупов, но иногда мы вставляли туда и большее количество трупов. Можно было вставить до восьми [!] «доходяг». Такие большие партии сжигались без ведома главы крематория во время воздушной тревоги, чтобы привлечь внимание лётчиков *более сильным* огнём, идущим из дымохода»[1175] [выделено мной — Г.Р.].

С: Слова «более сильный огонь» означают, что, согласно Тауберу, пламя из дымохода шло постоянно?

Р: Да.

С: Значит, он лжёт?

Р: Да, причём не только здесь, но и когда говорит о количестве трупов, которое они якобы помещали в муфель за один раз. Вот как Таубер описывает данную процедуру: «На печах крематориев [...] имелась одна пара роликов для трёх муфелей, которые можно было передвигать по железному пруту, закреплённому у дверец муфелей. [...] «Носилки» эти располагались перед муфелем. Двое заключённых нагружали их трупами. [...] После погрузки трупов на носилки один из них открывал дверцу муфеля, а другой устанавливал ролики. Затем они поднимали носилки и ставили их на ролики, в то время как пятый заключённый, находившийся у ручек с другой стороны носилок, поднимал их одновременно с ними и заталкивал в муфель. После того как трупы оказывались внутри, шестой заключённый придерживал их там кочергой, а пятый вынимал носилки. [...] Та же самая процедура использовалась и для следующей партии, сжигаемой в этом же муфеле»[1176].

Дверцы муфелей крематориев Биркенау имели размеры 60 на 60 сантиметров, причём нижние 10 сантиметров занимали описанные Таубером ролики, которые использовались для вставки носилок. Кроме того, у этих дверей были круглые арки высотой 30 сантиметров. Так что арки эти начинались всего лишь в двадцати сантиметрах над носилками (см. рис. 133-135). Таким образом, было нелегко вставить зараз даже два тела; это означает, что данные муфеля были сконструированы для сжигания за один раз только одного трупа, без гроба.

Но дело было не только в размере и форме отверстия. Когда на носилки, лежащие на роликах, клался труп, возникала ещё одна проблема. Труп на носилках нужно было уравнивать, иначе носилки опрокинулись бы в печь и застряли бы на там ещё до того, как труп был полностью вставлен в муфель. На рис. 136 изображены типичные носилки, откуда видно, что боковые рельсы были примерно вдвое длиннее площади, на которую клался труп. Поскольку трупы лежали на носилках примерно с середины до противоположного конца, то по закону рычага, когда носилки были вставлены глубоко в муфель, трупы нужно было уравнивать на краю боковых рельсов их двойным весом. Чтобы надёжно уравновесить труп, весящий 75 килограмм, потребовалось бы двое взрослых человек. Для двух трупов потребовалось бы четыре человека, для четырёх — восемь, а для восьми — шестнадцать. Но столько человек просто бы не смогло одновременно ухватиться за ручки носилок. Таким образом, уже на основании одних только этих, чисто механических, причин становится понятно, что в этих муфелях сжигали только по одному трупу.

С: Но ведь трупы могли вставлять в муфель по очереди.

Р: Даже если в муфель по очереди вставлялось несколько трупов, для этого всё равно существовали физические пределы. Например, муфеля не были достаточно просторными, чтобы вместить в себе по четыре-пять трупов, не говоря уже о восьми. Как только достигалась определённая высота укладки тел, через небольшие дверцы уже чисто физически нельзя было вставить трупы. Кроме того, муфеля трёх- и восьмимуфельных печей Биркенау были взаимосвязаны. Крайние муфеля трёхмуфельных печей крематориев II и III и каждый второй муфель восьмимуфельных печей крематориев IV и V были оснащены газогенераторами, производившими тепло и воздух для горения. Центральные же муфеля трёхмуфельных печей и необогреваемые муфеля восьмимуфельных печей получали тепло и воздух для горения от обогреваемых муфелей через отверстия в муфельных стенах (см. рис. 137). Если бы в

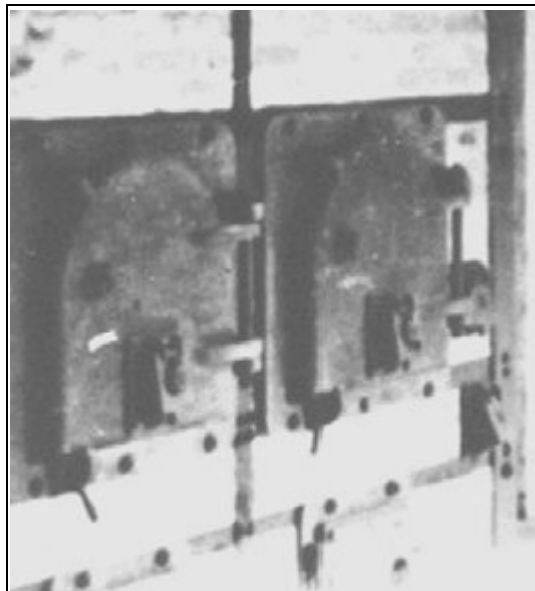

Рис. 133. Дверцы печей в крематории II из Биркенау[1177].

Рис. 134. Такие же дверцы в Бухенвальде, где была установлена трёхмуфельная печь, идентичная с установленными в Биркенау[1178].

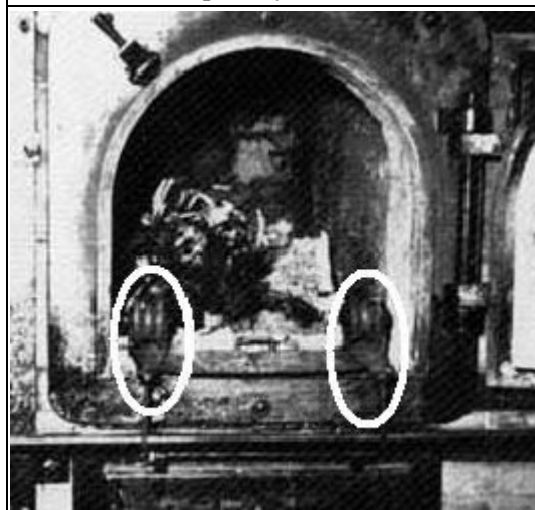

Рис. 135. Ролики перед муфелем для вставки носилок (обозначены белыми овалами)[1179].

муфель было помещено слишком много трупов, то эти отверстия были бы частично или полностью закрыты, что замедлило или вовсе остановило бы кремационный процесс во всех муфелях.

Кроме того, существуют и термические причины, по которым вставка в один муфель нескольких трупов не представляется возможной. Так, например, ввод многочисленных холодных тел, жидкость из которых должна была быть удалена ещё до начала кремации, понизит температуру в начале кремации на значительный отрезок времени. Учитывая, что газогенераторы были сконструированы для сожжения зараз одного трупа, они не могли производить тепло и воздух для горения, необходимые для возмещения данной потери энергии. Следовательно, процесс кремации был бы очень сильно замедлен. Кроме того, несколько трупов уменьшило бы пространство между трупами и стеной муфеля до такой степени, что горячий воздух проходил бы через муфель гораздо быстрее. Это означает, что он отдавал бы своё тепло не трупам и муфельным стенам, а борову (горизонтальному дымоходу) и дымовой трубе, в результате чего последние были бы сильно повреждены.

Ещё один отрицательный эффект был бы вызван тем, что трупы, сложенные в большой груде, имеют меньшую площадь поверхности относительно их объёма, нежели одиночный труп. Однако тепло и кислород, необходимые для сожжения, всегда передаются по поверхности. Таким образом, пониженное соотношение площадь-объём ещё сильнее замедлило бы кремацию.

После испарения воды трупы начинают не поглощать, а производить тепло, поэтому несколько трупов в одном муфеле будут производить гораздо больше тепла, нежели один труп. В конце концов температура в муфеле (и, следовательно, в борове и дымовой трубе) превысит предельно допустимый уровень, для которого была сконструирована система, и нанесёт ей значительные повреждения.

Когда в начале 1943 года в эксплуатацию был сдан крематорий II, лагерь Освенцим уже семь с лишним месяцев как не имел достаточной кремационной мощности из-за сильной эпидемии тифа. Поэтому не исключено, что эсэсовцы пытались одновременно кремировать в одном муфеле несколько трупов, чтобы быстро сжечь горы трупов, которые должны были накопиться за предыдущие месяцы. Так что в показаниях Таубера вполне может содержаться доля правды. Вот что по этому поводу сказал Курт Прюфер (главный инженер фирмы Топф, строившей кремационные печи Биркенау) на допросе в Москве в 1946 году: «Я доложил Зандеру, что я присутствовал на испытании печей в крематории концлагеря Освенцим; я решил, что крематории не могли справиться с таким количеством трупов, поскольку эксплуатационные параметры кремационных печей не были достаточно высоки. В качестве примера я сказал Зандеру, что в Освенциме при мне в каждый муфель вставляли не по одному трупу, а по два, и что печи крематория в итоге не смогли выдержать нагрузки, поскольку кремации подлежало слишком много трупов»[1181].

В результате всего этого, всего лишь через две недели после сдачи в эксплуатацию крема-

Рис. 136. Типичные носилки для трупов; кремационная печь лагеря Маутхаузен[1180].

тория II его боровы частично обрушились, а части дымовой трубы были повреждены[1182]. В итоге весь крематорий простоял без работы с мая по конец августа 1943 года[1183].

С: Оно и не удивительно. Так бывает, когда нарушают инструкцию по эксплуатации. Если, к примеру, у меня есть машина, и в инструкции сказано, что в неё нельзя заливать керосин и запихивать по десять человек, но я всё равно это делаю, то мне потом нечего будет жаловаться, когда она взорвётся прямо мне в лоб.

Р: Да, как говорится, поспешишь — людей насмешишь. Что ж, как видим, попытки сжигать в одном муфеле несколько трупов одновременно вовсе не ускорили процесс кремации, а только привели к поломке крематория.

Но вернёмся к Тауберу, который сделал ещё одно, просто дикое, заявление. Он заявил, что обычные трупы кремировались безо всякого топлива, ибо содержавшегося в них жира было вполне достаточно для самостоятельного горения: «При сожжении таких [не истощённых] тел мы применяли кокс только для того, чтобы развести огонь в печи, поскольку толстые тела сжигались за свой счёт благодаря сгоранию жира из тела. Иногда, когда не хватало кокса, мы могли подложить в золу под муфелями шерсть и солому, и, как только начинал гореть жир одного тела, другие тела загорались сами по себе. [...] Потом, после нескольких успешных кремаций, печи горели благодаря углям, которые образовались в результате сожжения тел. Так что при сожжении толстых тел огонь, как правило, гасили»[1184].

Это сильно напоминает сказку о маленькой Полине, которая играла со спичками: стоило только дотронуться горячей спичкой до человеческого тела, и то вспыхивало пламенем[1185].

С: Вообще-то это могло произойти в результате самовозгорания.

Р: Да, в исключительных случаях может так случиться, что отдельные участки человеческого тела, завернутого в хлопчатобумажную одежду, начнут медленно гореть, но здесь мы имеем дело с полным сожжением голых тел за короткий отрезок времени, а это совсем другое. Тысячи кремаций во всём мире, на которые расходуется огромное количество энергии, — лучшее тому подтверждение.

Особенно нелепым выглядит заявление Таубера о том, что ямы для сжигания трупов были более эффективны, чем крематории, и что именно поэтому они были закрыты в 1944 году: «Они поняли, что ямы сжигали трупы быстрее (чем печи), так что крематории стали закрываться один за другим после того, как в действие вступили ямы»[1186].

Учитывая, что при сжигании тел в ямах расход энергии из-за радиации и конвекции наверняка велик (я уже не говорю о трудностях с неполным сгоранием), подобное заявление может вызвать у специалиста только улыбку.

Кстати, существует ещё одна деталь, изобличающая выдумки Таубера. В некоторых муфелях крематориев Биркенау[1187] золоуловитель, который, согласно Тауберу, находился под муфелем, располагался прямо перед бором, направлявшим отходящие газы в дымовую трубу. Если бы там горел огонь, он бы отводил воздух от дымовой трубы, переправлял отработавшие газы в муфель, а оттуда, через коксовый газогенератор, — в котельную. Иными словами, такого рода огонь в золоуловителе направлял бы поток отходящих газов вспять: свежий воздух поступал бы в дымовую трубу, а дым — в здание крематория.

С: Ха, хорошим же сигнальщиком был Таубер: подавал дымовые сигналы для лётчиков внутри здания!

Р: Это ещё не всё. Таубер, похоже, питает особую слабость к человеческому жиру. Послушайте, что он утверждает: «Как-то раз эсэсовцы бросили одного заключённого, который плохо работал, в яму недалеко от крематория [V], наполненную человеческим жиром. В то время [лето 1944 г.] трупы сжигались в ямах на открытом воздухе, из которых в отдельный резервуар, выкопанный в земле, стекал жир. Этим жиром поливали трупы, чтобы те быстрее

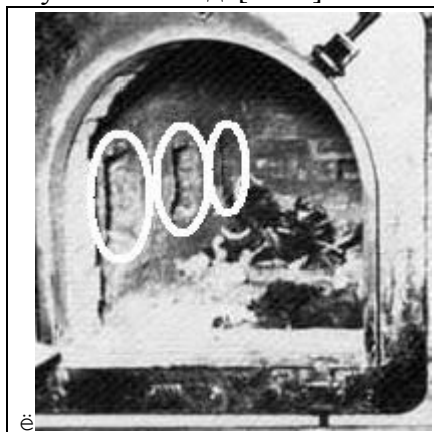

Рис. 137. Отверстия в стенах центрального муфеля трёхмуфельной печи Бухенвальда, идентичной с печами Биркенау (обозначены белыми овалами)[1179].

сгорали»[1188].

С: Это ж каким дураком нужно было быть, чтобы лезть в гигантские ямы, в которых на кострах сжигались сотни трупов, и собирать оттуда жир! Да без асбестового костюма подойти к этим ямам ближе, чем на пять метров, было бы просто невозможно!

4.5.9. Дави Олер

Р: Дави Олер был сослан в Освенцим в марте 1943 года, где он стал рисовать портреты для эсэсовцев. Он утверждает, что жил на чердаке крематория III. В конце войны его депортировали в трудовой лагерь Маутхаузен[1189]. Из составленных им архитектурных чертежей крематория III видно, что он действительно прекрасно знал внутреннее устройство и внешний вид этого здания[1190]. Эти чертежи столь подробны и поразительно схожи с оригинальными архитектурными чертежами (он даже включил туда боровы печей, которых он никак не мог видеть), что напрашивается вывод о том, что ему удалось каким-то образом получить планы этого здания.

Итак, здесь мы имеем человека, прожившего почти два года в здании, которое Роберт Ян ван Пелт как-то раз назвал абсолютным центром человеческого страдания[1191]. Олер должен был об этом знать. И он утверждает, что знал. Рисунки Олера считаются единственными существующими изображениями массовых убийств. Некоторые из его рисунков вы можете видеть на рис. 138-145[1192]. На каждом из них изображены трубы крематориев, извергающие густой дым и пламя. В настоящей книге эти рисунки чёрно-белые, так что вы не можете насладиться красивым оранжевым цветом пламени, идущего из труб, но их цветные оригиналы выложены в интернете[1193].

Как можно видеть, у Олера одним из любимых предметов для рисования была труба крематория, вот только она у него неважно получалась. Причём дело было не только в дыме и пламени. Так, например, на рис. №№ 1, 2, 5, 6 и 8 размеры трубы слишком велики по сравнению с окружающими предметами.

Некоторые из этих рисунков даже и не претендуют на то, что они отображают действительность, а именно рис. №№ 5, 6 и 8. Таким образом, нарисованное Олером — это вовсе не действительность, а всего лишь её художественная трактовка, обогащённая символами и щедро использующая так называемую «поэтическую вольность», то есть преувеличения и выдумки.

То, сколько для Олера значила эта самая поэтическая вольность, можно увидеть из рис. 146. На нём якобы запечатлено, как члены зондеркоманды волокут трупы из газовой камеры, распахнутая дверь которой видна в правом верхнем углу, к кремационным печам, частично изображённых в левой части рисунка. На самом же деле ни в одном крематории Биркенау помещения, будто бы служившие в качестве газовых камер для убийства людей, не граничили с котельной. Учитывая, что Олер собственноручно начертил планы крематориев, которые он изображает на рисунках и на которых морги, якобы использовавшиеся в качестве газовых камер, располагаются в подвалах этих зданий, он не мог этого не знать. Однако ему это было, грубо говоря, по барабану, так как он хотел впечатлить публику.

С: Кстати, вы говорили, что члены зондеркоманды, входившие в газовую камеру сразу же после газации, не могли делать этого без противогаза и защитного костюма, как об этом утверждают «очевидцы». А газовая камера, изображённая на данном рисунке, наполнена трупами доверху, то есть её открыли только что.

Р: Вы совершенно правы. Но давайте взглянем ещё на один рисунок Олера, представляющий собой следующий шаг процедуры массовых убийств, якобы совершавшихся в этих крематориях. На рис. 147 изображены печи крематориев II и III из Биркенау. Вот список ошибок на этом рисунке:

Рис. 138-145. Рисунки Освенцима-Биркенау, сделанные Дави Олером, с густым дымом и пламенем, идущими из трубы крематория.

1. Двери муфелей имеют в высоту около одного метра. Однако, как мы могли увидеть ранее, настоящие двери печей освенцимских крематориев имели в ширину и высоту немногим более полуметра.

2. В действительности носилки для трупов заталкивались в муфель не при помощи прута, который держали заключённые, а при помощи роликов, прикреплённых к пруту, проходившему под дверьми муфелей.

3. Как и Таубер, Олер настаивает на том, что носилки вводились в муфель только одним человеком, однако правило рычага не позволило бы одному человеку уравновесить носилки собственным весом, а внутри муфеля, как видно из рисунка, носилки ничем не поддерживаются.

Рис. 146. «Вольный художник» Дави Олер грубо искажает действительность: газовые камеры у него ведут прямо в котельную[1194].

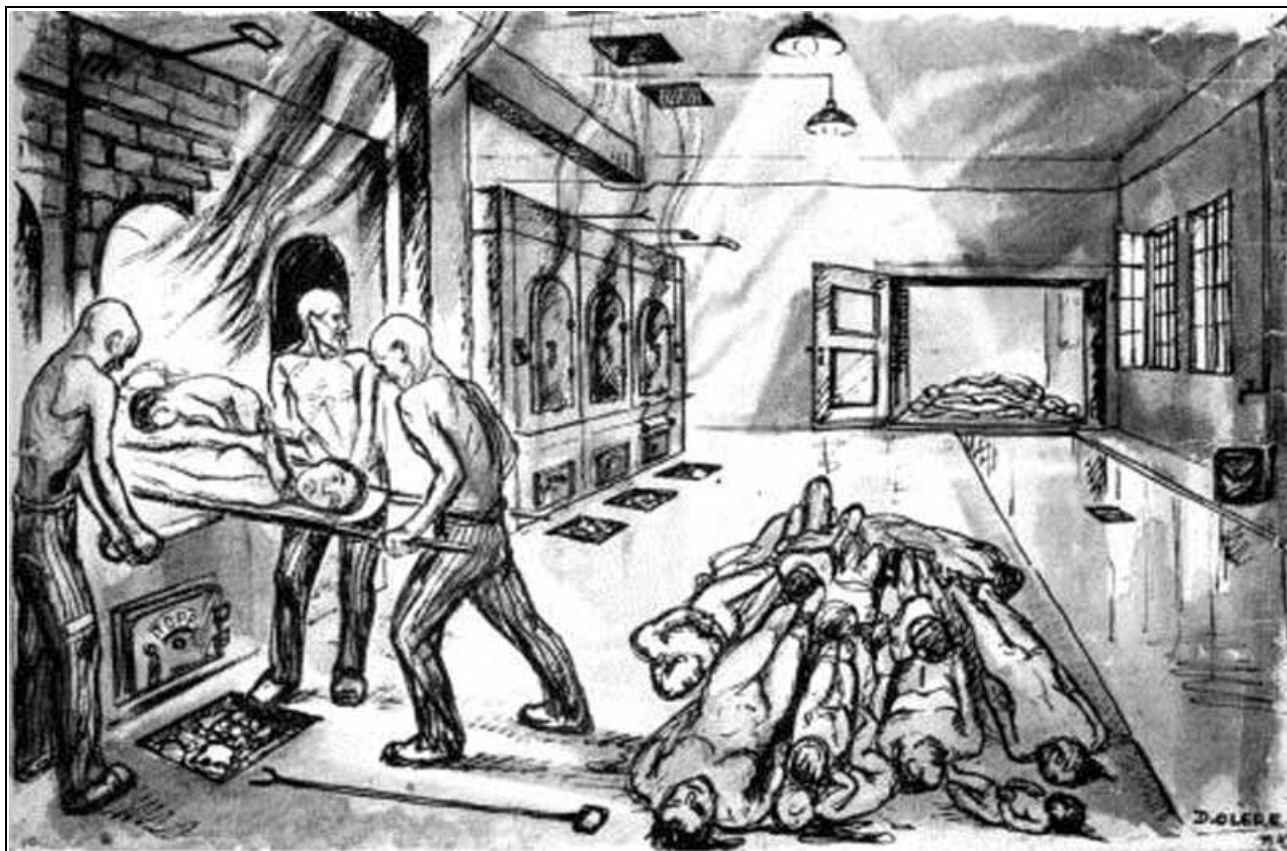

Рис. 147. Рисунок Дави Олера, лживо изображающий дверцы печи из Биркенау высотой в один метр[1195].

4. Чисто физически невозможно работать голым по пояс перед открытыми дверями печей, температура внутри которых равна 750-1000 °С.

5. Из дверей печей, работающих на коксе, пламя выходить не может.

С: А может, пламя шло не от коксового газогенератора, а от трупов, горящих внутри муфеля?

Р: Если бы внутри муфеля столь сильно горело большое количество трупов, то туда больше нельзя было бы вставить другие трупы. Нет, этот муфель пуст. Что ж, Дави Олер распространяет те же самые выдумки и преувеличения, что и Генрик Таубер, разве что делает он это другим способом.

4.5.10. Миклош Ньисли

Р: Ньисли, работавший в Освенциме с мая 1944 года в качестве патологоанатома с самим Йозефом Менгеле, заверяет нас, что в своей книге[374] он ничего не преувеличил. Это та самая книга, о которой Вернер Мазер сказал, что её автор лгал сверх всякой меры (глава 2.22). Согласно рассказу Ньисли, каждый из четырёх крематориев Освенцима имел пропускную способность 5.000 трупов в день. Сюда следует добавить ещё 6.000 трупов, которые, согласно Ньисли, ежедневно расстреливались и сжигались в оврагах в берёзовом лесу.

С: Но ведь, согласно официальной версии, никаких расстрелов в берёзовом лесу не проводилось; что там совершалось, так это массовые газации в бункерах.

Р: Ну, похоже, что официальная «истина» была Ньисли неведома. Как бы то ни было, согласно Ньисли, в Освенциме ежедневно убивали 26.000 человек. В месяц это означает 780.000, а в год — почти десять миллионов человек. Отсюда следует, что после сдачи в эксплуатацию крематориев Биркенау в Освенциме было уничтожено 20 миллионов человек, не считая двух миллионов, расстрелянных в берёзовом лесу.

С: Многовато будет...

Р: Ньисли, проводивший вскрытие трупов в крематории Биркенау, пишет, что «газовые камеры» имели в длину 150 метров. На самом же деле длина подвального морга, якобы служившего газовой камерой, составляла всего 30 метров.

С: Ну подумаешь, немного преувеличил человек. С кем не бывает?

Р: То же самое сказал и Прессак. Он заявил, что Ньисли на самом деле говорил правду, но просто по каким-то неведомым причинам он завысил всё в четыре раза[1196] — за исключением числа жертв, которое он завысил двадцатикратно, если исходить из официальной (на данный момент) цифры примерно в один миллион человек.

В ответ на это Робер Фориссон сделал следующее остроумное замечание: «Представим себе, что некий «свидетель» утверждает, будто [...] он видел четырёх людей высотой 7 метров, которым было по 200 лет. Мы вправе предположить, что такому свидетелю никто не поверит. Никто, кроме Прессака, который, применив знаменитое правило деления на четыре, скажет: этот свидетель говорит правду: он видел одного человека высотой 1,75 метра, которому было 50 лет»[1197].

4.5.11. Филип Мюллер

Р: Филип Мюллер — один из самых словоохотливых и плодовитых писателей из числа освенцимских свидетелей. Он является также живым доказательством того, что членов так называемых зондеркоманд (убиравших, согласно легенде, трупы из газовых камер и засовывавших их в печи крематориев) вовсе не убивали через несколько месяцев, как это часто утверждается. Мюллер заявляет, что он был членом такой зондеркоманды с весны 1942 года до самого конца[179]. А вот что он заявил на Освенцимском процессе во Франкфурте: «Как-то раз начальник крематория Молль выхватил ребёнка из рук матери. Я видел это в крематории IV. Рядом были две большие ямы, в которых сжигались трупы. Он бросил ребёнка прямо в кипящий жир, который собирался в овраги, располагавшиеся неподалёку... Эти две ямы находились возле крематория IV. Они имели около сорока метров в длину и шесть-восемь метров в ширину, с глубиной около двух с половиной метров. Жир из трупов накапливался у края. Этим жиром нам нужно было поливать трупы»[1198].

С: Это уже начинает надоедать; мы это слышали раз сто, наверное.

Р: Вы уж меня извините, но Мюллер, как я говорил, любил повторять чужие исто-

рии[1199]. Через тридцать пять лет после освобождения Мюллер решился наконец издать свои «ценные» мемуары в форме книги, ставшей самым обширным описанием ужасов Освенцима. Помимо прочего, в книге этой содержится душераздирающая сцена смертного обряда, который был исполнен двумя тысячами обречёнными евреями прямо перед их казнью: «Вдруг из толпы раздался громкий голос: истощённый человек начал читать вслух Виддуй. Сначала он наклонился вперёд, затём поднял голову и руки к небесам и после каждой фразы, произносимой громко и ясно, бил кулаком себя в грудь. По всему двору стали разноситься слова на иврите: «богати» (мы согрешили), «гацалти» (мы несправедливо поступили с нашим собратями), «дибарты» (мы клеветали), «хеевецти» (мы обманывали), «верхиршати» (мы согрешили), «садти» (мы возгордились), «марадти» (мы были непокорны). «Бог мой, до того, как я был рождён, я ничего не значил, и сейчас, когда я создан, я всё равно что не создан. Прах я в жизни, а в смерти — тем более. Вечная слава тебе, Господь, вечный Бог! Аминь! Аминь!»

Двухтысячная толпа повторяла каждое слово, хотя, наверно, не все из них понимали смысл этого ветхозаветного покаяния. До того момента большинству из них удавалось себя сдерживать. Но сейчас почти все рыдали. Среди членов семей происходили душераздирающие сцены. Но слёзы их не были слёзами отчаяния. Эти люди находились в состоянии глубокого религиозного возбуждения. Они отдали себя в руки Господа. Как это ни странно, но присутствовавшие при этом эсэсовцы не вмешивались и не трогали людей.

Тем временем рядом со своими друзьями стоял обершарфюрер Фосс, нетерпеливо поглядывая на часы. Молитвы достигли своего пика: толпа читала молитву об умерших, традиционно произносимую только выжившими родственниками об умершем члене их семьи. Но поскольку после того, как они умрут, некому будет прочитать о них Каддиш, обречённые читали её, пока ещё были живы. И затем они отправились в газовые камеры»[1200].

Это хороший пример той категории рассказов, в которых идущие в газовую камеру произносят пылкие речи или же поют патриотические[1201] или коммунистические песни.

С: Ну а почему бы и нет? Многие люди торжественно отмечают свою предстоящую казнь.

Р: Но не до такой же степени! А вот не менее интересная, «голо»-эротическая», сцена, представляющая собой ещё одну категорию рассказов о газовых камерах. Уставший от жизни Мюллер принимает решение умереть в газовой камере в компании обнажённых девиц. Но не тут-то было: «Вдруг ко мне подошло несколько обнажённых, цветущих девушек. Не говоря ни слова, они стояли передо мной, пристально вглядываясь глубоко мне в душу и непонимающе качая головами. Наконец одна из них собралась с духом и стала говорить: «Мы знаем, что ты решил умереть вместе с нами по собственной воли, и мы пришли сказать тебе, что считаем твоё решение неправильным, ибо оно никому не поможет». Она продолжала: «Мы должны умереть, но у тебя ещё есть шанс спасти свою жизнь. Ты должен вернуться в лагерь и рассказать всем о наших последних часах» [...]. Прежде чем я смог что-либо ответить на её воодушевлённую речь, девушки схватили меня и, невзирая на мои протесты, потащили к двери газовой камеры. Там они ещё раз меня подтолкнули, в результате чего я оказался посреди группы эсэсовцев» (стр. 113 и сл.).

С: Если они смогли так легко вытолкнуть Мюллера из газовой камеры, почему же они сами оттуда не выбрались?

Р: Хороший вопрос. К тому же маловероятно, что обнажённые женщины, идущие на смерть, станут вести себя подобным образом.

Раз уж мы заговорили о «голо»-порнографии, позвольте мне привести ещё один отрывок из книги Мюллера: «Вдруг они остановились, заметив женщину необычайной красоты с иссиня-чёрными волосами, снимавшую туфлю с правой ноги. Женщина, увидев, что на неё gazeют двое мужчин, решила, по всей видимости, показать возбуждающий и соблазнительный стриптиз. Она подняла юбку, обнажив бедро и подвязку. Затем она отстегнула чулок и медленно принялась снимать его с ноги. [...] Сняв блузку, она оказалась перед развратными зрителями в одном бюстгальтере. Затем она прислонилась левой рукой к бетонному столбу и стала нагибаться, медленно поднимая ногу, чтобы снять туфлю. Дальнейшие события разворачивались молниеносно: со скоростью молнии она схватила туфлю и изо всей силы ударила каблуком по лбу Квакернака. [...] В этот момент женщина набросилась на него и резко вы-

хватила у него пистолет. Раздался выстрел. Шиллингер вскрикнул и повалился на землю. Через пару секунд последовал второй выстрел в сторону Квакернака. Пуля прошла в считанных сантиметрах от него» (стр. 87 и сл.).

Стоит отметить, что подобные истории о привлекательной женщине, которая пытается поднять восстание, встречаются в холокостной литературе довольно-таки часто, так что я просто не мог не привести хотя бы одну из них. Кстати, Мюллер украл этот сюжет из одного анонимного «отчёта», составленного неизвестным польским офицером и напечатанного Советом военных беженцев — пропагандистским агентством Генри Моргентая[1202]. Оттуда она стала распространяться как раковая опухоль, проникая в книги многих холокостных писателей. Вот как она звучит, например, в версии Юджина Когона: «Репортёр Шиллингер заставил одну итальянскую танцовщицу раздеться догола и устроить представление перед крематорием. Улучив момент, она приблизилась к нему, выхватила у него пистолет и застрелила его. В образовавшейся схватке эту женщину тоже застрелили, и таким образом она избежала смерти в газовой камере»[1203].

С: Хм, версия Мюллера более красочна.

Р: Не спорю, не спорю... Что ж, как видите, если несколько «свидетелей» рассказывают одну и ту же историю, это ещё не означает, что она соответствует действительности. Это означает лишь то, что они имели доступ к схожим источникам.

Но шутки в сторону. В другой сцене Мюллер рассказывает о своём первом рабочем дне в крематории I основного лагеря: «В нашу сторону ударило сырое зловоние мёртвых тел и поплыло облако душного, едкого дыма. Сквозь дым я увидел смутные очертания гигантских печей. [...] Через дым и испарения пробился отблеск пламени, и я заметил два больших отверстия. Это были чугунные кремационные печи, к которым заключённые толкали вагонетки, набитую трупами. [...] Нас встретило жуткое зрелище мёртвых тел мужчин и женщин, лежащих как попало посреди чемоданов и рюкзаков. [...] Передо мной лежал труп женщины. Дрожащими руками я принялся снимать её чулки. [...] Едкий дым, жужжание вентиляторов и мерцание пламени [...]» (стр. 12).

На самом деле печи крематория I были не чугунные, а кирпичные. Кроме того, его заявление о том, что людей в газовой камере убивали одетыми и с багажом, противоречит здравому смыслу и всем остальным заявлениям, так же как и официальной версии истории. Стоит также отметить, что никакое пламя — ни сильное, ни слабое — из кремационных печей выходить не может, так же как и дым. Причина этого состоит в том, что двери печей всегда держат закрытыми, не считая того момента, когда туда вводятся тела. Но даже если бы двери и были открыты, из печей всё равно бы не могло выходить сильное пламя и так много дыма. Вдобавок ко всему Мюллер утверждает, что он отведал «треугольники сыра и маковое пирожное» (стр. 13), которые он якобы нашёл в газовой камере в кармане одной из жертв. Разумеется, это было бы невозможно, если бы на нём был надет противогаз. Но даже если бы он и снял противогаз, это стало бы его последней трапезой. В свете всей этой чуши не удивительно, что Мюллер в девять раз занижил время, требуемое на кремацию, чтобы соответствующим образом увеличить пропускную способность печей[1204]. Здесь его явно вдохновил Рудольф Хёсс, давший такие же дикие показания по этому поводу.

А вот моя любимая сцена из всего романа Мюллера: «Время от времени крематорий посещали доктора-эсэсовцы, чаще всего — хауптштурмфюрер Китт и оберштурмфюрер Вебер. Во время их посещений крематорий превращался в настоящую скотобойню. Словно мясники, они щупали бёдра и икры всё ещё живых мужчин и женщин и ещё до казни обречённых выбирали то, что они называли лучшими кусками. После казни выбранные тела клались на стол. Доктора принимались вырезать из бёдер и икр куски всё ещё тёплой плоти и бросать их в стоявшие наготове ёмкости. Мышцы расстрелянных всё ещё работали и сокращались, в результате чего вёдра принимались подпрыгивать» (стр. 46 и сл.).

С: Если бы он не написал чушь о подпрыгивающих вёдрах, мы, может быть, ему ещё и поверили бы.

Р: Да уж. Известно, что свежесрезанные мышечные ткани могут сокращаться только тогда, когда по ним пропускают электрический ток. Но и тогда это бы никак не смогло заставить ведро трястись — по той простой причине, что физический закон инерции этого не по-

зволит.

С: Кстати, во французском переводе книги Мюллера[1205] этот отрывок отсутствует.

Р: Хм, это о многом говорит. А вот как Мюллер описывает механизм для ввода Циклона-Б в газовую камеру (не забывайте, что, согласно его словам, он проработал в ней целых три года!): «Газовые кристаллы Циклона-Б вводились через отверстия в полых колоннах из листового металла. Они были пробиты через регулярные промежутки, а внутри их сверху донизу проходила спираль таким образом, чтобы гранулярные кристаллы распределялись как можно равномерней» (стр. 60).

Здесь он противоречит Михалю Куле, который утверждает, что лично изготовил эти колонны. Согласно Куле, у колонн имелась съёмная вставка, в которую Циклон-Б вводился в камеру перед газацией и из которой после её завершения удалялся (см. главу 4.5.12).

С: И кому же из них прикажете верить?

Р: Никому, поскольку в потолке вообще не было никаких отверстий, через которые можно было поднимать и опускать подобного рода устройство. Эти двое «свидетелей» даже не удосужились согласовать свои выдумки.

А вот что рассказывает Мюллер о самой процедуре газации: «Как только кристаллы Циклона-Б вступали в контакт с воздухом, начинал вырабатываться смертоносный газ, распространяясь сначала по полу, а затем поднимаясь к потолку. Именно поэтому нижний слой трупов всегда состоял из детей, так же как и из больных и стариков, в то время как сильные и высокие лежали наверху; в середине же находились мужчины и женщины среднего возраста. [...] Многие [трупы] посинели [...]» (стр. 117).

С: Но ведь трупы отравившихся синильной кислотой не синеют.

Р: Совершенно верно, и это очень большая оплошность[1206]. Известно также, что кислотные пары, которые примерно на 9% легче воздуха при одинаковой температуре, распространились бы по помещению, заполненному людьми, равномерным образом. А конвекция, созданная исходящим от тела теплом, перемешала бы все газы.

Что ж, не могу не согласиться с собственным мнением Мюллера о своём романе (оно было включено только в немецкий оригинал): «Я и сам не уверен, что всё это мне попросту не приснилось»[1207].

Кстати, Филип Мюллер был членом лагерного подполья, куда входили также профессиональные пропагандисты и лжецы Герман Лангбайн, Бруно Баум и Адольф Рёгнер.

4.5.12. Михаль Кула

Р: Бывший заключённый Освенцима Михаль Кула не принадлежит к числу часто цитируемых холокостных свидетелей, однако в последние годы его «авторитет» заметно вырос. Причина кроется в его утверждении о том, что он якобы соорудил в лагерном цеху «вставные приспособления из проволоочной сетки», при помощи которых Циклон-Б будто бы спускался в газовые камеры крематориев II и III, а затем, после завершения газации, убирался из камер[1208].

Однако Карло Маттоньо убедительно показал, что не существует никаких доказательств существования данного устройства из проволоочной сетки, описанного Кулой[1209]. И дело даже не в том, что в крыше морга, якобы игравшего роль газовой камеры, не существует никаких отверстий, в которые могли бы вставляться колонны Кулы. Что ещё сильнее подрывает надёжность Кулы как свидетеля, так это его утверждение о том, как он однажды видел тела жертв газации: «И тогда я увидел, что они [трупы] были зеленоватыми. Санитары сказали мне, что трупы растрескались и что с них слезла кожа»[1210].

Известно, однако, что трупы умерших в результате отравления синильной кислотой не зеленеют, а краснеют. Кроме того, воздействие синильной кислоты не приводит к дезинтеграции тел и шелушению кожи.

С: Возможно, Кула на самом деле видел обычные трупы, которые из-за низкой пропускной способности крематория пролежали слишком долго, и подумал, что они принадлежат умершим в газовой камере.

Р: Ага, точно так же он «подумал», что изготовленные им приспособления использовались в качестве колонн для ввода Циклона-Б. Отказать в богатой фантазии ему, конечно, нельзя, но его заявления не имеют никакой ценности, так как они не могут быть подкреплены никакими вещественными или документальными доказательствами.

4.5.13. Адольф Рёгнер

Р: Я не горю желанием снова обсуждать профессионального доносчика и закоренелого обманщика Адольфа Рёгнера (см. главу 4.2.4), однако мне придётся это сделать, поскольку в некоторых его показаниях содержатся «голо»-порнографические сцены, которые дополняют психологический портрет этого субъекта. Так, на своём первом допросе Рёгнер заявил следующее: «...Он [комендант Освенцима Рудольф Хёсс] любил заниматься в бункере сексуальными потехами с женщинами, в результате чего некоторые из них забеременели, и врачи заключённые вынуждены были прервать их беременность»[1211].

Впрочем, это только прелюдия. Взгляните-ка на это заявление Рёгнера — лучшее, на мой взгляд: «На допросах унтершарфюрер Квакернак Вальтер [...] практиковал распятие, прокалывание яичек стальными иглами и сжигание тампонов во влагалище»[1212].

С: Опять садомазохизм. Что ж, Рёгнер был не только прирождённым лжецом, но ещё и извращенцем.

Р: Люди, постоянно сидящие в тюрьме за мошенничество, подлог и лжесвидетельство, склонны к сексуальным извращениям. Раз уж мы затронули тему извращений, вот некоторые фантазии Рёгнера по поводу детей[1213]:

— По прибытии в лагерь ручных детей будто бы отбирали у родителей и бросали в большую кучу, состоявшую из сорока-сорока пяти малышей. При этом находившиеся внизу раздавливались и умирали от удушья. Оттуда малышей якобы складывали в грузовик и бросали живьём в ревущие печи крематориев.

— Новоприбывшие ребята из-за грубости эсэсовцев впадали на перроне в такое отчаяние, что будто бы принимались цепляться эсэсовцам за ноги, и те в итоге их пристреливали.

С: С каких это пор напуганные дети хватают за ноги тех, кого они смертельно боятся?

Р: А вот ещё одна описанная Рёгнером сцена, ставшая настоящей классикой: «После прибытия в Освенцим II очередной партии заключённых Богер взял одного из лежавших на полу детей, снял с него пелёнки, так что он оказался совершенно голым, схватил его за ноги и принялся бить его головой о железный край грузового вагона — сначала слабо, а затем всё сильнее и сильнее, до тех пор пока его голова не была полностью размозжена. Затем он вывернул руки и ноги уже мёртвого ребёнка и отбросил его».

С: Это сильно напоминает инкубаторную историю, выдуманную Хилл энд Ноултон, целью которой было убедить ООН одобрить войну против Ирака в 1991 году (см. главу 1.9).

Р: Да. Вот только Рёгнер, пожалуй, выдумал её безо всяких профессиональных советов. Вообще, все эти истории о жестоком убийстве малых детей производят на население мощнейший психологический эффект. У Рёгнера есть ещё одна похожая история, свидетелем которой он якобы стал, прячась за несуществующим деревом на перроне Биркенау... Впрочем, мы об этом уже говорили (см. главу 4.2.4).

4.5.14. Э. Розенберг, Ж.-Ф. Штайнер, Я. Верник и др.

Р: Рассмотрим в качестве предпоследнего примера фантастических историй ряд заявлений о сжигании трупов в Треблинке под открытым небом, принадлежащих различным свидетелям.

Начнём с Элиаху Розенберга, одного из свидетелей на процессе Демьянюка. Его показания были столь неправдоподобны, что их отклонил даже израильский суд. Так, он утверждал следующее: «После того как Гиммлер провёл инспекцию лагеря, он приказал сжечь все тела,

лежавшие в яме [...]. Для этой цели параллельно друг другу были поставлены два железных рельса, и трупы, выкопанные из ямы экскаватором, были сложены друг на друга как поленья. Нередко случалось так, что трупы (особенно недавно убитых людей) плохо горели, так что нам приходилось поливать их бензином»[1214].

С: Неужто он хочет сказать, что старые, извлечённые из земли трупы (то есть бо́льшая их часть) не нуждались в бензине и сгорали сами по себе?

Р: Вы только что украли мою мысль... В показаниях, данных в Иерусалиме, он повторил ту же самую чушь: «В Треблинке мы узнали, что малые дети горят лучше взрослых. Всё, что нужно, — это зажечь их. Именно поэтому немцы (будь они прокляты!) приказывали нам сначала класть в яму детей»[1215].

С: И кто-нибудь верит в этот бред?

Р: Да так, всего лишь 99% людей на этой планете.

С: Так начинаешь сомневаться, что гомо сапиенс — действительно разумный вид.

Р: Свидетель Жия Варшавский, оказавшийся в Треблинке в июле 1942 года, заявил, что каждый день не менее 10 тысяч людей сжигалось хлором, а затем кремировалось следующим образом: «Решётки, состоявшие из железных рельсов, поддерживались цементными столбами, находившимися в полуметре над землёй. [...] Огонь зажигался снизу. Тела клались на горящую решётку экскаватором. Как только огонь доходил до тел, те начинали гореть сами по себе»[1216].

Янкель Верник, единственный свидетель, который заявил, что он длительное время принимал непосредственное участие в процессе истребления людей, написал: «Выяснилось, что тела женщин горят лучше, чем тела мужчин. Поэтому тела женщин использовались для разжигания огня»[1217].

А вот Ричард Глазар, издавший свои мемуары в 90-х годах, отметил: «Тела на самом деле горят не так уж хорошо, а очень даже плохо. Нужно сложить большой костёр и положить посреди трупов множество лучин, после чего облить всё это чем-то легковоспламеняющимся»[1218].

Кроме того, он написал, что он и ещё двадцать четыре еврея были единственными, кому разрешалось работать вне территории лагеря и собирать там ветки для маскировки лагерного забора. Он написал также, что ему приходилось взбираться на деревья, чтобы отламывать ветки[686]. Таким образом, согласно Глазару, в Треблинке не было никаких лесорубов, а только один отряд по сбору веток для маскировки. Иными словами, человеческие тела, согласно Глазару, горели плохо, но всё-таки горели — сами по себе!

Еврейка Рэчел Ауэрбах собрала множество отчётов свидетелей и подытожила их следующим образом: «Поляки до сих говорят о том, каким образом из тел евреев изготавливалось мыло. Обнаруженный профессором Спаннером мыловаренный завод в Лангфуре (недалеко от Данцига) показал, что их подозрения были весьма обоснованы. Свидетели говорят, что при сжигании трупов на кострах под каркас клали жаровни для собирания вытекавшего жира, но это подтверждено не было. Но даже если немцы в Треблинке или на какой-то другой фабрике смерти так не поступали и позволяли стольким тоннам ценного жира попусту пропадать, то это было большим упущением с их стороны.

В Треблинке, как и в других таких местах, были сделаны большие успехи в технологии уничтожения — например, весьма оригинальное открытие о том, что тела женщин горят лучше, чем тела мужчин.

«Мужчины не будут гореть без женщин». [...] Тела женщин использовались для растопки или, если быть точнее, для разжигания огня посреди груды трупов. [...] Кровь также оказалась первоклассным горючим материалом. [...] Молодая плоть горела быстрее, чем старая. [...] Наконец, благодаря газолину и телам толстых женщин, груда трупов начинала полыхать»[1219].

С: Здесь есть всё, что только можно было придумать: собирание человеческого жира, мыло из человеческого жира, кровь (состоящая на 90% из воды) в качестве горючего!

Р: Интересно, что Яд Вашем расхвалил эту книгу как стандартный труд по Треблинке. В ещё одной книге, также рекомендуемой в качестве стандартного труда по трём «чисто истребительным лагерям» Треблинке, Бельжеце и Собиборе, содержатся такие же фантастические

рассказни: «Эсэсовцы, занимавшиеся кремацией, убедились, что трупы горят достаточно хорошо и без дополнительного горючего. Йехиель Райхман, член кремационной группы, пишет: «Эсэсовские «эксперты» по сжиганию тел велели нам класть на первый слой решётки женщин (особенно толстых), лицом вниз. Второй слой мог состоять из чего угодно — мужчин, женщин, детей, — и так далее, слой за слоем [...]». Эти [свежие] трупы горели не так хорошо, как те, что были извлечены из ям [т.е. могил], и их нужно было обливаться горючим, чтобы те горели»[1220].

Интересно, что один холокостовец не преминул отметить, что здесь что-то не так. Это был Жан-Франсуа Штайнер, чётко описавший проблемы, которые должны были возникнуть из-за столь гигантских потребностях в дровах для кремации: «Затраты были бы просто непреодолимы. Помимо огромного количества бензина потребовалось бы столько же стволов деревьев, сколько и трупов. Это была нерентабельная затея, поскольку, даже если бы удалось срубить все леса в Польше, бензина бы всё равно не хватило. Сталинградская битва была проиграна, и богатые нефтяные поля Кавказа исчезли словно мираж»[1221].

Впрочем, Штайнеру (также собравшему большое количество отчётов «очевидцев») удалось-таки найти выход из столь затруднительного положения, а именно — самосгорающие трупы: «Трупы делились на огнеупорные и легкосгораемые. Весь трюк состоял в использовании сгораемых трупов для сжигания остальных. Согласно его [Х. Флосса] исследованию [...] старые трупы горели лучше новых, толстые лучше худых, женщины лучше мужчин, а дети лучше мужчин, но хуже женщин. Выяснилось, что лучше всего были разлагающиеся трупы толстых женщин»[1222].

Согласно показаниям некоторых «свидетелей», в Треблинке на самом деле был не один отряд, собиравший дрова, а несколько. А. Кжепицкий, С. Вилленберг и Р. Глазар знали только об одном таком отряде, который собирал ветки деревьев для маскировки лагерного забора[1223], но И. Арад, по-видимому, был лучше осведомлён. Так, им был описан отряд, который вначале собирал дрова только для строительства и отопления, но впоследствии стал собирать дрова и для кремации[1224]. Впрочем, свидетели и истинные верующие в холокост единодушны в том мнении, что дрова использовались только для того, чтобы поджечь трупы, которые затем сгорали самостоятельно.

С: Хокус-покус-филипокус...

Р: ...и доказательств можно не искать! А вот что в 1993 году написала одна швейцарско-еврейская газета: «Любой еврей может заключить из нашей Парши и жить с тем убеждением, что еврейский народ не подвержен ограничениям законов природы»[1225].

С: Эсэсовцы из тех лагерей, по всей видимости, тоже. Так вот как нам навязали «общеизвестные факты»!

Р: Рэчел Ауэрбах весьма точно прокомментировала всю эту чушь о Треблинке, когда сказала: «Как говорит одна итальянская поговорка, «*Se non è vero, è ben trovato*» [«Даже если это неправда, это хорошо придумано»][1226].

4.5.15. Эли Визель

Р: В завершении нашей коллекции невероятных историй, служащей введением к историям более правдоподобным, рассмотрим Эли Визеля. Согласно Визелю, газовых камер в Освенциме не было, но евреев там всё равно убивали — другим способом.

С: Вообще-то он утверждает, что из труб крематория шло пламя.

Р: Да. В своей книге «Ночь» он пишет: «...Из высокой трубы в чёрное небо уходило пламя. [...] Вы видите эту трубу? Видите? Вы видите это пламя?»[1227]

Итак, если почитать Визеля, то можно «узнать», что людей в Освенциме сжигали живьём на гигантских кострах: «Недалеко от нас из ямы билось пламя, гигантское пламя. Там что-то сжигалось. Вот к яме подъехал грузовик и вытряхнул туда свой груз. Это были маленькие дети. Младенцы! Да, я видел это собственными глазами... детей в огне (не удивительно, что с тех пор сон бежит от моих глаз!). Туда же двигались и мы. Чуть дальше находилась более крупная яма для взрослых. [...] “Отец, — сказал я, — если дело обстоит так, то я не хочу спо-

койно ждать. Я брошусь на электрическую проволоку. Всё равно это лучше, чем медленная агония в огне»[1228].

Интересно, что во французском оригинале стоит «часами мучаться в огне»[1229]. Это, мягко говоря, преувеличение, не было включено в английский перевод. Впрочем, Визеля, к счастью, так и не пришлось «часами мучаться в огне». Его спасло настоящее чудо: «Нашей шеренге оставалось идти всего пятнадцать шагов. Я кусал губы, чтобы мой отец не слышал, как у меня стучат зубы. Осталось десять шагов. Восемь. Семь. Мы двигались медленно, словно в погребальной процессии на собственных похоронах. Ещё четыре шага. Три. Вот она, яма, прямо перед нами, а в ней — пламя. Я собрал все оставшиеся силы, чтобы прорвать ряды и броситься на колючую проволоку. Я мысленно прощался с моим отцом, со всей вселенной. С моих губ произвольно вырвался шёпот: «Йитгадад вейиткадах шме раба...» Да святится и славится имя Его... Во мне всё бурлило. Настал тот момент. Я находился лицом к лицу с Ангелом Смерти... Но нет. Когда до ямы нас отделяло всего два шага, нам было велено свернуть налево и идти в бараки»[1230].

С: А что, похоже на правду.

Р: Ага, вот только это противоречит всему, рассказанному об Освенциме другими свидетелями. В другом месте Визель весьма любопытно отозвался о своём творчестве: «“Что вы пишете”, — спросил раввин. «Рассказы», — ответил я. Он хотел знать, что за рассказы. Правдивые рассказы. «О людях, которых вы знали?» Да, о людях, которых я мог знать. «О вещах, которые происходили?» Да, о вещах, которые происходили или могли происходить. «Но они не происходили?» Не все. По правде говоря, некоторые из них были выдуманы почти с начала и почти до конца. Раввин наклонился вперёд, словно желая меня измерить с ног до головы, и сказал — скорее печально, чем гневно: «Это значит, что ты пишешь выдумки!» Я ответил не сразу. Отруганному ребёнку во мне нечего было сказать в своё оправдание. Всё же я стал оправдываться: “Всё не так просто, Реббе. Одни события имели место, но они выдуманные, другие же события подлинные, хотя их никогда не было”»[1231].

С: Вообще-то об Освенциме здесь не говорится открытым текстом.

Р: Да, но, учитывая, что рассказы Визеля об Освенциме: а) выдуманные, б) не имели место, я подозреваю, что здесь он говорит именно об этом лагере. Впрочем, это ещё не всё. В следующей главе мы узнаем, чем закончились похождения Визеля.

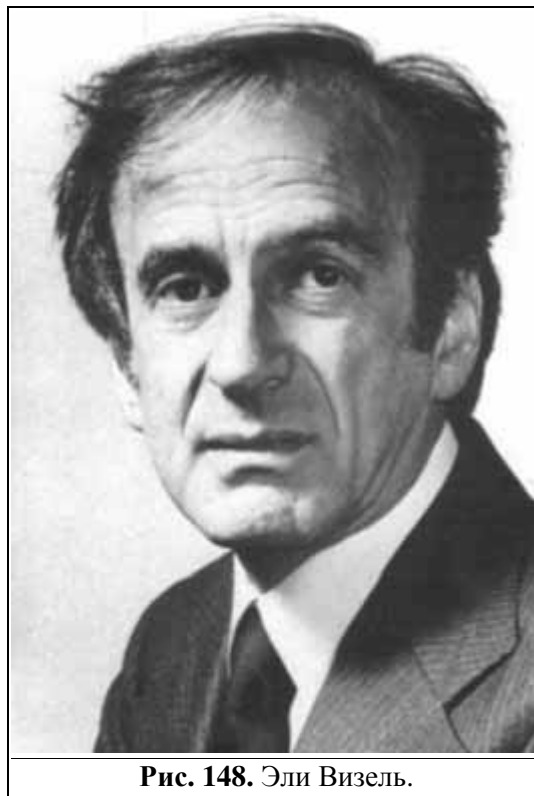

Рис. 148. Эли Визель.

4.6. Критика показаний, часть вторая.

Правдоподобные показания

4.6.1. Эли Визель и Primo Levi

Р: В конце рассказа Визеля о его пребывании в Освенциме содержится весьма странный эпизод. Когда в январе 1945 года Красная Армия находилась на подступах к Освенциму, немцы эвакуировали лагерь. Больным заключённым был предоставлен выбор: либо уходить с немцами, либо оставаться в лагере и дожидаться прихода советских войск. Вот как Визель описывает принятое им с отцом решение:

«Выбор был в наших руках. Наконец-то мы могли сами решать свою судьбу. Мы оба могли остаться в госпитале, куда я мог бы, благодаря моему доктору, устроить его [отца] в каче-

стве пациента или медбрата. Или же мы могли последовать за остальными.

— Что же нам делать, отец? — Он не отвечал.

— Давай эвакуируемся вместе с остальными, — сказал я ему»[1232].

Вы только вдумайтесь в это: несколько лет Эли Визель и его отец жили в сущем аду, где людей сжигали заживо, где над узниками издевались как только могли. И вот в начале 45-го года им представился шанс вырваться из рук этих серийных убийц и встретить советских освободителей. И как же они решили поступить? Они решили не ждать освобождения и уйти вместе с серийными убийцами. Они решили и далее оставаться рабами в аду, созданном варварами-немцами. Они решили отправиться в путь в холодную, тёмную ночь под охраной немецких чудовищ.

Отсюда следует, что Эли Визель и его отец больше боялись советских освободителей, чем немецких палачей. Удивлены?

И это далеко не единственный случай. Так, Примо Леви в книге «Выжить в Освенциме», описывая день 17-го января 1945 года, пишет, что он также бы ушёл с остальными, если бы не чувствовал себя так плохо: «Это не был вопрос логики; точно так же я мог, вероятно, послушаться и стадного инстинкта, если бы не чувствовал себя так плохо: страх в высшей степени заразителен, и его естественная реакция — бежать»[1233].

Вчитайтесь как следует в эти строки: страх, двигавший заключёнными (эдакий стадной инстинкт), побуждал их уйти вместе с немцами. То есть, боялись они не немцев, а русских. И, как вы думаете, сколько человек решило остаться в лагере, а сколько — уйти? Леви предоставляет нам результаты этого своеобразного референдума: 800 человек (в большинстве своём — недееспособные заключённые) решили ждать освобождения, а 20 тысяч — присоединиться к нацистским убийцам.

Итак, Визель и Леви — одни из самых влиятельных пропагандистов немецких злодеяний — признают в своих самых важных пропагандистских работах факт, не отмеченный большинством их читателей, — что они на самом деле не боялись немцев. Если бы они верили в собственные рассказы, как бы они повели себя тогда, зимой 45-го?

С: Они бы страстно жаждали советского освобождения и сделали бы всё возможное, чтобы вырваться из рук немцев.

Р: Именно так. Значимость выбора, сделанного Визелем и его отцом, так же как и тысячами их товарищей по заключению, просто нельзя переоценить. Весьма красочно обо всём этом отозвался американский учёный Фридрих Берг: «За всю историю еврейских страданий от других народов никакой другой момент не мог быть более драматичным, чем этот, поистине драгоценный, момент, когда евреи могли выбирать между тем, чтобы: а) быть освобождёнными советскими войсками, тем самым получив возможность рассказать всему миру о злобных нацистах и помочь приблизить победу над последними, или же б) уйти с нацистскими серийными убийцами и продолжить работать на них, помогая тем самым сохранять их дьявольский режим. [...] Позвольте в связи с этим наиважнейшим выбором парafразировать шекспировского Гамлета: “Остаться или не остаться — вот в чём вопрос”»[651].

С: Гамлет в данном случае — это Визель.

Р: А вот что в связи с 60-й годовщиной освобождения Освенцима Красной Армией написала газета «Чикаго трибьюн», 27 января 2005 года: «Несмотря на то, что советские войска были встречены как освободители, потребовалось всего лишь несколько недель, чтобы они принялись грабить и насиловать тех, кого они освободили. Согласно показаниям бывших узников, женщины, пережившие нацистов, были до смерти изнасилованы советскими солдатами.

В 1941 году в Освенцим было отправлено десять тысяч советских военнопленных. Оставшихся в живых ожидала мрачная участь. Сталин постановил, что они никакие не военнопленные, а изменники родины. Как результат, их собрали в одном месте и отправили прозябать в Сибирь.

Многие жители Восточной Европы видели в советских войсках не освободителей, а агрессоров; это была ещё одна оккупация, поведал Пётр Сеткевич, директор государственного музея Освенцима-Биркенау».

С: Выходит, Визель сделал правильный выбор.

Р: Вне всякого сомнения. Достаточно будет только взглянуть на тот террор, который СССР развернул на оккупированных им территориях восточной Европы, чтобы понять, что Красная Армия была просто не в состоянии кого-либо освободить[1234].

При внимательном изучении литературы «переживших холокост» можно встретить много других аналогичных историй. Приведу лишь два примера.

Отто Франк, отец Анны Франк, после войны женился во второй раз. В 1991 в свет вышла книга дочери его второй жены, в которой та передаёт рассказ своей матери. В связи с эвакуацией заключённых из Освенцима в другие лагеря она пишет: «Наши ряды редели. Раз в несколько дней эсэсовцы забирали из бараков по тридцать-сорок женщин, которых они отправляли на запад в центральную Германию. Опасность попасть в число увозимых росла для меня с каждым днём. Каждый раз, когда приходили эсэсовцы, я склоняла голову, подвязывала волосы и молилась»[1235].

С: Выходит, они не хотели, чтобы их эвакуировали из Освенцима.

Р: Да. Очень похоже звучит рассказ французского еврея, бывшего узника Освенцима Марка Кляйна, профессора на факультете медицины Страсбургского университета «Эвакуация [из Освенцима] всегда представляла собой немалый риск, поскольку ты в один миг терял все материальные блага — и малые, и большие, — которые ты нажил в лагере за долгий период. Это был уход в неизвестность, сопряжённый с тяжестью поездки и трудностями нового окружения в другом лагере. Тем не менее, эвакуация порой могла представлять собой спасение — по крайней мере, для евреев, которым постоянно угрожали крупные гонимые. [...] Как-то раз один рейс отправлялся в Нацвайлер-Штрутхоф. У меня было большое искушение уехать с этим рейсом, поскольку тогда я бы вернулся в свой родной Эльзас. Однако из надёжного источника я узнал, что это был рейс на тот свет[1236], так что я оказался от этой затеи»[1237].

Вообще-то опасность попасть в газовую камеру была не такой уж и большой, если из-за какого-то слуха он решил остаться в Освенциме. Мы ещё встретимся с профессором Кляйном в следующей главе.

4.6.2. Пир во время чумы

Р: Следующая статья была напечатана 1 мая 1997 года в австралийской газете «Киллой сентинел» (Новый Южный Уэльс). Она говорит сама за себя:

«Всем нам знакомо слово Освенцим. Большинство людей знает Освенцим как «лагерь смерти» для евреев. Многие знают, что он находился в Польше. Подробности они могут и не знать, но само название им знакомо. Так или иначе, Освенцим — это часть современной культуры.

Освенцим, как правило, изображается как место непрерывного, методического и спланированного истребления евреев (не еврейского народа, поскольку такового не существует).

Имеется великое множество отчётов и описаний всеобщего ужаса, глубокой атмосферы страданий и неминуемого конвейера смерти. Мог ли в таком месте быть плавательный бассейн для заключённых? Могли ли там иметься общественно-воспитательный центр, театр, детский хор, кружки по интересам, могли ли там проводиться концерты, оперные представления — всё это с узниками и для узников? Нет, конечно! Это просто не вписывается в знакомую нам всем картину.

Любой, кто станет изучать книги, журналы и видеоленты, представляющие неофициальные факты и мнения (материал, который, что интересно, никогда не продаётся в традиционных книжных магазинах), вскоре натолкнётся именно на эту информацию.

Бассейн появляется на опубликованных репродукциях различных аэрофотоснимков времён войны. Разумеется, эти фотографии могут быть и фальшивыми, но бассейн для заключённых можно видеть теперь с близкого расстояния в фильме, снятом в сегодняшнем Освенциме. Фильм этот содержит поразительное интервью с директором сегодняшнего Освенцима, Францишеком Пайпером. Снял этот фильм Дэвид Коул.

Коул — американский еврей. Возможно, данное видео — подделка. Но если там имелись

остальные вышеупомянутые удобства, то наличие бассейна представляется вполне правдоподобным.

Чтобы убедиться в существовании остальных удобств, обратимся к — ни много, ни мало — изданию «Джерусэлем пост» (домашний выпуск) за 25 января 1995 года («Features»), страница 7.

У меня имеется экземпляр этой газеты, мне прислали его из Израиля. Полустраничная статья называется «Посреди убийств дети поют о братской любви». «В 1943 году десятилетний Дэниэль К. прибыл в Освенцим. Сейчас, будучи профессором в университете, он вспоминает о другом лице лагеря смерти», — говорится во вступлении. Профессор К. пишет: «В 1943 году еврейский детский хор исполнял хорал из девятой симфонии Бетховена... Я был участником того хора... Моя первая встреча с культурой, историей и музыкой состоялась в лагере...»

«В марте 44-го я тяжело заболел дифтерией, и меня отправили в лагерьный госпиталь. Моя мать попросила, чтобы её тоже перевели в госпиталь, где бы она смогла обо мне заботиться (профессор К. не пишет, если ей это разрешили). Медсёстры, врачи и пациенты остались в живых...»

Зачем людям, которых собираются убить, нужны медсёстры, врачи и даже госпитали? Зачем кормить, одевать и предоставлять жильё мальчику, которому было два-три года?

Дэниэль К. продолжает: «Один из молодёжных руководителей нашей группы... попросил разрешение открыть детский воспитательный центр. Разрешение было дано, и вскоре воспитательный центр стал духовным и общественным центром лагерной семьи (лагерной семьи!). Он был душой лагеря.

В этом центре ставились музыкальные и театральные постановки, проводились детские оперные концерты. Проводились также беседы по различным идеологиям — сионизму, социализму, чешскому национализму... Дирижёр, которого звали Имре, ... организовал детский хор. Репетиции проходили в большой уборной, где была хорошая акустика...

Осенью 1944 года... в Германию стали отправлять большое количество трудоспособных заключённых». Конец цитаты.

Вот оно, «большое количество трудоспособных заключённых»! Я умышленно опустил многочисленные и стандартные упоминания об уничтожении, газовых печах и т.д.; мы о них ежедневно слышим на каждом углу. Моей целью было обратить внимание на то, что существование всех этих центров досуга и отдыха открыто признаётся. Их существование бесспорно. Их существование бросает новый свет на знакомые всем нам истории и вызывает дерзкую мысль: может, Освенцим был вовсе не тем, чем его обычно описывают?»

Сенсационное видео Дэвида Коула, о котором идёт речь в этой статье, можно скачать из интернета или приобрести на компакт-диске[572]. Вышеупомянутые центры досуга и отдыха действительно существуют, причём стандартная литература об Освенциме прекрасно о них осведомлена, так что здесь автор статьи неправ. В литературе бывших узников имеется множество упоминаний о вещах, находящихся в разящем контрасте с представлением об Освенциме как о лагере уничтожения. Ниже мною приводится сжатый список этих вещей[1238]:

Культура

Театр[1239]; кинематограф, кабаре[1237], оркестр из всех национальностей, в большинстве своём евреев[1240]; Альма Роуз, племянница композитора Густава Малера, была дирижёром женских оркестров[1241]; Игнац Шпайзер — знаменитый скрипач, Симон Лакс — композитор, скрипач, дирижёр лагерного оркестра[1242], хоровые ансамбли[1243]; русский балет, итальянский оркестр[1244].

Спорт и отдых

Спортплощадка; футбольные матчи между эсэсовцами и заключёнными[1245]; детская игровая площадка, настольный теннис[1246]; детский сад, школа для евреев из Терезиенштадта[1247]; озеленённые территории для отдыха заключённых, клумбы[1248]; плавательный бассейн, водное поло[1237]; сауна[1249]; публичный дом[1250].

Контакты с внешним миром

Отправка и получение писем[1251]; приём посылок для евреев[1252]; 50.000 посылок для евреев[1253]; одна посылка в месяц на одного еврея[1254]; освобождение заключённых[1255]; заключённые, работающие вместе с польскими вольными сотрудниками и английскими военнопленными, тайно провозящие почту и документы[1256]; заключённые со специальными пропусками, покидающие территорию лагеря без сопровождения охранника[1257]; хорошие шансы на побег, 90% побегов — успешные[1258]; визит комиссии Международного общества Красного Креста в сентябре 1944 года[1259]; прослушивание радиостанций союзников[1260].

Чиновническая деятельность

Департамент социального обеспечения, отвечающий на запросы извне, дающий советы по юридическим делам; наследование имущества, регистрация рождений, свадеб, смертей; передача имущества скончавшихся заключённых их родственникам[1261]; лагерная администрация, докладывающая обо всех случаях насильственной смерти прокурору[1262]; тридцать необходимых подписей для выдачи свидетельства о смерти[1263]; склад с урнами; останки скончавшихся узников, высылающиеся родственникам[1264]; уведомление о смерти для родственников из Чехии[1265].

Труд и семья

Гармония между арийскими и еврейскими коллегами и коллегами на высших должностях[1266]; женский трудовой лагерь со швейной мастерской и ткацкой фабрикой[1267]; работает лишь небольшая часть заключённых, 11.331 нетрудоспособный заключённый в мае 1944-го[1268]; семейный лагерь для цыган[1269]; заключённые в гражданской одежде и с длинными волосами, множество рождений в лагере[1270]; детский сиротский приют[1271]; семейный лагерь для евреев из Терезиенштадта[1272].

Питание и здравоохранение

Столовая для узников[1251]; госпиталь для заключённых с несколькими сотнями кроватей[1273]; книги для больных[1274]; восстановление для предстоящего труда[1275]; двойное питание, хирургическое, рентгеновское оборудование[1276]; зубоучасток[1277]; постельный режим и хороший уход за женщинами с нервными расстройствами (послевоенные свидетельства)[1278]; эпидемия тифа летом 1942-го: свыше 200 смертельных исходов в день, в том числе среди вольных сотрудников и эсэсовцев; смерть врача-эсэсовца Швельи[1279]; приличное питание для узников[1280]; 1.800 калорий в день[1281]; иностранные рабочие получают за тяжёлый труд до 4.000 калорий в день — больше, чем немецкий инженер; 4.800 больных и не могущих передвигаться узников остаются в Освенциме под наблюдением врачей[1282]; узники противятся перемещению в другие лагеря[1283].

С: Впечатляющий список, ничего не скажешь... Даже если он и противоречит стандартной картине Освенцима, он, тем не менее, хорошо сочетается с другими фактами, о которых мы узнали на протяжении этих лекций.

Р: А вот цитата из удивительных воспоминаний бывшего узника Освенцима Марка Кляйна, вышедших под заголовком «Основной лагерь Освенцим I»: «По воскресеньям и в праздники, когда у большинства отрядов был выходной, распорядок дня был несколько иным. Перекличка проводилась в полдень, а вечером все отдыхали или занимались спортивной или культурной деятельностью. Игры по футболу, баскетболу и водному мячу (в бассейне на открытом воздухе, построенном узниками на территории лагеря) привлекали большое количество зрителей. [...] Эти игры встречали громкие аплодисменты множества других узников»[1284].

Разумеется, подобные описания встречаются в литературе бывших узников нечасто. О них упоминают, как правило, мимоходом, рядом с традиционными ужасами и злодеяниями. Нужно специально искать и собирать воедино эти вещи, чтобы понять, сколь парадоксальна рисуемая свидетелями картина Освенцима, да и не только Освенцима. Это должен быть вы-

зов для всех нас. Систематичный анализ бесчисленных воспоминаний свидетелей под этим углом зрения ещё предстоит сделать. Но кто осмелится взяться за это неблагодарное дело?

С: Вы что, хотите сказать, что узники в Освенциме развлекались?

Р: Вовсе нет. Положительные стороны Освенцима, о которых говорится в книгах бывших узников, дают неполное представление о физическом и психическом состоянии заключённых. Однако не стоит делать чудовищ из тех, кто упоминает о таких вещах, так же как и скрывать эти вещи, только потому, что они не вписываются в стандартную картину. Делайте выводы из этих положительных сторон сами. Ввиду сжатых размеров настоящей работы я вынужден ограничиться только темой массового уничтожения. Именно поэтому я не буду больше говорить о радостях и горестях заключённых, оставшихся в живых.

Действительность такова, что почти все заявления очевидцев содержат как правдивые, так и ложные утверждения. Людей с идеальной памятью не бывает, так же как и людей с совершенными моральными стандартами. К сожалению, когда речь заходит о холокосте, об этом практически все забывают.

Рис. 149. Бассейн для заключённых в основном лагере Освенцима с тремя стартовыми блоками и трёхметровым мостиком. Фото сделано весной 2001 года. (Немецкое качество: в бассейне до сих держится вода!)

4.6.3. Выдержки из освенцимского архива

Р: В завершение четвёртой лекции позвольте мне привести вам ряд свидетельских показаний, которые я считаю достоверными — главным образом потому, что я не вижу причин, по которым бывшие узники лагерей стали бы выдумывать заявления, оправдывающие или могущие быть использованы для оправдания нацистов.

С: Ну, некоторые узники могли опасаться организаций бывших эсэсовцев или самого немецкого правительства.

Р: Можно утверждать с полной уверенностью, что послевоенное руководство Германии не представляло абсолютно никакой опасности для бывших узников. Да и поведение узников и организаций узников в послевоенной ФРГ ясно показывает, что они никогда не воспринимали новые немецкие власти как угрозу.

Вообще, заявление о том, что организации эсэсовцев могли представлять какую-либо опасность для бывших узников лагерей, — это не совсем удачная шутка. После 1945 года бывшие эсэсовцы, за редкими исключениями, не пользовались никакой юридической поддержкой ни в Европе, ни в других частях света. Ни одна организация подобного рода не пользовалась каким-либо существенным влиянием, в отличие от крайне могущественных и хорошо организованных организаций бывших узников концлагерей.

Впрочем, давайте перейдём к выдержкам из правдоподобных заявлений бывших узников. Как я уже показывал[874], не всему, что они говорят, нужно обязательно верить, но в данной главе я ограничусь заявлениями, внушающими доверие.

Я уже упоминал и анализировал заявления Марилы Розенталь. Несмотря на сильное давление, оказывавшееся на неё, она оставалась твёрдой до конца и продолжала говорить, что она не может вспомнить никаких жестокостей, будто бы происходивших в Освенциме во время её нахождения там (глава 4.2.2). Также я приводил правдивые показания бывшего заключённого Якоба Левинского о его пребывании в трудовом лагере Освенцим-Моновиц (глава 3.4.1), и показания Эмиля Бера, который работал в Освенциме в качестве электрика и был коллегой Адольфа Рёгнера, но не смог подтвердить ничего из того, о чём впоследствии «вспоминал» профессиональный лжец Рёгнер (глава 4.2.4).

4.6.3.1. Артур Хартман

Р: Вскоре после прибытия в лагерь Хартман повредил ногу, и его отправили чистить картошку. Согласно его воспоминаниям, в лагере было множество больных и нетрудоспособных заключённых, что грубо противоречит официальной версии событий, согласно которой таких заключённых сразу же отправляли в газовую камеру. Он рассказывает об эсэсовце, который плохо обращался с заключёнными и которого за это приговорили к смертной казни. В остальном же ему не в чем было жаловаться на лагерный персонал[1285].

4.6.3.2. Генрик Бартошевич

Р: Бартошевич работал на кожевенном заводе Освенцима. Из-за участия в лагерном подполье Бартошевича подвергли допросам, на которых его несколько раз пнули ногой; впрочем, ни о каких других формах дурного обращения или пыток он не упоминает[1286].

4.6.3.3. Александер Горецкий

Р: Горецкий сообщает о заключённом, который только что подвергся операции на мочевом пузыре и готовился к операции на предстательной железе. Разумеется, о том, что заключённых в Освенциме оперировали, предпочитают помалкивать[1287].

4.6.3.4. Адольф Рёгнер

Р: Рёгнер и тот не всегда говорил неправду; так, к примеру, он поведал, что в мае 1943 года во время пребывания в концлагере Дахау его лечили в госпитале, так что в итоге он снова стал трудоспособным[1288].

4.6.3.5 Конрад Ланг

Р: Ланг находился в заключении в Освенциме с 1940-го по 1945-й годы, а в 1943-м году он стал старшим надзирателем («капо») в Немецком цеху по производству оборудования (Deutsche Ausrüstungs-Werke), имея на попечении две тысячи заключённых. Он утверждал, что ему пришлось иметь дело с Богером лишь однажды, при расследовании планируемой попытки саботажа. Западногерманский следователь, допрашивавший Ланга в 1958 году, подытожил его показания следующим образом: «Ланг всего лишь слышал из вторых рук, что Богер был «очень проникательным» и что заключённые его боялись. Ланг утверждает, что он никогда ничего не слышал об убийствах или о расстрелах заключённых Богером или по приказу Богера».

Ланг поднялся очень высоко по лагерной иерархии, он контактировал со многими заключёнными и лицами, ответственными за лагерь. Поэтому тот факт, что он ничего не знал о каких-либо зверствах Вильгельма Богера, выглядит весьма примечательно.

С: Возможно, что из-за сотрудничества с немцами Ланг скомпрометировал себя. Кто знает — может, он тоже издевался над заключёнными, которые были на его попечении?

Р: Эту возможность нельзя исключать, но тогда это бы значило, что его могли шантажировать, а значит, он бы не стал делать ничего такого, что могло бы вызвать недовольство со стороны организаций бывших узников, иными словами — он бы выступил с обвинениями в адрес Богера, пусть даже сказанное им не соответствовало бы действительности. Кстати, тактика по сокрытию собственных преступлений действительно применялась — например, Юджином Когоном, о чём я уже упоминал (глава 2.1). Но Ланг Богера ни в чём не обвиняет. И я не могу найти никаких других объяснений такого поведения со стороны Ланга, кроме как его приверженности истине[1289].

4.6.3.6. Мориц Саломон

Р: Саломон утверждает, что Богер так сильно над ним издевался, что в конце концов он стал «готов для газовой камеры». Но затем произошло чудо, и Саломона отправили в лагерьный госпиталь, где он в итоге поправился[1290].

4.6.3.7. Якоб Фрис

Р: Как и Рёгнер, Якоб Фрис был закоренелым преступником. В Освенциме он отбывал четырнадцатилетний тюремный срок. Фрис занимал должность руководителя всех рабочих групп основного лагеря Освенцима. После войны он был расспрошен союзниками, в том числе и о мнимых преступлениях Богера. Из его допроса следователи сделали следующий вывод: «Он утверждает, что ни о каких расстрелах в Освенциме он не слышал. [...] Он помнит лишь, как в Освенциме охранники стреляли по узникам, пытавшимся перелезть через забор. О каких-либо других преступлениях против заключённых он также не слышал. Он утверждает, что о происходившем в Освенциме и, особенно, в Биркенау он узнал только после 1945 года из сообщений СМИ»[1291].

Здесь мы либо имеем свидетеля, который в состоянии отличить свой собственный опыт от услышанного им после войны, либо мы имеем человека, который сотрудничал с немцами в деле организации принудительных работ и, следовательно, дал такие показания, которые бы позволили ему избежать наказания.

С: А что, разве бывших узников после войны сажали в тюрьму?

Р: Конечно, особенно если они не поддерживали официальную версию и успели нажить себе врагов из числа других узников. Взять, к примеру, Эмиля Беднарека. В Освенцим он будто бы попал за принадлежность к польскому подполью и служил там охранником из числа заключённых. После войны его обвинили в убийстве четырнадцати узников и приговорили к пожизненному тюремному заключению[1292]. Не стоит забывать, что сразу же после войны влиятельные и хорошо организованные ассоциации бывших узников (такие, как Ассоциация жертв нацистского режима VNN) оказывали на своих бывших сотоварищей огромное давление, куда входили угрозы и запугивание (см главу 4.3.3). Для них не составляло особого труда выдумать всевозможные обвинения против несговорчивых коллег. На Западе организации узников были единственной угрозой для бывших заключённых немецких концлагерей, так что мы можем быть уверены, что многие заключённые старались не давать «неправильные» показания.

Следовательно, если бы Якоб Фрис решил дать ложные показания, он бы сделал это таким образом, чтобы не вызывать недовольства со стороны организаций бывших узников, так же как и следователей. Таким образом, если бы ему было что скрывать, то он, скорее всего, поддерживал бы официальную версию. Однако он этого не сделал, несмотря на всю угрожавшую ему опасность.

Что же касается заявления Фриса о том, что о происходившем в Освенциме он ничего не знал, то оно не соответствует истине, поскольку его непосредственным начальником был гауптштурмфюрер Аумайер, руководитель лагеря обеспечивающего ареста и заместитель коменданта Освенцима.

4.6.3.8. Альфред Корн

Р: Сначала Альфред Корн сидел в лагере Плажов, где он пользовался определёнными привилегиями, поскольку Плажов стал закрытым лагерем только в 1943 году. В конце 1943-го он по собственному желанию отправился в Освенцим, где надзиратели-эсэсовцы обращались с ним вполне нормально. Однажды Корн был допрошен лагерным Гестапо, но это не имело для него никаких последствий. Корн сказал, что о лагерных злодеяниях он «знал» из лагерных слухов, но так и не смог дать каких-либо подробностей этих злодеяний. Единственное, что он будто бы «вспомнил», — это газация, имевшая место в ноябре 1944-го. Но даже согласно традиционной версии истории, устройства для уничтожения людей из Освенцима не-

задолго до этого прекратили свою работу, а к ноябрю 1944-го они уже были разобраны[1293].

4.6.3.9. Отто Локке

Р: Отто Локке рассказывает о том, как Богер с ним плохо обращался. После этого он провёл четыре недели в госпитале для заключённых — по всей видимости, из-за болезни, подхваченной им в карцере, или из-за тифа[1294]. Локке сообщает также о том, что начиная с весны 1943-го, по приказам коменданта лагеря Либехеншеля (потребовавшего, чтобы узников перестали бить), Богер стал обращаться с узниками хорошо. Дурная репутация Богера тянется с того времени, когда во время допросов иногда применялись избиения. Как бы то ни было, Локке отказался подавать жалобу на Богера.

4.6.3.10. Райзла Садовская

Р: Находясь в Освенциме, еврейка Садовская получила серьёзную травму на производстве и потеряла работоспособность. Вот что она заявила: «Так как я больше не могла работать, я боялась, что меня отправят в газовую камеру. Все знали, что всех нетрудоспособных отправляют в газовую камеру»[1295].

В конце концов Садовская была отправлена — нет, не в газовую камеру, чего она так боялась и что должно было обязательно произойти согласно легенде, — а в лагерный госпиталь, где она оставалась до тех пор, пока не поправилась. Через семь дней её отправили к самому доктору Менгеле. Тот будто бы стал проводить на Садовской очень болезненные опыты; какие именно — она не уточнила. Как она утверждала, эти опыты сделали из неё калеку. В таком случае, согласно легенде, её уж точно должны были отправить в газовую камеру, поскольку теперь она не только была нетрудоспособной, но и не годилась для опытов, как она сама заявила. Но тут случилось ещё одно «чудо»: за ней снова стали ухаживать до тех пор, пока она окончательно не поправилась[1296].

Вы только вдумайтесь во всё это: с заключённой-еврейкой из Освенцима произошёл тяжёлый несчастный случай, и её отправили в госпиталь, где за ней ухаживали в течение недели. Затем врач-эсэсовец стал проводить на ней неприятные хирургические операции, после чего она полностью поправилась. Это чётко доказывает то, что эсэсовцы сделали всё возможное (включая хирургическое вмешательство), чтобы вернуть этой женщине здоровье и трудоспособность. Однако на послевоенном дознании Садовская попыталась перевернуть всё вверх ногами: её якобы не лечили, а пытались убить. Обратите также внимание на то, что следователь, проводивший это дознание в 1959 году, даже не попытался выяснить, что за опыт (то есть хирургическую операцию) над ней проводили. Это уже в который раз подтверждает детскую доверчивость этих следователей.

То, что пережитое Садовской в Германии во время войны вовсе не было таким уж ужасным, доказывается и тем, что после войны Садовская решила остаться жить в Германии, поскольку ей не понравился израильский климат.

Под ту же самую категорию подпадает и «селекция», через которую Садовская будто бы прошла по прибытии в лагерь. Предназначение: трёхмесячный карантин для всех заключённых, прибывших вместе с Садовской. По завершении этого карантина (целью которого было удостовериться в том, что все заключённые здоровы) женщины прошли через ещё одну селекцию, после которой большую их часть перевели в другие бараки. Затем этих женщин куда-то увезли на грузовиках; при этом они, согласно Садовской, пели свою «последнюю песню».

С: А откуда она знала, что это была их последняя песня?

Р: Хороший вопрос. Наверно, она решила, что раз она больше этих женщин не видела, значит их убили. Это, конечно же, полный бред: если бы эсэсовцы действительно хотели их убить, они бы не стали держать их до этого три месяца на карантине, кормить и поить. К тому же люди, едущие на казнь в грузовиках, вряд ли станут распевать песни по дороге.

4.6.3.11. Уго Брайден

Р: Аналогичный парадокс встречается в показаниях Уго Брайдена, который заявил на дознании, что за одним одиннадцатилетним еврейчиком (которого, вопреки общепринятому мнению и несмотря на его возраст, не отправили в газовую камеру сразу же после прибытия), заболевшим тифом, несколько недель оказывали весь необходимый медицинский уход только для того, чтобы затем сделать ему, выздоровевшему, смертельную инъекцию. Впрочем, окончательная судьба этого мальчика известна Брайдену только по слухам[1297].

4.6.3.12. Эрвин Валентин

Р: В показаниях бывшего узника Валентина также содержится много противоречий. Он утверждает, что подал уголовную жалобу на коменданта рабочего лагеря Нойтомишель по фамилии Штюльпнагель, вследствие которой Штюльпнагеля приговорили к 18 месяцам тюремного заключения за хищение продуктов. Штюльпнагель отбыл свой срок в концлагере Штутхоф[1298].

С: То есть, расхитители продуктов из числа эсэсовцев карались, а убийцы — нет?

Р: Именно в это они хотят заставить нас поверить. Валентин утверждает также, что в результате его постоянных жалоб его в конце концов отправили в Освенцим, где он подхватил пневмонию.

С: То есть он хотел, чтобы его отправили в Освенцим?

Р: Да.

С: Выходит, репутация Освенцима была не такой уж и плохой.

Р: По крайней мере не тогда и не для него. В отличие от остальных тяжелобольных пациентов, которых якобы отправили в газовую камеру, Валентин прошёл курс лечения в Освенцимском госпитале, так как он был врачом-хирургом. Он сообщает, что после этого он стал работать главным врачом в 9-м корпусе госпиталя для заключённых под руководством доктора Ганса Мюнха и что в этом госпитале лежало одновременно до одной тысячи заключённых, большая часть которых болела тифом и дизентерией. Это, разумеется, не согласовывается с заявлением Валентина о том, что тяжелобольных заключённых подвергали селекции и отправляли в газовую камеру. Больше о газовых камерах и селекциях Валентин ничего не говорит, поэтому можно предположить, что о газациях он додумался уже после войны.

О жестоком поведении Богера Валентин знает только по слухам. Сам же он говорит о Богере следующее: «Богер обращался ко мне на вы — первый из всех в Освенциме».

О своей врачебной деятельности у него также остались хорошие воспоминания, а о своём начальнике-эсэсовце он не мог сказать ничего плохого.

Всё, что Валентин знает о массовом уничтожении, основано на слухах, как он сам в этом признаётся: «Всё, что сообщалось о газациях и сожжении несчастных, основано, по большей части, на слухах»[1299].

4.6.3.13. Вальтер Мосбах

Р: Показания Вальтера Мосбаха также весьма противоречивы; он сам признал этот факт и дал ему следующее объяснение: «Я хотел бы разделить доктора Фишера [эсэсовца] на двух разных людей: как доктор он вёл себя хорошо, он даже принимал сторону узников; зато как эсэсовец он, к примеру, отправлял узников, которых за пятнадцать минут до этого он лечил и защищал перед врачами-узниками, в газовую камеру во время селекций»[1300].

С: Отсюда выходит, что врачи-эсэсовцы обращались с заключёнными лучше, чем врачи, отобранные из числа самих заключённых.

Р: Да. В показаниях Мосбаха кроется самый настоящий парадокс: добрый эсэсовский доктор Фишер[1301], отправляющий своих горячо любимых пациентов в газовую камеру с тёплой улыбкой на лице. Весь парадокс, однако, пропадёт, если мы просто вырежем из показаний Мосбаха слова «в газовую камеру», то есть если мы предположим, что Фишер был уверен, что селекция заключённых проводилась им не для отправки последних в газовую каме-

ру, а в других, вполне безобидных, целях, — например, для отправки их в госпиталь или на определённые работы.

4.6.3.14. Макс Вильнер

Р: В показаниях ещё одного бывшего заключённого, Макса Вильнера, также содержится схожее внутреннее противоречие. Сначала он рассказывает о том, как его отобрали из числа других заключённых с подозрением на тиф и отправили в госпиталь Биркенау, где он в итоге выздоровел, и это при том, что он был нетрудоспособным евреем. Однако на следующей странице он заявляет, что в Биркенау заключённых делили на категории в соответствии с их болезнью, но на сей раз это делалось для их отправки в газовую камеру. Правда, о самих газациях ему нечего было сказать: «Даже при всём старании я не могу припомнить какие-либо конкретные случаи. Я попытаюсь в ближайшем будущем встретиться с бывшими узниками Освенцима, проживающими здесь, чтобы всё обсудить вместе с ними и узнать подробности об открытиях Центрального отдела земельных управлений юстиции в Людвигсбурге — прокурора Шулера [правильно: Шуле]»[1302].

Это говорит о том, что свидетели начали регулярно согласовывать между собой свои показания ещё задолго до начала Франкфуртского процесса, в чём им активно помогали прокуроры. Что ж, Вильнер хотя бы не постеснялся это признать.

4.6.3.15. Вильгельм Дибовский

Р: Вильгельм Дибовский пробыл в Биркенау с зимы 1941-1942 годов до февраля 1943 года, куда он попал за членство в немецкой компартии. Он сообщает о массовых газациях[1303], однако его показания переполнены выражениями наподобие следующих: «среди заключённых царил грусть», «позже один из них сказал», «лично я не знаю», «я слышал, что...», «сам я никогда не видел», «он будто бы похвалялся», «польским заключённым ... стало известно», «эти двое ... сказали мне», «я ничего не могу сказать о селекциях», «я знаю только по слухам», «я их не знаю», «я знаю имя Менгеле из одной книги», «я не знаю», «это мне ни о чём не говорит», «в лагере знали, что...», «более подробно об этом я вам не смогу рассказать», «об этом я также ничего не смогу рассказать».

С: Как таких «свидетелей» вообще можно принимать всерьёз?..

Р: Но одно Дибовский знает точно: «Я ничего не могу сказать о крупных газациях в Биркенау, поскольку, как мне кажется, они стали проводиться только тогда, когда меня в Освенциме уже не было».

С: Но ведь считается, что массовые убийства стали проводиться в Биркенау в начале весны 1942-го в бункерах и что тысячи евреев были тогда сожжены в огромных ямах на гигантских кострах, извергавших клубы дыма и языки пламени!

Р: Добавьте сюда и то, что Дибовский лично принимал участие в строительстве лагеря Биркенау, так что он был прекрасно осведомлен о происходившем там. О многом он, однако, знал только по слухам. Впрочем, в одном он был полностью уверен: во время его нахождения в Биркенау никаких крупных газаций там не проводилось.

С: Ура!

Р: Из показаний Дибовского видно также, какими «зверями» были эсэсовцы из Освенцима: «Я знал ... [эсэсовца] Бишоффа из Строительного управления. [...] После 1945 года Бишофф жил в Эссене, и однажды, находясь в Эссене, я его посетил. Я посетил его в 1950 году; тогда он жил в Эссене на Клаппштрассе 78. Впоследствии он переехал в Эссен-Штееле. [...] У меня есть сосед, который был одним из охранников в Освенциме. [...] Я не могу сказать о нём ничего плохого — только хорошее».

Карл Бишофф был главой Центрального строительного управления СС из Освенцима, под чьим руководством будто бы были воздвигнуты гигантские сооружения для массового уничтожения. А поскольку Дибовский участвовал в строительстве лагеря, Бишофф был его начальником.

С: С кем он остался в добрых отношениях после войны, так же как и с одним из бывших

охранников.

Р: Да, откуда следует, что все эсэсовцы были жуткими злодеями...

Über die großen Vergasungen in Birkenau kann ich nichts aussagen, da diese m.Erachtens, da diese erst nach meiner Zeit in Auschwitz durchgeführt wurden. Ich weiß deshalb auch nicht, wer maßgeblich an der Durchführung dieser Vergasungen mitgewirkt hat.

Рис. 150. Вильгельм Дибовский ничего не знает... («Akten», стр. 1011)

4.6.3.16. Ганс Рёриг

Р: Рёриг попал в тюрьму в 1936 году за коммунистическую деятельность и государственную измену. В начале 1942 года он был переведён в Биркенау. Рёриг рассказывает о том, как один охранник, застреливший безо всяких причин одного заключённого, был арестован эсэсовцами и уведён[1304].

С: Выходит, самовольные расстрелы всё-таки считались преступлением?

Р: Именно так. Существовал даже специальный эсэсовский приказ, согласно которому жестокое обращение с заключёнными должно было сурово караться[1305]. То, настолько строго соблюдался этот приказ и действительно ли эсэсовцы, нарушившие его, подвергались суровому наказанию, — другой разговор.

В июне 1942 года Рёриг заболел тифом и был отправлен... нет, не в газовую камеру... в госпиталь из основного лагеря Освенцима, где он оставался вплоть до августа 1942-го, пока не поправился — благодаря медицинскому уходу со стороны эсэсовцев.